

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

юрген хабермас

ОБРАЗ ОБЩЕСТВА

Jürgen Habermas

**Legitimationsprobleme
Im Spätkapitalismus**

Suhrkamp Verlag Frankfurt-am-Main 1973

юрген хабермас

**ПРОБЛЕМА
ЛЕГИТИМАЦИИ
ПОЗДНЕГО
КАПИТАЛИЗМА**

Москва
Праксис. 2010

УДК 1/14
ББК 87.6
X12

Серия «Образ общества» выходит в свет при поддержке Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)

Редакционный совет серии:

В. С. Вахштайн, И. Е. Дискин, Т. А. Дмитриев,
В. А. Куренной, В. К. Левашов, В. В. Петухов,
Д. М. Рогозин, А. М. Руткевич, В. В. Федоров,
А. Ф. Филиппов, И. А. Фомин, А. Ю. Чепуренко

Перевод книги на русский язык

выполнен по изданию:

*Habermas Jürgen. Legitimationsprobleme
im Spätkapitalismus.*

Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1973

Хабермас Юрген

X12 Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л.В. Воропай. Общая редакция и вступительная статья О.В. Кильдюшов. Примечания, именной и предметный указатели Т.А. Дмитриев. — М.: Праксис, 2010. — 264 стр. — (Серия «Образ общества»).

ISBN 978-5-901574-81-2

Работа крупнейшего немецкого философа и социального теоретика, впервые опубликованная в 1973 году, и с тех пор выдержавшая множество переизданий, посвящена проблемам легитимации позднего капитализма, связанным с таким ключевым условием существования капиталистических политических систем, как получение «согласия» граждан на их сохранение. Сегодня эти политические системы сталкиваются с серьезными кризисными явлениями, угрожающими самому их существованию. Одним из фундаментальных оснований современного кризиса капитализма, согласно Хабермасу, является противоречие между динамикой капиталистического роста и требованиями большей степени политического участия, социальной справедливости и равенства, выдвигаемыми гражданами капиталистических обществ. Книга будет интересна всем тем, кого интересуют политические и социальные проблемы современного мира, вновь вступившего сегодня в фазу затяжного системного кризиса.

© Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main,
1973

© Л. В. Воропай, перевод, 2010

© А. В. Кулагин, оформление обложки,
2010

ISBN 978-5-901574-81-2

© Издательская группа «Праксис», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кильдюшов О. В.</i> Актуален как никогда	I
Предисловие	7
I. Понятие кризиса в социальных науках	8
1. Система и жизненный мир	8
2. Некоторые компоненты общественных систем	19
3. Примеры принципов организации общества	33
4. Кризис системы, рассмотренный на примере либерально-капиталисти- ческого кризисного цикла	46
II. Кризисные тенденции при позднем капитализме	57
1. Дескриптивная модель позднего капитализма	57
2. Проблемы последствий позднекапиталистического роста	70
3. Классификация возможных кризисных тенденций	76
4. К теоремам экономического кризиса	86
5. К теоремам кризиса рациональности	103
6. К теоремам кризиса легитимации	115
7. К теоремам кризиса мотивации	127
8. Итоговый обзор	155

III. К логике проблем легитимации	158
1. Понятие легитимации у Макса Вебера	161
2. Истинностный потенциал практических вопросов	169
3. Модель подавления универсализуемых интересов	182
4. Конец индивидуума?	193
5. Комплексность и демократия	212
6. Партийность для разума	230
Примечания	233
Именной указатель	253
Предметный указатель	255

АКТУАЛЕН КАК НИКОГДА

ПОЧЕМУ КНИГА Ю. ХАБЕРМАСА
«ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ
ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА»
ВАЖНА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

Выдающегося немецкого социолога Юргена Хабермаса в России знают прежде всего как представителя Франкфуртской школы, о мыслителях которой у нас принято говорить не иначе как об «известных», «крупнейших» или «наиболее влиятельных» в интеллектуальной истории 20-го века. В этом смысле Хабермас как — опять же «наиболее видный» — представитель второго или «среднего» поколения лидеров Франкфуртского института социальных исследований также не является исключением. Многие интеллектуалы нашей страны знакомы с его концепцией коммуникативного разума, а некоторые наиболее «продвинутые» уже ознакомились с теми переводами его работ, что начали появляться в последнее время. Тем не менее лишь немногие российские читатели смогли получить более или менее адекватное представление об интеллектуальной широте, философской глубине и политической остроте мысли Юргена Хабермаса. Ведь некоторые важнейшие его работы по-прежнему не переведены на русский язык, многие его идеи до сих пор не введены в интеллектуальный оборот, не говоря уже о серьезном их осмыслении. Прежде всего речь идет об *opus magnum* интеллектуального развития Ю. Хаберма-

са — вышедшей в 1981 году книге «Теория коммуникативного действия», тут же ставшей визитной карточкой этого знаменитого мыслителя. А ведь в ней впервые в истории современной социальной теории общественное развитие представлено не только как процесс усиления технической и функциональной рациональности, но — в качестве самой его предпосылки — назван процесс развития коммуникативного разума: насилие как средство разрешения конфликтов исторически вытесняется модусом разумного взаимодействия граждан. Тем самым сокращается социальное пространство, где основными являются отношения господства и контроля, а соединение мысли и действия превращает политическую практику в свободную кооперацию агентов, направленную на создание разумного и демократического политического и социального порядка. В данной и последующих работах Юрген Хабермас предстает как крупнейший теоретический социолог Современности.

Тем более достойно сожаления, что пока в России вряд ли можно говорить об активном освоении трудов этого мыслителя на уровне общекультурной прагматики. Более того, можно заметить определенный парадокс, характерный для всей нынешней ситуации в гуманитарной сфере: в российском интеллектуальном сообществе гораздо лучше известны и освоены теоретические продукты и артефакты вторичного или даже третичного уровня, возникшие в качестве интеллектуальной реакции и/или (попытки) критики «очень знаменитых» (но не слишком у нас читаемых) мыслителей уровня Юргена Хабермаса. Следствием подобной «перевернутой» рецепции западной истории идей явля-

ется, во-первых, процесс псевдоархаизации подлинно оригинальных концепций, заложивших понятийный фундамент позднейших дискуссий. То есть Хабермас как бы устарел уже потому, что мы гораздо лучше ознакомлены с новейшей критикой, «преодолением» или «снятием» его мысли, чем с самими его трудами. Ситуация усложняется еще и тем, что многие «классики» сами постоянно пересматривали, развивали и уточняли свои теории, и наш герой здесь не исключение. Во-вторых, часто печальным следствием подобной искаженной рецепции является полнейшая утрата всяческой культурной и теоретической релевантности в актуальных российских «исследованиях», основанных на «новейшей», но не обязательно «важнейшей» западной литературе. Это сильно напоминает попытку ответить на вопрос, заданный когда-то другому...

Как и некоторые другие крупные социальные мыслители наших дней, Юрген Хабермас являет собой яркий пример того, как мысль может стать практически действенной, соединяя философское учение и политическую позицию. Однако в отличие от, например, Сартра, Рассела или даже своего ментора Адорно, в свое время пригласившего Хабермаса в возрожденный Институт социальных исследований во Франкфурте, он никогда не ограничивался ставшими уже традиционными для Запада интервенциями интеллектуала в политическую и общественную жизнь. Безусловно, Хабермас также убежден в необходимости подобных действий, однако причину этого следует искать не в институциализации пафоса интеллектуала, рожденного еще знаменитым памфлетом Эмиля Зо-

ля «Я обвиняю» (*J'accuse!*) и ставшего с тех пор неотъемлемой чертой габитуса Homo academicus. В отличие от более известных у нас наследников Золя, считающих своим долгом высказываться в медиа по любому поводу — от глобальных экологических проблем и до ситуации в Чечне (невзирая на отсутствие элементарных представлений о предмете), для Хабермаса объединение теории и практики само является глубочайшим мотивом его программы, в центре которой — развитие содержательной систематической теории общества. Здесь он вполне остается в русле традиций Франкфуртской школы, посвятившей свое основное внимание проблеме практической реализации разума в истории, пытаясь по-философски сформулировать важнейшие пункты критики ограниченной и превратно истолкованной инструментальной рациональности. Как уже говорилось, ключом к критике подобного «укороченного» *ratio* для Хабермаса стала идея коммуникативного разума, который в постметафизических условиях должен стать не только основанием философской критики Современности, но и мерой исторической оценки — вроде того, как Гегель возлагал решение этой двойной задачи на Абсолютный дух. Немало интеллектуального мужества потребовалось Хабермасу для развития столь смелой и даже рискованной концепции, радикально противоречащей господствующей сциентистской социологии Модерна с ее дисциплинарной (и дисциплинирующей) специализацией!

По мнению Акселя Хоннета, ныне одного из самых видных продолжателей Франкфуртской традиции, идея сближения теоретической мысли и

политического действия вовсе не была исходной в интеллектуальном становлении Юргена Хабермаса. Источником его повышенного внимания к проблеме связи политического (само)позиционирования и теоретического интереса стало знакомство в 1953 году с публикацией лекции Мартина Хайдеггера о «Введении в метафизику», прочитанной в 1935 году. Публикация, не содержащая ни слова морального дистанцирования от национал-социалистической ангажированности философа, вызвала в 24-летнем докторанте не только возмущение отказом Хайдеггера признать какую-либо политическую ответственность за свой «роман» с нацизмом, но и теоретический интерес к политическому влиянию самой формы подобного философствования. В результате Хабермас впервые появляется на общественной сцене с небольшой, но как выясняется, программной статьей. Именно тогда политическая культура молодой Федеративной Республики Германии обрела один из своих важнейших голосов. Естественно, что потребовались дальнейшие этапы интеллектуальной биографии Ю. Хабермаса (включая участие под опекой Адорно в эмпирических социальных исследованиях), чтобы постепенно прийти к формулировке ставшей ныне знаменитой идеи: социальная несправедливость исторически может быть устранена лишь благодаря практике, которая сама свободна от отношений господства. Так, в предисловии к публикации результатов исследования политического сознания западногерманского студенчества «Студент и политика» (1961), проведенного Институтом социальных исследований, он впервые выдвигает концепт свободного волеобразования как предпосыл-

ку демократического правового государства. А в своей хабилитационной работе «Структурные изменения общественности» (1962) социолог пытается обнаружить в кантовской концепции общественного использования разума ту форму вербального действия, что должна способствовать историческому воплощению разума.

Каждый следующий этап интеллектуального развития Ю. Хабермаса не только открывал новые горизонты Критической теории общества, но и в определенной степени сдвигал ее акценты. Тем не менее ее теоретическим фундаментом была и остается мысль о том, что общественное взаимопонимание всегда значительно затруднено там, где социальное господство ограничивает свободную артикуляцию убеждений. Так, ко второй половине 60-х годов постепенно стали вырисовываться систематические контуры Критической теории как попытки реконструкции истории человечества в перспективе эмансипации как ведущего познавательного интереса. Задача такой теории состоит не только в выявлении отношений господства и угнетения, но и в усилении готовности и способности к освобождающей (само)рефлексии. В духе традиции Франкфуртской школы, структурирующей идейный поиск Хабермаса несмотря на «влияния» иных традиций, речь у него всегда идет о разработке теории общества, т. е. теории демократии, соответствующей как достигнутому уровню социально-научного знания, так и историческому опыту.

В этом смысле важной вехой социального анализа Юргена Хабермаса стала его работа «Проблемы легитимации позднего капитализма», напи-

санная почти 40 лет назад. Несмотря на столь значительный возраст книги, даже беглое знакомство с ее основными тезисами показывает: эта книга сегодня не только не устарела, но обрела новую актуальность на фоне нынешнего глобального кризиса неолиберального капитализма. Чтобы продемонстрировать сегодняшнюю актуальность данной книги для современного читателя, достаточно привести пару цитат из нее:

«Экономические кризисы — это первый (и возможно, единственный) в истории пример системного кризиса, который отмечен тем обстоятельством, что диалектическое противоречие между участниками определенного процесса взаимодействия развивается *в пределах* структурно неразрешимых системных противоречий или проблем управления. Системные кризисы в результате смещения конфликта интересов на уровень управления системой обретают очень контрастную объективность: они обладают характером природных катастроф, которые вырываются изнутри системы целерационального действия».

«Экономический кризис оборачивается непосредственно социальным кризисом, поскольку через выявление противоположности социальных классов осуществляется практическая критика идеологии самопрезентации той сферы общественных отношений, которая лишь кажется свободной от власти. Экономический кризис следует из противоречивых императивов системы и несет угрозу системной интеграции; *одновременно* он является и социальным кризисом, в котором сталкиваются

АКТУАЛЕН КАК НИКОГДА

интересы действующих групп и ставится под вопрос социальная интеграция общества».

«В настоящий момент я не вижу никакой возможности найти убедительные аргументы для ответа на вопрос о вероятности самотрансформации позднего капитализма. Но я не исключаю возможности того, что экономический кризис может быть перехвачен в долгосрочной перспективе, пусть и таким способом, при котором противоречивые императивы управления, реализующиеся в результате принуждения к увеличению капитала, порождают целый ряд других кризисных тенденций».

Как видно из данных тезисов, прямо пересекающихся с нашим нынешним кризисным опытом, автору не пришлось бы вносить особых изменений в текст, если бы он решил адаптировать данное исследование к реалиям начала 21 века. В этом смысле книга Ю. Хабермаса «Проблемы легитимации позднего капитализма» может стать для современного российского читателя отличным подспорьем в понимании комплексных социальных процессов, протекающих в эпоху поздней Современности.

О.В. Кильдюшов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Применение Марксовой теории кризиса к изменившейся реальности «позднего капитализма» влечет за собой определенные сложности. Вследствие этого возникают интересные попытки по-новому сформулировать старые теоремы или же, вместо них, развить новые теоремы кризиса. Во время подготовки некоторых эмпирических проектов мы в нашем институте пробовали и эти подходы; набросок аргументации во второй части моей работы резюмирует то, что я вынес из этих дискуссий. Если при этом, отклоняясь от обычной практики, я отсылаю к внутриинститутским рабочим документам, то контекст дискуссий, в котором я нахожусь, должен показать всю степень незавершенности этих дискуссий, которые до сих пор никоим образом не привели нас к согласию. В остальном мне бы не хотелось, чтобы прояснение общих структур гипотез принималось за эмпирические результаты.

Программный характер первой части проясняет то обстоятельство, что теория социальной эволюции сегодня едва ли существует, хотя она должна была бы стать основанием общественной теории. Апорийный характер последней части позволяет, с другой стороны, установить тесную взаимосвязь материальных вопросов теории современных общественных формаций с основополагающими проблемами, которые, как я надеюсь вскоре показать, могли бы быть объяснены в рамках теории коммуникативного действия¹.

І. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

1. СИСТЕМА И ЖИЗНЕННЫЙ МИР

Всякий, кто использует выражение «поздний капитализм», выдвигает тем самым гипотезу, что даже при государственно-регулируемом капитализме общественное развитие полно противоречий или кризисов¹. Поэтому для начала мне хотелось бы разъяснить само понятие кризиса.

В донаучном словоупотреблении понятие кризиса известно нам из медицинского обихода. В этом случае имеется в виду та фаза заболевания, во время которой решается, достаточно ли будет у организма собственных сил для выздоровления. Критический процесс, т. е. сама болезнь, кажется чем-то объективным. Инфекционное заболевание, например, вызывается внешним воздействием на организм; и отклонения в зараженном организме оцениваются посредством его сравнения с нормальным состоянием, состоянием здорового. Сознание пациента не играет при этом никакой роли; то, как пациент себя чувствует и как он сам переживает собственную болезнь, есть лишь симптом процесса, на который он сам едва ли может повлиять. Однако, коль скоро с медицинской точки зрения речь идет о жизни и смерти, мы не стали бы говорить о кризисе, если бы речь здесь шла только лишь о некотором извне наблюдаемом объективном процессе, в который пациент не был бы вовлечен со всей своей субъективностью. Кризис

1. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

неразрешим с позиции того, кто в нем находится: пациент переживает собственное бессилие перед объективностью болезни лишь потому, что он есть субъект, обреченный на пассивность, субъект, временно лишенный возможности полностью распоряжаться собственными силами.

С кризисами у нас связано представление о некоем объективном насилии, которое лишает субъекта той доли суверенности, которая обычно ему принадлежит. Когда мы рассматриваем некоторый процесс как кризис, мы имплицитно придаем ему нормативный смысл: разрешение кризиса приносит вовлеченному субъекту освобождение. Это становится еще более заметно, когда мы от медицинского обращаемся к драматургическому понятию кризиса. В классической эстетике, от Аристотеля до Гегеля, кризис означает переломный момент некоторого судьбоносного процесса, который при всей его объективности не просто приходит извне, но и остается внешним по отношению к идентичности пребывающих в нем персонажей. Противоречие, которое выражается в катастрофическом обострении конфликта действия, заложено в структуре системы действия и в самой системе персонажей. Судьба вершится посредством разоблачения противоборствующих норм, разрушающих идентичность персонажей, если последние, в свою очередь, не обретают силу для возвращения свободы благодаря тому, что они разрушают мифическую власть судьбы, получая при этом для себя новую идентичность. Это взятое из классической трагедии понятие кризиса находит свое соответствие в историко-медицинском понятии кризиса².

1. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Благодаря философии истории 18-го века эта фигура мысли проникает в эволюционистские социальные теории 19-го века³. В частности, впервые в социальных науках Маркс разрабатывает понятие системного кризиса⁴, на основании которого мы и говорим сегодня о социальных или экономических кризисах. Если речь, к примеру, заходит о Великой депрессии начала 30-х годов, то коннотации с Марксом неизбежны. Однако здесь я хотел бы вовсе не добавить еще что-либо к историко-догматическим разъяснениям Марксовой теории кризисов⁵, но скорее систематически ввести понятие кризиса, которое могло бы применяться в социальных науках.

Социальным наукам сегодня предлагается системно-теоретическое понимание кризиса⁶. Кризисы возникают тогда, когда структура общественной системы допускает меньше возможностей для разрешения проблем, нежели необходимо для сохранения самой системы. В этом смысле кризисы являются постоянными помехами *системной интеграции*. Против применения такой концепции в социальных науках говорит то, что она не принимает во внимание *внутренние* причины «системной» перегрузки способности управления («systematische» Überforderung von Steuerungs-kapazitäten) (или «структурной» неразрешимости проблемы управления). Ведь и социальные системные кризисы возникают не из-за случайных изменений в окружающем мире, а из-за структурно обусловленных системных императивов, которые несовместимы и не могут быть сведены в одну иерархию. Однако структурно обусловленные противоречия могут быть обозначены

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

лишь в том случае, если мы можем указать важнейшие составные структуры. Такие структуры должны отличаться от элементов системы, которые могут изменяться, не нарушая при этом идентичность системы как таковой. Существенные сомнения по поводу системно-теоретического понятия социального кризиса возникают из-за тех сложностей, которые проявляются при попытке однозначно определить границы и состав социальных систем на языке самой теории систем⁷.

Организмы обладают четкими пространственными и временными границами; их состав определяется посредством заданных нормативных параметров (Sollwerte), которые колеблются исключительно в эмпирически выявляемых пределах. Социальные же системы, напротив, могут удержаться в сверхсложном окружающем мире лишь посредством того, что они изменяют или элементы системы, или нормативные величины, или и то и другое, чтобы сохраниться на новом уровне управления. Однако если системы сохраняются посредством того, что они изменяют и свои границы, и свой состав, их идентичность становится размытой. Одно и то же изменение системы может быть в равной степени понято и как процесс ее обучения и изменения, и как процесс ее распада и краха: здесь невозможно однозначно решить, образовалась ли при этом новая система или это всего лишь регенерация старой. Не всякие структурные изменения общественной системы являются одновременно кризисами. Очевидно, что допустимые границы, в рамках которых могут колебаться нормативные параметры общественной системы, без критической угрозы составу и

1. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

идентичности системы, не могут быть охвачены в рамках объективистского подхода системной теории. Системы не представлены в качестве субъектов; лишь субъекты, как учит донаучное словопотребление, могут впасть в кризис. Лишь тогда, когда члены общества *переживают* структурные изменения как критические по отношению к состоянию системы и ощущают угрозу своей социальной идентичности, мы можем говорить о кризисе. Помехи системной интеграции опасны для состояния системы лишь в той мере, в какой на кону стоит *социальная интеграция*, т. е. в той степени, в какой основания консенсуса нормативных структур нарушаются столь существенно, что общество становится аномическим. Состояния кризиса принимают форму дезинтеграции общественных институтов⁸.

Социальные системы также имеют собственную идентичность и могут ее потерять; историки ведь более чем в состоянии отличить революцию в определенном государстве или крах империи от простых структурных изменений. При этом они обращаются к тем толкованиям, посредством которых члены одной системы опознают принадлежность друг друга к одной и той же группе и, исходя из этой групповой идентичности, утверждают собственную я-идентичность (*Ich-Identität*). Прерывание традиции, при котором удостоверяющие идентичность системы толкований теряют свою социально-интегративную силу, в историографии является показателем краха социальной системы. С этой точки зрения, общество теряет свою идентичность, как только новое поколение перестает узнавать себя в некогда конститутивной культурной традиции. Однако и это идеалисти-

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

ческое понятие кризиса не лишено сомнительности. Прерывание традиции является по меньшей мере неточным критерием, поскольку в ходе истории изменялись сами средства передачи традиции и формы осознания исторической преемственности. Кроме того, само современное кризисное сознание *post festum* часто оказывается обманчивым. Общество впадает в кризис не только потому и не только тогда, когда так считают члены этого общества. Но как же нам тогда отличать кризисную идеологию от реального кризисного состояния, если социальные кризисы можно связать исключительно с феноменами сознания?

Кризисные процессы обязаны своей объективностью тому обстоятельству, что они возникают из неразрешенных проблем управления. Кризисы идентичности находятся во взаимосвязи с проблемами управления. При этом проблемы управления чаще всего не осознаются действующими субъектами; однако они создают дальнейшие проблемы, которые специфическим образом влияют на их осознание, — именно таким образом социальная интеграция оказывается под угрозой. Вопрос состоит в том, когда появляются проблемы управления, которые отвечают этому условию. Понятие кризиса, релевантное для социальных наук, должно содержать в себе эту взаимосвязь между системной и социальной интеграцией. Но оба эти выражения — «социальная интеграция» и «системная интеграция» — происходят из разных теоретических традиций. О социальной интеграции мы говорим в контексте институциональных систем, в которых социализированы говорящие и действующие субъекты; общественные же системы проявляются здесь в аспекте

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

символически структурированного *жизненного мира* (*Lebenswelt*)⁹. О системной интеграции мы говорим в контексте специфических функций управления некой саморегулирующейся *системы*; общественные же системы проявляются здесь в аспекте способности сохранять свои собственные границы и собственный состав благодаря преодолению комплексности изменчивого окружающего мира. Обе парадигмы — *жизненный мир* и *система* — верны; проблему представляет их взаимосвязь¹⁰. В аспекте *жизненного мира* мы тематизируем нормативные структуры (ценности и институты) в данном обществе. Мы анализируем события и состояния в зависимости от функций социальной интеграции (в Парсоновских терминах: *integration** и *pattern maintenance***), в то время как не-нормативные составляющие системы признаются ограничительными условиями. В системном аспекте мы тематизируем механизмы управления и расширение пространства свободы действий в данном обществе. Мы анализируем события и состояния в зависимости от функций системной интеграции (в Парсоновских терминах: *adaptation**** и *goal-attainment*****), в то время как нормативные параметры используются как исходные данные. Когда мы определяем социальную систему как *жизненный мир*, мы элиминируем аспект управления; если же мы понимаем общество как систему, тогда остается без внимания аспект значимости (*Geltungsaspekt*), т. е. то обстоя-

* Интеграции (англ.).

** Поддержания образца (англ.).

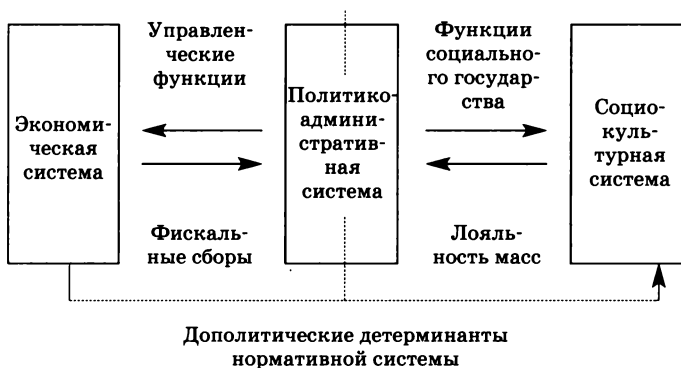
*** Адаптации (англ.).

**** Целедостижения (англ.).

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

тельство, что социальная реальность фактически состоит из признанных, часто контрфактических притязаний на значимость (*Geltungsansprüche*).

Системно-теоретическая понятийная стратегия непременно вовлекает в свой язык также и нормативные структуры, однако концептуально она разрабатывает каждую общественную систему исходя из ее центра управления. Так, в дифференцированных обществах политическая система (как выделенный центр управления) занимает вышестоящее положение по отношению к социокультурной¹¹ и экономической системам. Следующую схему я позаимствую из одного из рабочих документов¹²:

Социальная эволюция, которая реализуется в трех направлениях — развития производительных сил, увеличения автономии систем (власть) и изменения нормативных структур, — в аналитическом пространстве системной теории сводится к одному единственному уровню усиления власти посредством уменьшения сложности окружающего мира. Эту проекцию легко продемонстрировать на примере Лумановской переформулиров-

1. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

ки основных социологических понятий. Я уже пытался показать в другом месте¹³, что такие конститутивные для культурного воспроизводства жизни притязания на значимость, как, например, понятия «истина» и «правильность/адекватность» (*Richtigkeit/Angemessenheit*), теряют смысл для дискурсивного разрешения проблемы, если они понимаются как средства управления и ставятся на один уровень с другими средствами, такими как власть, деньги, доверие, влияние и т.д. Теория систем может допускать в свою предметную область лишь эмпирические события и состояния и должна поэтому перевести *проблемы значимости* в *проблемы поведения*. Поэтому Луман проводит реконцептуализацию таких понятий, как познание и дискурс, действие и норма, господство и идеологическая легитимация, помещая их всегда ниже того порога, по ту сторону которого впервые становится возможным дифференцировать способности органических и социальных систем (то же самое, по моему мнению, относится к попытке Лумана ввести «смысл» и «отрицание» как основные дифференцирующие понятия). Преимущества всеобъемлющей понятийной стратегии оборачиваются понятийно-империалистической слабостью, как только аспект управления обособливается и предметная сфера социальных наук сужается до потенциалов отбора (*Selektionspotentiale*).

Понятийная стратегия теории действия избегает этой проблемы, но порождает дихотомию нормативных структур и ограничивающих материальных условий¹⁴. Конечно, на аналитическом уровне между подсистемами возникает извест-

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

ная иерархия социокультурной, политической и экономической систем, однако внутри каждой системы нужно отличать нормативные структуры от ограничивающего субстрата:

Подсистемы	Нормативные структуры	Субстратные категории
социокультурная	Система статусов Субкультурные жизненные формы	Распределение имеющихся в наличии у частных лиц компенсаций и прав распоряжения
политическая	Политические институты (государство)	Распределение легитимной власти (и структурного насилия); имеющаяся в наличии организационная рациональность
экономическая	Экономические институты (производственные отношения)	Распределение экономической власти (и структурного насилия); имеющиеся в наличии производительные силы

Эта концептуализация требует дополнить анализ нормативных структур анализом релевантных для управления ограничений и возможностей. Правда, для анализа кризиса это требование, конечно же, является слишком слабым, поскольку нуждается в таком аналитическом уровне, на котором становится ощутимой *взаимосвязь* между нормативными структурами и проблемами управления. Я обнаруживаю этот уровень в исторически

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

ориентированном анализе общественных систем, который позволяет нам установить соответствующую область допустимых величин (Toleranzbereich), в пределах которых нормативные параметры данной системы могут колебаться, не подвергая при этом ее состояние критической угрозе. Границы этого вариативного пространства проявляют себя как границы исторической преемственности¹⁵. Однако эластичность нормативных структур, т. е. пространство вариаций без прерывания традиции, зависит не только и не столько от непротиворечивых требований самих нормативных структур. Нормативные параметры социальных систем являются, с одной стороны, продуктом культурных ценностей конститутивной традиции, а с другой — продуктом ненормативных требований системной интеграции: в нормативных параметрах происходит соединение культурных определений общественной жизни с системно-теоретически реконструируемыми императивами выживания, для анализа которого до сих пор не существует убедительных концептуальных инструментов и методов.

Пространства вариаций для структурных изменений могут быть представлены только в рамках теории социальной эволюции¹⁶. При этом здесь оказывается полезным Варксово понятие общественной формации. Формация общества определяется фундаментальным принципом организации, который задает абстрактное пространство возможностей изменения общественного состояния. Под принципами организации я понимаю крайне абстрактные правила, которые в невероятных эволюционных сдвигах возникают как эмерджентные

1. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

свойства и обозначают соответственно новый уровень развития. Принципы организации ограничивают способность общества к обучению без утраты идентичности. В соответствии с этим определением проблемы управления могут вызвать кризис тогда (и только тогда), когда они не могут быть разрешены в пределах пространства возможностей, которые задает принцип организации общества. Принципы организации подобного рода, во-первых, закладывают механизм обучения, от которого зависит развитие производительных сил; во-вторых, они определяют пространство вариаций для обеспечивающих идентичность систем толкований; и, наконец, они устанавливают институциональные границы для потенциального роста возможностей управления. Прежде чем разъяснить понятие принципа организации на нескольких примерах, мне хотелось бы обосновать выбор понятия посредством обращения к компонентам общественных систем.

2. НЕКОТОРЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Для начала опишем три универсальных свойства общественных систем:

а) Обмен общественных систем с окружающим их миром осуществляется в производстве (освоение внешней природы) и социализации (освоение внутренней природы) посредством способных принимать истинностное значение высказываний и нуждающихся в легитимации норм, т. е. посредством дискурсивных притязаний на значимость;

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

развитие в обоих направлениях следует рационально реконструируемым образцам.

б) Общественные системы изменяют свои нормативные параметры в зависимости от состояния производительных сил и степени автономии систем, однако вариации нормативных параметров ограничиваются логикой развития картин мира, на которые императивы системной интеграции не имеют никакого влияния; с точки зрения управления социализированные индивиды образуют парадоксальный внутренний окружающий мир (innere Umwelt).

с) Уровень развития общества определяется институционально допустимой способностью к обучению, и в частности тем, выделяются ли теоретико-технические и практические вопросы как таковые и имеют ли место дискурсивные процессы обучения.

К пункту а): окружающий мир общественных систем можно разделить на три сегмента: внешняя природа, или материальные ресурсы не-человеческого происхождения; остальные общественные системы, с которыми соответствующее общество находится в контакте; внутренняя природа, или органический субстрат членов этого общества. Общественные системы отграничиваются от своего социального окружения символически; до тех пор, пока не возникла универсалистская мораль, это может происходить посредством дифференциации внешней и внутренней морали. Этот комплекс может основываться на себе. Для той специфической формы, в которой воспроизводится социокультурная жизнь, решающими являются процессы обмена с внешней и внутренней природой. Речь в этом случае

идет о процессах обобществления, в которых общественная система «поглощает» природу. Внешняя природа присваивается в процессах производства, внутренняя — в процессах социализации. Вместе с растущими возможностями управления общественная система переносит свои границы в природу вглубь и вширь: с «властью» системы возрастает как контроль над внешней природой, так и интеграция внутренней природы. Процессы производства истощают природные ресурсы и превращают высвобожденную энергию в потребительную стоимость. Процессы социализации образуют членов системы, делая их субъектами, способными говорить и действовать; в эти образовательные процессы вступает эмбрион, и индивид остается в них до самой своей смерти (если не принимать во внимание паталогические пограничные случаи десоциализации).

Общественные системы обобществляют внешнюю природу с помощью производительных сил; они организуют и обучают рабочую силу, они развивают технологии и стратегии. Для этого им необходимо технически применимое знание. Понятия когнитивной способности и информации, которые обычно используют в этой связи, подразумевают качественный скачок и в то же самое время преемственность по отношению к интеллектуальным способностям животных. Специфическое достижение общественных систем я вижу в том, что они расширяют контроль над внешней природой с помощью проверяемых на истинность высказываний. Труд или инструментальное действие руководствуются техническими правилами; последние воплощают эмпирические допущения, притязания на истинность, т. е. дискурсивно раз-

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

решимые и принципиально критикуемые притязания на значимость. Социальные системы обобществляют внутреннюю природу с помощью нормативных структур. В них потребности интерпретируются, а действия лицензируются, или делаются обязательными. Возникающее при этом понятие мотивации не должно скрывать от нас то специфическое обстоятельство, что общественные системы осуществляют интеграцию внутренней природы посредством *нуждающихся в легитимации* норм. Последние, в свою очередь, также предполагают притязания на значимость, которые могут быть разрешены только дискурсивно: притязания на истинность, которые мы выдвигаем вместе с эмпирическими утверждениями, соответствуют требованиям правильности или адекватности, которые мы устанавливаем посредством норм действия и оценки.

Общественные системы могут сохраняться по отношению к внешней природе посредством инструментального действия (по техническим правилам), а по отношению к внутренней природе — посредством коммуникативных действий (по действующим нормам), поскольку на социокультурной ступени развития животное поведение реорганизовано в соответствии с императивами притязаний на значимость¹⁷. Эта реорганизация реализуется в структурах интерсубъективности, возникающей благодаря языку. Речевая коммуникация обладает двойной структурой: коммуникация по поводу пропозициональных содержаний возможна только при одновременной метакоммуникации по поводу межличностных отношений¹⁸. В этом выражается специфически человеческое

ограничение когнитивных возможностей и мотивов действия языковой intersубъективностью. Язык работает как трансформатор: такие физические процессы, как ощущения, потребности и чувства, вводятся в нем в структуры языковой intersубъективности, а внутренние эпизоды или переживания превращаются в интенциональные содержания, а именно акты познания — в высказывания, а потребности и чувства — в нормативные ожидания (заповеди и ценности). Эта трансформация устанавливает чреватое множеством последствий различие между субъективностью мнения, волеия, желания и нежелания, с одной стороны, и *притязанием на всеобщность (Allgemeinheitsanspruch)* высказываний и норм — с другой. Всеобщность означает объективность познания и легитимность действующих норм; обе гарантируют конститутивную для социального жизненного мира *общность (Gemeinsamkeit)*. Структуры языковой intersубъективности являются настолько же конститутивными для опыта и инструментального действия, как и для установок и коммуникативного действия. Эти же самые структуры регулируют на системном уровне контроль над внешней природой и интеграцию внутренней и тем самым процессы обобществления, которые протекают благодаря компетенции социализированных индивидов посредством соответствующих проверяемых на истинность высказываний и нуждающихся в легитимации норм.

Расширение автономии систем (власти) зависит от развития в обеих других областях: от развертывания производительных сил (истина) и изменения нормативных структур (правильность/адекватность). Это развитие следует рационально

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

реконструируемым схемам, которые логически зависят друг от друга. История профанного знания и технологии — это история успехов в противостоянии внешней природе, контролируемых посредством истины. Она состоит из дискретных, но аккумулирующихся в длительной перспективе процессов. Знание эмпирических механизмов необходимо для объяснения всемирно-исторического кумулятивного характера научного и технического прогресса. Но только его недостаточно; мы должны скорее предполагать некую внутреннюю логику развития науки и техники, посредством которой заранее закладывается определенная иерархия необратимых последовательностей¹⁹. Ограничения рационально реконструируемой схемы развития отражаются в том тривиальном опыте, что когнитивные сдвиги не так легко забыть, до тех пор пока не прервана преемственность культурных традиций, и что всякое отклонение с необратимого пути развития воспринимается как регрессия, за которую надо платить.

Менее тривиальным является то обстоятельство, что культурная жизнь столь же мало подчиняется любым дефинициям. Поскольку обобществление внутренней природы также осуществляется через дискурсивные притязания на значимость, изменение нормативных структур, как и история науки и техники, является направленным процессом. Интеграция внутренней природы имеет когнитивную компоненту. На пути от мифа через религию к философии и идеологии усиливается необходимость дискурсивного разрешения притязаний на значимость. Подобно познанию природы и технологиям, картины мира также следуют в

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

своем развитии определенной схеме, которая позволяет рационально реконструировать следующие дескриптивно перечисленные закономерности:

- экспансия сферы профанного в сферу сакрального;
- тенденция от широкой гетерономии к усилению автономии;
- высвобождение картин мира от когнитивных содержаний (от космологии к чистой системе морали);
- от партикуляризма, основанного на происхождении, к универсальным и одновременно индивидуалистическим ориентирам;
- растущая рефлексивность модуса веры, заметная по следующей последовательности: миф как непосредственно практикуемая система ориентиров, учение, религия откровения, религия разума и идеология²⁰.

Обеспечивающие идентичность и социально-интегративно действующие компоненты картин мира, т. е. системы морали и соответствующие интерпретации, со все возрастающей комплексностью следуют определенной схеме, имеющей на онтогенетическом уровне параллели в логике развития морального сознания. Коллективно достигнутый уровень морального сознания, до тех пор пока сохраняется преемственность передачи традиции, столь же сложно забыть, как и коллективно выработанное знание, что, однако, вовсе не исключает регресса²¹.

К пункту b): я не стану разбирать здесь запутанные взаимозависимости между возможным

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

развитием в сфере производительных сил, в области возможностей управления и в сфере картин мира (или систем морали). Однако нельзя не отметить определенную асимметрию в форме воспроизводства социокультурной жизни: в то время как развитие производительных сил постоянно расширяет пространство возможностей общественной системы, эволюционные сдвиги в структурах систем толкований тем не менее далеко не всегда предлагают преимущества выбора. Разумеется, растущая автономия систем и соответствующее возрастание комплексности форм организации общества могут взорвать ставшие слишком тесными нормативные структуры и снять ограничения на участие, являющиеся дисфункциональными с точки зрения управления. Этот процесс сегодня все чаще можно наблюдать, к примеру, в ходе модернизации развивающихся стран. Однако мыслимы и доказуемы также и более проблематичные случаи. Нормативные структуры могут непосредственно меняться из-за когнитивных диссонансов, возникающих между профанным знанием, расширенным благодаря развитию производительных сил, и догматикой передаваемых культурной традицией картин мира. Поскольку механизмы, обуславливающие сдвиги в развитии нормативных структур, независимы от логики их развития, то а fortiori нет никакой гарантии того, что развитие производительных сил и рост возможностей управления вызовут именно те нормативные изменения, которые отвечают императивам управления общественной системы. Это в гораздо большей степени вопрос эмпирический, будет ли, и если да, то в ка-

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

кой степени, вновь утеряно то преимущество отбора, которое расширенному потенциалу отбора дает контроль над внешней природой, осуществляемый с помощью притязаний на истинность, — утеряно по причине интеграции внутренней природы в форме самопроизводимой комплексности, реализуемой посредством притязаний на правильность и адекватность. Невозможно исключить также и то, что рост производительных сил, повышающий власть системы, ведет к изменениям в нормативных структурах, которые одновременно ограничивают системную автономию, поскольку влекут за собой новые легитимационные притязания и тем самым сужают вариативное пространство нормативных значений. (Позднее я рассмотрю подробнее тезис о том, что именно этот случай мы и наблюдаем при позднем капитализме, поскольку нормативные значения, допущенные в сфере легитимации коммуникативной этики, несовместимы с экспоненциальным ростом комплексности системы, в то время как другие легитимации в силу логики развития просто не могут возникнуть). Утверждение о том, что нормативные значения социальных систем исторически варьируются, должно быть в этом отношении дополнено еще и тем, что *вариации* нормативных значений ограничиваются логикой развития структур картин мира, которая *не подчиняется* императивам усиления власти²².

С этим связана еще одна особенность обществ: внутренняя природа связана с миром систем иным способом, чем внешняя природа. С одной стороны, органические субстраты обобществленных инди-

видов, как это можно наблюдать на примере психосоматических нарушений органических процессов²³, не являются полностью внешними общественной системе; с другой же — внутренняя природа, *после* ее интеграции в социальную систему, остается чем-то вроде внутреннего окружающего мира, поскольку обобществленные субъекты сопротивляются растворению в обществе по мере их индивидуализации. Социализацию, т. е. обобществление внутренней природы, невозможно подобно производству, т. е. обобществлению внешней природы, определить как сокращение комплексности окружающего мира. В то время как с сокращением комплексности окружающего мира расширяется свобода действий системы, прогрессивное обобществление внутренней природы скорее сужает пространство свободы действий для системы. С растущей индивидуацией, видимо, усиливается иммунитет индивидов против решений выделившегося центра управления. Нормативные структуры действуют против императивов расширения власти в виде механизмов самосдерживания. В рамках логики саморегулирующихся систем это можно выразить лишь таким образом, что внутренняя природа является одновременно и окружающим миром системы, и ее элементом. Таким же парадоксальным образом субъекту, способному говорить и действовать, его собственная природа дана как плоть и тело²⁴. Впрочем, я имею в виду, что эти парадоксы лишь указывают на размытость слишком широкой системной теории. Они исчезают тогда, когда в качестве превалирующей точки зрения избирается не система и самоуправление, а жизненный мир и интересубъектив-

ность, а социализация с самого начала понимается как индивидуация. Это взаимосвязь, которая понятна с позиции теории языка, но если ограничиться лишь системной теорией, то она приведет к путанице²⁵. Общества *также* являются системами, но способ их движения следует не только лишь логике расширения автономии системы (власти). Социальная эволюция скорее осуществляется в границах логики жизненного мира, структуры которого определяются интересубъективностью, произведенной посредством языка, и основываются на притязаниях на значимость, которые могут быть подвергнуты критике.

К пункту с): если я верно описал компоненты социальных систем, то возможности управления изменяются в зависимости от растущего контроля над внешней природой и от усиливающейся интеграции внутренней природы. Эволюция в обеих этих сферах реализуется в форме направленных процессов обучения, которые осуществляются посредством дискурсивно разрешимых притязаний на значимость: и развитие производительных сил, и изменение нормативных структур следуют логике возрастающего теоретического и практического понимания соответственно²⁶. Рационально реконструируемые схемы, которым следуют история профанного знания и технологии, с одной стороны, и структурные изменения способствующих сохранению идентичности систем интерпретации — с другой, объясняют лишь логически необходимую последовательность *возможного* развития. Фактическое же развитие, инновации и стагнации, возникновение кризисов, а также про-

1. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

дуктивное или непродуктивное осмысление кризисов и т.д., мы можем объяснить лишь с помощью эмпирических механизмов. Фундаментальный механизм социальной эволюции вообще, как я подозреваю, обладает определенным автоматизмом не-способности-к-обучению (Nicht-nicht-lernen-Können): не обучение, а не-обучение является на социокультурной ступени развития требующим объяснения феноменом. В этом и состоит, если угодно, разумность человека; только на этом фоне становится заметна потрясающая неразумность истории этого вида. Формальные аспекты разграничения различных уровней обучения являются результатом того, что мы обучаемся в двух измерениях (теоретическом/практическом) и что процессы обучения связаны с притязаниями на значимость, которые разрешаются дискурсивно. *Нерефлексивное обучение* реализуется в контекстах действия, в которых имплицитно выдвинутые теоретические и практические притязания на значимость наивно, без дискурсивного разъяснения, принимаются или отвергаются. *Рефлексивное же обучение* реализуется посредством дискурсов, в которых мы тематизируем притязания на значимость, ставшие проблематичными или сделавшиеся проблематичными в результате институционализированного сомнения, и на основании аргументов разрешаем или отклоняем их. Уровень обучения, который делает возможным та или иная общественная формация, может зависеть от того, допускает ли принцип организации этого общества а) дифференциацию теоретических и практических вопросов и б) переход от не-рефлексивного (донаучного) к рефлексивному обучению.

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Из этого вытекают четыре возможных комбинации, три из которых, если я верно понимаю, были реализованы исторически.

Теоретические и практические вопросы		
Обучение	не дифференцированы	дифференцированы
Не-рефлексивное	х	—
Рефлексивное	х	х

Разумеется, этой схемы недостаточно даже в очень грубом приближении, поскольку она связывает разработанные в логике дискурса понятия (теоретическое/практическое)²⁷ с гетерогенными системами толкований и к тому же не различает, остаются ли теоретические и практические вопросы неразрешенными только лишь в рамках господствующих интерпретаций или же в самой жизненной практике. Магические и анимистические картины мира позволяют судить о жизненной практике, которая пренебрегает подобным разграничением, в то время как мифические картины мира сосуществуют с профанным знанием, которое накапливается и передается в сфере общественного труда, так что различие между (теоретизируемым) технически применимым знанием и практически релевантным толкованием природного и социального жизненного мира оказывается фактически уже реализованным. Кроме того, эта схема не отражает те области, которые становятся действительно доступны институционализированным

1. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

поддискурсам. С возникновением философии составные части мифологической традиции впервые становятся открытыми для дискурсивных разъяснений; однако классическая философия понимает и рассматривает практически релевантные толкования как теоретические вопросы, в то время как технически применимое эмпирическое знание она девальвирует как нечто нетеоретизируемое. Напротив, с возникновением современной науки именно эта область эмпирического знания вовлекается в рефлексивные процессы обучения. Одновременно в философии утверждается ведущая к позитивизму тенденция различать теоретические и практические вопросы по их логической форме, с той, однако, целью, чтобы исключить из дискурса практические вопросы: они больше не считаются способными быть «истинными»²⁸. Институционализация общих практических дискурсов, напротив, означала бы новый уровень обучения общества.

Если предварительно введенные в пунктах а), б) и с) определения соответствуют компонентам социальных систем, то тогда имеет смысл искать принципы организации, определяющие способность к обучению, и, вместе с ней, уровень развития общества, прежде всего при рассмотрении его производительных сил и способствующих сохранению идентичности систем толкований, ограничивая тем самым возможное усиление потенциала управления. Маркс определял различные общественные формы в терминах обладания средствами производства, т. е. как *производст-*

венные отношения. Ядро, организующее целое, он располагает на том уровне, на котором нормативные структуры ограничены материальным субстратом. Производственные отношения, если они представляют собой организующие принципы общества, разумеется, не следует приравнивать к исторически обусловленным формам собственности на средства производства. Принципы организации — это в высшей степени абстрактные правила, определяющие пространство возможностей. К тому же речь о производственных отношениях ведет к узко экономическому толкованию. То, какая подсистема перенимает в данном обществе функциональное первенство²⁹, а значит, и руководство в социальной эволюции, определяется прежде всего принципом его организации.

3. ПРИМЕРЫ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Я полагаю, имеет смысл различать четыре общественных формации: предшествующую стадии высоких культур (*vorhochkulturelle*), традиционную, капиталистическую и посткапиталистическую. За исключением обществ, предшествующих стадии высоких культур, речь идет о классовых обществах (при этом я называю общества государственного социализма, ввиду существующего в них политически-элитарного распоряжения средствами производства, *посткапиталистическими классовыми обществами*):

І. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Общественные формации

Общество, предшествующее
стадии высоких культур

классовые
общества

высокоразвитые культуры

традиционное

современное

капиталистическое

(либеральный капитализм)

(организованный капитализм)

посткапиталистическое

постсовременное

Исследование кризисных тенденций в поздней и посткапиталистических классовых обществах основано на интересе к обнаружению возможности «постсовременного» общества, под которым понимается не только новое имя для удивительной жизненной силы постаревшего капитализма³⁰, но и исторически новый принцип организации. На примере трех общественных форм я хотел бы показать, что означает принцип организации общества и как из него можно вывести определенные типы кризиса. Эти приблизительные замечания не должны ни симулировать, ни заменять теорию социальной эволюции; они всего лишь служат цели введения определенного понятия в качестве примера. Для каждой из этих трех общественных формаций я опишу определяющий принцип организации, укажу на пространство возможностей, который он открывает для социальной эволюции, и на тот тип кризиса, который он допускает. Без теории социальной эволюции, на которую я мог бы опереться, принципы органи-

зации пока невозможно определить абстрактно; их можно лишь индуктивно подобрать и разъяснить с учетом институциональной сферы, которая на данной ступени развития имеет функциональное первенство (административная система, политическая система, экономическая система).

Общественная формация до стадии высокоразвитых культур

Принцип организации обществ до стадии высоких культур³¹ основан на примате функций возраста и пола. Институциональным ядром является система родства, которая на этой ступени развития оказывается тотальным институтом. Структуры семьи определяют все общественные взаимодействия; они обеспечивают одновременно и социальную, и системную интеграцию. Картины мира и нормы едва отличимы друг от друга: и те и другие выстроены вокруг ритуалов и табу, не требующих никаких независимых санкций. Этот принцип организации согласуется лишь с семейной и родовой моралью: вертикальные или горизонтальные обобществления, которые выходят за рамки системы родства, здесь невозможны. Производительные силы в родовых обществах не могут возрасти за счет эксплуатации рабочей силы (увеличение степени эксплуатации посредством физического принуждения). Механизм обучения, встроенный в сферу функций инструментального действия, с течением времени приводит, как представляется, к определенной последовательности несущественных обновлений³². На этой стадии развития системный повод для производства прибавочного продукта, который превосходил бы производство

товаров, необходимых для удовлетворения первичных потребностей, отсутствует даже тогда, когда это уже позволяет состояние производительных сил³³. Поскольку из этого принципа организации не исходит никаких противоречивых императивов, именно внешние изменения оказываются теми обстоятельствами, которые становятся чрезмерными для узко ограниченных возможностей управления обществами, организованными на принципах родства, и которые подрывают семейные и родовые идентичности: главным образом это демографический рост, связанный с экологическими факторами, и межэтническая зависимость, возникающая вследствие меновых отношений, войн и завоеваний³⁴.

Традиционное общество

Здесь *организационный принцип* — это *классовое господство* в политической форме. С возникновением бюрократического аппарата господства из системы родства выделяется центр управления, который позволяет перевести производство и распределение общественного богатства от семейных форм организации к собственности на средства производства. Система родства больше не является институциональным ядром социальной системы в целом; она передает центральные функции власти и управления государству. Это начало функциональной спецификации и автономизации, в процессе которых семья полностью теряет свои экономические функции и частично функции социализации. На «высококультурной» (*hochkulturelle*) стадии развития возникают subsystemы, которые служат преимущественно делу или системной, или соци-

альной интеграции. В точке их пересечения располагается тот правовой порядок, который регулирует привилегированное распоряжение средствами производства и стратегическое осуществление власти, которые, в свою очередь, требуют легитимации. Дифференциации между аппаратом управления и правовым порядком, с одной стороны, и контрфактическими оправданиями и системами морали — с другой, соответствует институциональное разделение секулярной и сакральной властей. Новый принцип организации допускает значительное повышение системной автономии; он предполагает функциональную дифференциацию и делает возможным образование обобщенных посредников (власть и деньги), равно как и рефлексивных механизмов (позитивное право). Однако это пространство увеличения возможностей управления куплено ценой принципиально нестабильной классовой структуры. В классовых обществах вместе с частной собственностью на средства производства³⁵ институционализируются отношения насилия, которые в длительной перспективе начинают представлять собой угрозу для социальной интеграции. Ведь заложенная в классовых отношениях противоположность интересов несет в себе конфликтный потенциал. Конечно же, противоположность интересов различных социальных классов может оставаться латентной в рамках легитимного режима и даже на какое-то время поддаваться интеграции. Это функция легитимирующих картин мира или идеологий: они скрывают от публичной тематизации и проверки контрфактические притязания на значимость нормативных структур. Производственные отношения имеют непосредст-

1. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

венно политическую форму, т. е. экономические отношения регулируются легитимным насилием. Господствующий порядок оправдывается обращением к традиционным картинам мира и конвенциональной государственной этике.

При значительной вертикальной дифференциации новый принцип организации удерживает в узких рамках горизонтальное обобществление через неполитические отношения обмена (местные рынки, город-деревня). Политическое классовое господство требует опосредования родовой морали государственной этикой, которая остается зависимой от традиции, а значит, партикуляристской; оно несовместимо с универсалистскими формами отношений. Производительные силы в классовой системе общественного труда могут увеличиваться за счет усиления эксплуатации, а значит, за счет организованного принудительного труда, вследствие чего возникает общественно произведенный прибавочный продукт, который привилегированно присваивается. Правда, увеличение производительных сил по-прежнему ограничивается сохраняющим естественный характер природом техникеских обновлений (технически применимое знание не расширяется с помощью рефлексивного обучения).

В традиционных обществах возникает новый тип кризиса, обусловленного внутренними противоречиями. Противоречие возникает между притязаниями на значимость системы норм и легитимации, которые не должны допустить, чтобы эксплуатация стала явной, и классовой структурой, которая делает правилом привилегированное присвоение общественно произве-

денного богатства. Проблема того, как общественно произведенное богатство может быть распределенно неравным образом, но тем не менее легитимно, временно разрешается с помощью идеологического сокрытия контрфактических притязаний на значимость. Поскольку традиции общества в критических ситуациях расширяют свое пространство возможностей управления за счет увеличения эксплуатации рабочей силы, а значит, усиливают власть или непосредственно за счет повышенного физического принуждения (что хорошо показывает история уголовного права), или опосредованно, путем генерализации принудительных повинностей (по очередности — трудовой, товарной и денежной ренты), кризисы, как правило, берут свое начало в проблемах управления, которые делают необходимым увеличение системной автономии за счет повышения репрессий. Это, в свою очередь, ведет к утрате легитимации, что имеет своим следствием классовую борьбу (часто связанную с внешними конфликтами). Наконец, классовая борьба угрожает социальной интеграции и может привести к перевороту политической системы и новым основам легитимации, т. е. к новой групповой идентичности.

Либерально-капиталистическая общественная формация

Принцип организации — закрепленное в системе гражданского частного права отношение между *наемным трудом и капиталом*. С возникновением внегосударственной сферы отношений частно-автономных владельцев товаров, т. е. тер-

риториально-государственной институционализации рынков товаров, капиталов и труда, равно как и возникновения мировой торговли, из политико-экономической системы выделяется «гражданское общество»³⁶, которое ведет к деполитизации классовых отношений и делает классовое господство анонимным. Государство и политически организованная система общественного труда более не являются институциональным ядром системы в целом; в гораздо большей степени современное налоговое государство, чей прототип был проанализирован еще Максом Вебером³⁷, становится придатком саморегулирующихся рыночных отношений³⁸. Государство, как и прежде, гарантирует политическими средствами территориальную целостность и конкурентоспособность своей экономики вовне. Внутри же государства господствовавшее прежде средство управления, а именно легитимная власть, служит прежде всего тому, чтобы сохранить общие условия производства, которые делают возможным рыночно-регулируемый процесс использования капитала; здесь обмен становится господствующим средством управления. После того как утвердились капиталистические способы производства, осуществление суверенного насилия *внутри* общественной системы может быть ограничено: а) охраной гражданских частных правовых отношений (полиция и судопроизводство); б) ограждением рыночных механизмов от самодеструктивных побочных эффектов (например, законы об охране труда); в) обеспечением общеэкономических условий производства (публичное школьное образование, движение и транспорт) и г) приспособлением частно-правовой системы к

потребностям, возникающим в результате процесса накопления (налоговое право, банковское и предпринимательское право)³⁹. Выполняя эти четыре вида задач, государство обеспечивает условия процесса капиталистического воспроизводства. И хотя уже в традиционном обществе существовала институциональная дифференциация сфер системной и социальной интеграции, экономическая система все еще зависела от легитимационной подпитки социокультурной системой. Лишь относительная дифференциация экономической и политической систем приводит к возникновению в буржуазном обществе определенной области, свободной от традиционных ограничений и предоставленной стратегически-утилитаристски ориентированным действиям участников рынка. Конкурирующие предприниматели принимают свои решения согласно принципам получения прибыли, так что ценностно ориентированные действия замещаются действиями, определяемыми интересом⁴⁰.

Новый принцип организации открывает широкое пространство возможностей для развертывания рабочей силы и развития нормативных структур. Способ производства вместе с императивами самоуправления капитала приводит в движение расширенное воспроизводство, связанное с механизмами увеличивающих производительность труда инноваций. Накопление капитала, как только достигнуты границы физической эксплуатации, т. е. увеличения абсолютной прибавочной стоимости, требует развития технических производительных сил и тем самым прикрепления технически применимых знаний к рефлексивным процессам обучения. С другой стороны, ставшие

автономными отношения обмена освобождают политический порядок от необходимости легитимации. Саморегулируемые рыночные отношения требуют дополнений не только посредством рационального государственного управления и абстрактного права, но и посредством стратегически-утилитаристской морали в сфере общественного труда, которая в частной сфере совместима как с «протестантской», так и с «формалистической» этикой. Буржуазные идеологии могут принимать универсалистскую структуру и апеллировать к обобщенным интересам, потому что режим собственности отбросил политическую форму и перешел в производственные отношения, которые, как кажется, могут легитимировать сами себя: институт рынка может опираться на справедливость, присущую эквивалентному обмену. Поэтому отныне буржуазному конституционному государству, — а в этом и состоит сущность рационального естественного права начиная с Локка, — достаточно лишь легитимных производственных отношений — производственные отношения могут обходиться без традиционного, как бы легитимированного «сверху» господства.

Разумеется, социально-интегративное воздействие формы стоимости (Wertform) в общем и целом могло ограничиваться классом буржуазии; лояльность и подчинение рекрутированных главным образом из крестьянства членов нового городского пролетариата сохранились скорее благодаря смеси традиционных связей, фаталистической готовности подчиняться, отсутствия перспективы и голых репрессий, чем благодаря силе убеждения буржуазных идеологий. Однако это не снижает со-

циоинтегративное значение этого нового типа идеологии⁴¹ в обществе, которое больше не признает политическое господство в персонализированной форме. С момента, когда классовое господство становится политически анонимным, возникает проблема, состоящая в том, что социально правящий класс должен убедить себя больше не править. Универсалистские буржуазные идеологии могут тем лучше выполнять эту задачу, если они а) «научно» обосновывают себя исходя из критики традиций и б) обладают моделиобразующим характером, т.е. предвосхищают такое состояние общества, возможность которого не должна с самого начала опровергаться динамически растущим экономическим обществом. И тем чувствительней буржуазное общество должно реагировать на очевидные противоречия между идеей и действительностью. Поэтому критика буржуазного общества могла развиваться прежде всего в форме разоблачения буржуазных идеологий посредством столкновения идеи с действительностью. И все-таки действенность капиталистического принципа организации имеет совершенно уникальный характер: он не только освобождает отделившуюся от политической экономическую систему от ограничений социоинтегративных подсистем, но и позволяет ей, одновременно с задачей системной интеграции, вносить свой вклад в дело социальной интеграции. Однако вместе с этой действенностью возрастает и уязвимость общественной системы, поскольку проблемы управления отныне могут стать *непосредственной* угрозой идентичности. В этом смысле я и хотел бы говорить о *кризисе системы*.

1. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

На пути естественного движения экономического развития этот принцип организации не устанавливает никаких границ для развертывания производительных сил. Также и нормативные структуры обретают широкое пространство возможностей развития, поскольку новый организационный принцип впервые допускает универсалистские системы ценностей. Правда, он не совместим с коммуникативной этикой, которая требует не только общности (*Allgemeinheit*) норм, но и дискурсивно достигнутого консенсуса по поводу *возможности добиться всеобщности* нормативно установленных интересов. Такой принцип организации переводит конфликтный потенциал противостояния классов в сферу управления, где он выражается в виде экономических кризисов. Типичным для либерального капитализма является смена конъюнктуры, кризиса и депрессии — заложенное в отношениях между наемным трудом и капиталом противоречие интересов проявляется сегодня не непосредственно в виде классового противостояния, а в прерывании процесса накопления, т. е. в форме *проблем управления*. Из логики таких экономических кризисов можно вывести общее понятие системного кризиса.

Следующая схема резюмирует отношения между принципами организации, приведенными в качестве примеров, и соответствующими типами кризисов. Задавая пространство возможности для эволюции в каждой из трех областей развития (производства, управления и социализации), принцип организации определяет:

а) как может функционально дифференцироваться системная и социальная интеграция;

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

б) когда угроза системной интеграции может иметь следствием угрозу социальной интеграции, т. е. кризисы;

с) каким способом проблемы управления становятся угрозами идентичности, т. е. какой тип кризиса является превалирующим.

Общественные формации	Принцип организации	Социальная и системная интеграция	Тип кризиса
Предшествующая стадии великих культур	Отношения родства: определяющие роли (пол, возраст)	Никакого различия между социальной и системной интеграцией	Вызванный извне кризис идентичности
Традиционная	Политическое классовое господство: государственное насилие и социально-экономические классы	Функциональное различие между социальной и системной интеграцией	Вызванный изнутри кризис идентичности
Либерально-капиталистическая	Неполитическое классовое господство: наемный труд и капитал	Системно-интегративная экономическая система перенимает также задачи социальной интеграции	Системный кризис

4. КРИЗИС СИСТЕМЫ, РАССМОТРЕННЫЙ НА ПРИМЕРЕ ЛИБЕРАЛЬНО- КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО КРИЗИСНОГО ЦИКЛА

При либеральном капитализме кризисы возникают *в форме* неразрешенных экономических проблем управления. Угрозы системной интеграции являются непосредственно угрозами социальной интеграции; это легитимирует саму речь об экономическом кризисе. В обществах, предшествующих стадии высокоразвитых культур, аналогично существует тесная взаимосвязь, поскольку семейный принцип организации не допускает разделения между системной и социальной интеграцией. Функциональная дифференциация, сложившаяся в традиционных обществах, не упраздняется в связи с переходом к Модерну, однако при либеральном капитализме возникает своеобразная передача задач социальной интеграции выделившейся неполитической системе управления — рынку. В результате значимые в плане легитимации (сначала применительно к буржуазии) составные части традиции (рациональное естественное право, утилитаризм) становятся зависимыми от идеологии, встроенной в сам базис, а именно от идеологии эквивалентного обмена. В традиционных обществах кризисы возникают тогда и только тогда, когда проблемы управления не могут быть разрешены в пределах заданного принципом организации пространства возможностей, а потому ставят под угрозу системную интеграцию, что, в свою очередь, угрожает идентичности общества. В либерально-капиталистических обществах кризисы, напротив, оказываются чем-то им внутренне при-

сущим, поскольку вовремя не разрешенные проблемы управления, которые более или менее регулярно вызываются процессом экономического роста, *сами по себе* угрожают социальной интеграции. Периодически возникающие проблемы управления, ведущие к социальной дезинтеграции, наряду с долгосрочной нестабильностью ускоренных социальных изменений, создают объективные предпосылки для кризисного сознания у класса буржуазии и для революционных надежд у наемных рабочих: ни одна общественная формация до сих пор не испытывала такого страха и ожидания внезапных системных изменений, хотя идея сжатого во времени переворота, т. е. революционного скачка, по сути своей противоположна форме движения системного кризиса в качестве кризиса долгосрочного.

Перенос социально-интегративных функций на подсистему, которая в первую очередь выполняет системно-интегративные функции, возможен лишь благодаря тому, что при либеральном капитализме классовые отношения институционализованы посредством рынка труда и тем самым деполитизированы. За счет того, что источник общественного богатства, т. е. производительная сила рабочего, становится товаром, а общественный капитал воспроизводится в условиях наемного труда, трудовые процессы и процессы обмена обретают проанализированный еще Марксом двойственный характер: трудовые процессы, благодаря производству потребительной стоимости, служат возникновению меновой стоимости; процессы обмена, регулируя посредством денежных механизмов распределе-

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

ние рабочей силы и товаров, служат образованию и самовозрастанию капитала. При этом рынок исполняет двойную функцию: с одной стороны, он работает как механизм управления в регулируемой посредством денег системе общественного труда, с другой стороны, он институционализирует отношения власти между владельцами средств производства и наемными рабочими. Поскольку *социальная власть* капиталистов в форме личного трудового договора институционализируется как отношения обмена, а получение прибыли с находящейся в личном распоряжении прибавочной стоимостью занимает место *политической зависимости*, рынок, вместе со своей кибернетической функцией, перенимает еще и идеологическую: классовые отношения могут принимать анонимный вид в форме неполитической зависимости от оплаты труда. Поэтому у Маркса теоретический анализ формы стоимости имеет двойную задачу: раскрыть принцип управления рыночными, экономическими отношениями и базовую идеологию буржуазного классового общества. Теория стоимости служит одновременно и цели функционального анализа экономической системы, и критике идеологии классового господства, которая для самого буржуазного сознания может быть разоблачена доказательством того, что на рынке труда не происходит эквивалентного обмена. Рынок наделяет владельцев средств производства санкционированной правом частной собственности властью присваивать прибавочную стоимость и автономно ею распоряжаться. В своем кризисном протекании процесс накопления выдает, разумеется, тайну заложенного в этом способе производства «противоречия».

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Экономический рост происходит через периодически повторяющиеся кризисы, потому что заложенная в экономической системе управления классовая структура превращает *противоречие классовых интересов в противоречие системных императивов*. Если мы выбираем эту формулировку, то мы пользуемся понятием противоречия из двух различных теоретических языков. Чтобы избежать недоразумений, я бы хотел прояснить некоторые понятия.

Категория противоречия (Widerspruch) настолько размыта, что ее часто используют как равную по значению «антагонизму», «противоположности» (Gegensatz) или «конфликту». Однако, по Гегелю и Марксу, конфликты — это лишь форма проявления, эмпирическая сторона лежащего в их основании логического противоречия. Понять конфликты можно, лишь принимая во внимание те оперативно значимые правила, в соответствии с которыми несовместимые притязания или намерения производятся внутри определенной системы действий. Между притязаниями или намерениями «противоречия» возникают не в том же самом смысле, что и между высказываниями; система правил, по которым производятся выражения, т. е. мнения и действия, в которых воплощаются намерения, является совершенно иной, чем система правил, по которым мы образуем и истинностно преобразуем высказывания. Иными словами, глубинные структуры общества не являются логическими структурами в узком смысле. С другой стороны, в выражениях постоянно используются пропозициональные содержания; логика, которая могла бы оправдать разговоры об «общественных противоречиях», должна была бы тем самым быть логикой использования пропозицио-

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

нальных содержаний в речевых актах и действиях. Она должна была бы распространяться на коммуникативные отношения между рече- и дееспособными субъектами, т. е. быть скорее универсальной прагматикой, чем логикой⁴².

Об «основополагающем противоречии» общественной формации мы можем говорить тогда и только тогда, когда из принципа ее организации можно вывести необходимость того, что в этой системе индивиды и группы (всегда) сталкиваются с (долговременно) несогласуемыми притязаниями и намерениями. Это случай классовых обществ. До тех пор пока несовместимость притязаний и намерений не осознана участниками, конфликт остается латентным; такие принудительно интегрированные системы действий требуют, разумеется, идеологического оправдания, которое маскирует несимметричное распределение шансов легитимного удовлетворения потребностей, одним словом, подавление потребностей. Тогда коммуникация между участниками систематически искажается или блокируется: противоречие, которое в условиях принудительной интеграции не проявляется *как* противоречие между *проясненными* намерениями враждующих сторон и которое не может быть разрешено в стратегическом действии, принимает идеологическую форму противоречия между намерениями, которыми, как полагают субъекты, они руководствуются, и их, как мы скажем, бессознательными мотивами или лежащими в их основе интересами. Как только подобная несовместимость осознается, конфликт становится очевидным: невозможность согласования интенций понимается как противоположность интересов⁴³.

Теория систем также имеет дело с логикой системы правил, по которой могут возникать несовместимости. Если в окружающем мире возникает больше проблем, чем способно разрешить управление данной системы, тогда обнаруживаются логически выводимые противоречия, которые, угрожая разрушением, требуют изменения системных структур, т. е. изменения или отказа от тех элементов, которые до того были неотъемлемыми [частями системы]. Эти «противоречия» вводятся с оглядкой на проблему сохранения системы; поэтому они не *a limine*^{*}, подобно диалектическим противоречиям, связаны с коммуникативными отношениями между рече- и дееспособными субъектами или группами субъектов. Конфликты в рамках системной теории также могут пониматься как выражение неразрешенных системных проблем; однако сохраненный термин «противоречие» не должен стирать различия между логикой саморегулирующейся системы и логикой коммуникации на разговорном языке.

Конфликты, которые описываются независимо от теории коммуникации или теории систем, являются эмпирическими феноменами без соотношения с истиной. Лишь когда мы понимаем такие противоположности с позиций теории систем или теории коммуникации, эти проявления обретают имманентное соотношение с логическими категориями. Проблемы системной интеграции истинно-стны постольку, поскольку они дефинируются конечным числом задаваемых (и функционально эквивалентных) решений. Разумеется, соотношение с истиной существует прежде всего для наблю-

^{*} Сразу, с порога (*лат.*).

дателя (системного теоретика), но не обязательно для участников проблематизируемой системы действий. Проблемы социальной интеграции (в качестве их выражения могут быть поняты кризисы) также истинностны, поскольку конкурирующие притязания могут быть поняты как рекомендации (и предостережения от) [выработки] всеобщих обязательных норм действия, конкурирующие притязания которых *могли бы* разрешаться в практическом дискурсе. Однако соотношение с истиной в систематически возникающих конфликтах интересов существует не только для социологов, но и для членов самих анализируемых систем действия (поэтому, в отличие от системного анализа, критика апеллирует к сознанию адресатов, способному к просвещению)⁴⁴.

Вместе с классовой структурой устанавливаются те противоречия, которые возникают из привилегированного присвоения произведенного обществом богатства. В традиционных обществах подобные противоречия проявляются непосредственно на уровне противоположности интересов участвующих сторон, тогда как при либеральном капитализме классовый антагонизм проявляется на уровне проблем управления. При этом на передний план выходит динамический аспект: поскольку общество с капиталистическим способом производства обретает способность относительно непрерывно технически развивать производительные силы, экономический кризис характеризует модель *кризисного протекания экономического роста*.

По Марксу, накопление капитала связано с присвоением прибавочной стоимости; это означает, что экономический рост регулируется меха-

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

низмом, который одновременно и устанавливает социальные отношения насилия, и (отчасти) маскирует их. Поскольку производство стоимости управляется посредством частного присвоения прибавочной стоимости, возникает системно-теоретически реконструируемая спираль противоречий. Накопление совокупного капитала реализуется посредством периодического обесценивания определенных составных частей капитала; эта форма протекания и есть кризисный цикл. В *аспекте накопления капитала* самоотрицающая схема развития представлена так, что, с одной стороны, масса меновой и потребительной стоимости (т. е. капитал и общественное богатство) накапливается путем повышения относительной прибавочной стоимости, а значит, путем одновременно капиталоемкого и сокращающего издержки технического прогресса; с другой же — на каждой новой стадии накопления состав капитала изменяется в пользу лишь извлекающего прибавочную стоимость переменного капитала (посредством которого покупается рабочая сила); отсюда у Маркса выводится тенденция к падению нормы прибыли и ослаблению импульсов к продолжению процесса накопления. В *аспекте реализации капитала* это же самое противоречие представлено таким образом, что, с одной стороны, на каждой новой стадии накопления с приростом прибавочной стоимости растет и потенциальное общественное богатство, с другой же — сила потребления масс и тем самым шанс увеличения капитала могли бы повыситься в равной степени лишь в том случае, если бы владельцы капитала отказались от соответствующих долей в их приба-

вочной стоимости. Поэтому процесс накопления должен застопориться из-за отсутствующих *возможностей* реализации или отсутствующих инвестиционных стимулов.

Приостановка процесса накопления принимает форму уничтожения капитала; это есть экономическая форма проявления реального общественного процесса, который разоряет отдельных капиталистов (банкротство) и лишает трудящиеся массы их средств к существованию (безработица). Экономический кризис оборачивается непосредственно социальным кризисом, поскольку через выявление противоположности социальных классов осуществляется практическая критика идеологии самопрезентации той сферы общественных отношений, которая лишь кажется свободной от власти. Экономический кризис следует из противоречивых императивов системы и несет угрозу системной интеграции; *одновременно* он является и социальным кризисом, в котором сталкиваются интересы действующих групп и ставится под вопрос социальная интеграция общества.

Экономические кризисы — это первый (и возможно, единственный) в истории пример системного кризиса, который отмечен тем обстоятельством, что диалектическое противоречие между участниками определенного процесса взаимодействия развивается *в пределах* структурно неразрешимых системных противоречий или проблем управления. Системные кризисы в результате этого смещения конфликта интересов на уровень управления системой обретают очень контрастную объективность: они обладают характером природных катастроф, которые вырываются изнутри системы

целерационального действия. В то время как в традиционных обществах противоборство между социальными классами опосредовалось с помощью идеологических форм сознания и тем самым обладало *искажающей контекст объективностью судьбы*, при либеральном капитализме противоположность классов переносится из intersубъективности жизненного мира в субстрат этого жизненного мира: профанированная остаточная идеология товарного фетишизма одновременно является действительно функционирующим принципом управления экономической системой. Поэтому экономические кризисы теряют свой характер судьбы, открытый для саморефлексии, и обретают *объективность необъяснимых контингентных природных событий*. И они, прежде чем соскочившее в партер идеологическое ядро будет расщеплено рефлексией, требуют объективирующего исследования системных процессов. Это и отражается в Марксовой критике политической экономии⁴⁵.

Хотя теория стоимости должна также выполнять задачу критики товарного фетишизма (и вытекающих из него культурных феноменов буржуазного общества)⁴⁶, она является непосредственно системным анализом процесса экономического воспроизводства. При этом основные понятия теории стоимости стратегически применяются таким образом, что положения, вытекающие из теории противоречивого накопления капитала, могут быть преобразованы в классово-теоретические допущения теории действия. Маркс оставляет открытой возможность перевести экономические процессы возрастания капитала, происходящие в

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

рамках классовой структуры, обратно в социальные процессы между классами — ведь Маркс является как автором «18-го Брюмера», так и автором «Капитала». Именно этот социологический перевод имманентно используемого экономического анализа сопровождается трудностями в изменившихся условиях организованного капитализма. Все еще не получивший удовлетворительного ответа вопрос *Has Capitalism Changed?*⁴⁷ (Изменился ли капитализм?) я хотел бы представить в следующем виде: Остается ли основополагающее противоречие капиталистической общественной формации в ее новой форме проявления в виде организованного капитализма тем же самым, или же логика кризиса изменилась? Превратился ли капитализм в некую посткапиталистическую общественную формацию, которая преодолела кризисную по своей сути форму протекания процесса экономического роста?

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

Я должен опустить здесь рассмотрение достаточно сложного процесса перехода от либерального капитализма к капитализму организованному¹, который имел несколько интересных национальных вариантов, и ограничиться *моделью* важнейших структурных признаков организованного капитализма (1), чтобы затем вывести возможные классы кризисных тенденций, которые *могут* иметь место в данной общественной формации (2-3). Весьма непросто решить эмпирически, с какой вероятностью задаются предельные условия, при которых *возможные* кризисные тенденции действительно возникают и развиваются; эмпирических индикаторов, которые мы могли до сих пор наблюдать, здесь недостаточно. Поэтому я ограничусь представлением самых важных в этой связи аргументов и контраргументов (4-7). Этот набросок аргументации, разумеется, не может заменить эмпирических исследований, он может лишь задать им направление.

1. ДЕСКРИПТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

Выражение «организованный» или «государственно регулируемый капитализм» относится к двум классам феноменов, каждый из которых от-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

сылает к развитой стадии процесса накопления: с одной стороны, к процессу концентрации предприятий (возникновение национальных и даже мультинациональных корпораций²) и организации рынков товаров, капиталов и труда; с другой стороны, к тому факту, что интервенционистское государство вторгается во все увеличивающиеся функциональные зазоры рынка. Распространение олигополистических рыночных структур хотя и означает конец *капитализма конкуренции*, однако предприятия, как всегда, расширяют свою временную перспективу и распространяют контроль за пределы своего непосредственного окружения. Рыночный механизм управления не может быть выведен из строя до тех пор, пока инвестиционные решения принимаются в соответствии с критериями рентабельности экономики предприятия. В равной мере дополнение и частичная замена рыночных механизмов государственным вмешательством означают конец *либерального капитализма*. Однако в каком бы объеме административно ни ограничивалась сфера частно-автономных отношений владельцев товаров, политическое планирование распределения ограниченных ресурсов не вступает в силу до тех пор, пока естественным образом не сформируются всеобщие общественные приоритеты, а именно в виде побочных следствий индивидуальных предпринимательских стратегий. В развитых капиталистических обществах экономическая, административная и правовая системы могут быть с высокой степенью обобщения охарактеризованы следующим образом.

Экономическая система

В 60-е годы на примере США различные авторы развивали трехсекторную модель, которая основана на различии между частным и общественным секторами³. Частно-экономическое производство ориентировано на рынок, причем этот сектор, как и прежде, регулируется конкурентными отношениями, тогда как другой сектор определяется рыночными стратегиями олигополий, которые вынуждены терпеть «конкурентное обрамление» (“competitive fringe”). В противоположность этому, в общественном секторе, особенно вследствие развития оборонной и космической промышленности, возникли крупные предприятия, которые при принятии инвестиционных решений могут действовать в значительной степени независимо от рынка; речь здесь идет или о предприятиях, напрямую контролируемых государством, или о частных фирмах, живущих за счет государственных заказов. В монополистическом и общественном секторах преобладает капиталоемкая, в секторе конкурентных отношений — трудоемкая промышленность: в первом случае органическое строение капитала высоко, во втором — низко. В монополистическом и общественном секторах предприятиям противостоят сильные профсоюзы, в секторе же конкурентных отношений рабочие организованы гораздо хуже, чему соответствует разница в уровне заработной платы. В монополистическом секторе мы наблюдаем относительно быстрый прогресс в производстве. В общественном секторе предприятия не нуждаются в подобной степени рационализации производства, а в секторе конкурентных отношений они просто не могут себе этого позволить⁴.

Административная система

Госаппарат исполняет многочисленные императивы экономической системы, которые можно упорядочить по двум аспектам. Он регулирует общеэкономический оборот посредством глобального планирования, а также он создает и улучшает условия использования избыточно накопленного капитала.

Глобальное планирование определяется негативно пределами частно-автономного распоряжения средствами производства (инвестиционная свобода частных предпринимателей не должна быть ограничена) и позитивно с точки зрения недопущения нестабильности. Регулирующие оборот действия в сфере налоговой и денежной политики, а также единичные меры, которые должны регулировать инвестиции и общий спрос (раздача кредитов, ценовые гарантии, субсидии, ссуды, вторичное распределение доходов, определяемые конъюнктурной политикой государственные заказы, опосредованная политика на рынке труда и т. д.), обладают реактивным характером стратегий недопущения [кризиса] в рамках единой целевой системы, которая определяется чисто формально заявляемым компромиссом между конкурирующими императивами постоянного роста, стабильности денежного курса, полной занятости и баланса во внешней торговле.

В то время как глобальное планирование манипулирует предельными условиями индивидуальных предпринимательских решений, чтобы скорректировать рыночные механизмы в отношении их дисфункциональных побочных следствий, государство *заменяет* рыночный механизм там, где

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

оно создает и улучшает условия реализации избыточно накопленного капитала:

- посредством «усиления национальной конкурентоспособности», посредством организации наднациональных экономических блоков, посредством империалистического обеспечения международного разделения [труда] и т. д.;
- посредством непродуктивного государственного потребления (оборонная и космическая промышленность);
- посредством структурно-политического направления капитала в сектора, которыми пренебрегают рыночно-автономные игроки;
- посредством улучшения материальной инфраструктуры (транспортной, образовательной систем, системы здравоохранения, центров отдыха, городского и регионального планирования, строительства жилья и пр.);
- посредством улучшения нематериальной инфраструктуры (общее финансирование науки, инвестиции в исследовательскую деятельность и техническое развитие, распределение патентов и т. д.);
- посредством увеличения производительной силы человеческого труда (система общего и профессионального образования, программы переподготовки и повышения квалификации и т. п.);
- посредством возмещения социальных и прочих побочных затрат частного производства (поддержка безработных; поддержание всеобщего благосостояния; возмещение экологического ущерба).

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

Несмотря на то, что улучшение международно-го положения на рынке, государственный спрос на непроеизводственные товары потребления и меры по управлению капиталом раскрывают или улучшают шансы для вложений, хотя это и является сопутствующим эффектом прочих мер (за исключением последней), целью здесь все же является повышение производительности труда и тем самым «потребительной стоимости» капитала (посредством обеспечения коллективных потребительских благ и повышения квалификации рабочей силы).

Легитимационная система

Вместе с функциональным ослаблением рынка и дисфункциональными побочными последствиями деятельности этого механизма управления разрушается также и базисная буржуазная идеология справедливого обмена. Взаимосвязь экономической системы с политической, которая в определенной степени реполитизирует производственные отношения, в свою очередь усиливает потребность в легитимации: госаппарат, который уже не просто гарантирует, как при либеральном капитализме, общие условия производства в виде создания предпосылок стабильности процесса воспроизводства, но и инициативно в них включен, так же нуждается в легитимации, как и докапиталистическое государство. При этом теперь не существует никакой возможности обратиться к подточенному в ходе развития капитализма набору традиций. Через универсалистские системы ценностей буржуазной идеологии гражданские права стали всеобщими, в том числе и право на участие в полити-

ческих выборах. Поэтому обеспечение легитимности может быть лишь в исключительных обстоятельствах и временно осуществлено независимо от механизма общих выборов. Проблема, которая при этом возникает, разрешается системой формальной демократии. Участие граждан государства в процессах политического волеобразования, т. е. материальная демократия, должно повлечь за собой осознание противоречия между административно обобществленным производством и по-прежнему частным присвоением и использованием прибавочной стоимости. Чтобы избежать тематизации этого противоречия, административная система должна быть достаточно автономной по отношению к легитимирующему волеобразованию.

Набор формально-демократических учреждений и процедур обеспечивает возможность принятия администрацией решений в значительной мере независимо от конкретных мотивов граждан. Это происходит с помощью процесса легитимации, который обеспечивает обобщенные мотивы, т. е. содержательно диффузную лояльность масс, не допуская однако их участия в принятии решений⁵. Изменение структуры буржуазной общественности создает для формально-демократических учреждений и процедур условия применения, при которых граждане государства получают в политическом обществе статус пассивных граждан с правом отказа в аккламации⁶. Частно-автономное решение об инвестициях находит свое необходимое дополнение в гражданско-государственном приватизме (Privatismus) гражданско-государственной публики.

В структурно деполитизированной общественной необходимости необходимость легитимации сводится к двум остаточным потребностям. Гражданско-государственный приватизм, т. е. политическая воздержанность в соединении с карьерной, потребительской ориентацией, а также ориентацией на досуг, способствует ожиданию системно-конформных компенсаций (в виде денег, свободного от работы времени и безопасности). Это обстоятельство и учитывает эрзац-программатика государства всеобщего благоденствия, которая перенимает в себя отдельные компоненты идеологии успеха (*Leistungsideologie*), перенесенные в систему образования⁷. Тогда и сама структурная деполитизация требует определенного оправдания. Этой цели служат или демократические теории элит, которые отсылают к Шумпетеру и Максиму Веберу⁸, или технократические системные теории, которые восходят еще к институционализму 20-х годов⁹. В истории буржуазной социальной науки эти теории выполняют сегодня ту же функцию, какую на ранних фазах капиталистического развития выполняла классическая политэкономия, которая пыталась утверждать «естественность» капиталистического экономического общества.

Классовая структура

В то время как в традиционном обществе политическая форма производственных отношений делала несложной идентификацию правящих групп, при либеральном капитализме явно выраженное господство было заменено политически анонимной властью субъектов частного права (правда, последняя, — как показывает развитие

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

европейского рабочего движения, — во время социальных кризисов, вызванных кризисами экономическими, вновь обретает идентифицируемый образ политического противника). И хотя производственные отношения при организованном капитализме теперь в некоторой степени реполитизируются, политическая форма классовых отношений при этом не восстанавливается. Социальная анонимизация в значительной степени превосходит политическую анонимизацию классового господства. Структуры позднего капитализма могут быть поняты именно как формы реакции на эндемический кризис. Для предотвращения системного кризиса позднекапиталистические общества направляют все социально-интегративные силы к месту структурно наиболее вероятного конфликта, чтобы максимально эффективно удерживать его в латентном состоянии¹⁰; в то же время тем самым они удовлетворяют политические требования реформистских рабочих партий¹¹.

В этой связи исторически новаторскую роль играет квази-политическая структура заработной платы, которая зависит от переговоров между профсоюзными и предпринимательскими организациями. «Властное ценообразование» (В. Гофманн), которое на олигопольных рынках заменяет ценовую конкуренцию, находит свое соответствие на рынке труда; как большие концерны квази-административно контролируют движение цен на своих рынках труда, так, с другой стороны, посредством движения заработной платы они достигают квази-политического компромисса со своими профсоюзными контрагентами. В центральных

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

для экономического развития отраслях промышленности монополистического и общественного секторов товар «рабочая сила» обретает свою «политическую» цену. «Тарифные партнеры» находят широкую зону компромисса, поскольку возросшие факторные издержки могут быть переложены на цены, а их требования к государству (которые имеют своей целью повышение производительности, повышение квалификации рабочей силы и улучшение социального положения трудящихся) в среднесрочной перспективе сближаются¹². Монопольный сектор может экстернализировать классовый конфликт. Следствиями подобной иммунизации изначально конфликтной зоны становятся: а) диспаритетное развитие заработной платы и/или обострение тарифной борьбы занятых в общественных службах¹³; б) длительная инфляция с соответствующим временным перераспределением доходов явно не в пользу неорганизованных трудящихся и прочих маргинальных групп; в) длительный кризис государственных финансов вкупе с бедностью общественного сектора, т. е. пауперизация общественного транспорта и систем образования, здравоохранения и жилищного строительства, а также г) недостаточное выравнивание непропорционального экономического развития как по секторам (сельское хозяйство), так и по регионам (окраины)¹⁴.

В послевоенные десятилетия развитым капиталистическим странам удалось удержать классовый конфликт в латентном состоянии (несмотря на парижские события мая 1968-го года); растянуть во времени конъюнктурный цикл, а периодические сдвиги в обесценивании капитала превратить в

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

долгосрочный инфляционный кризис с мягкими колебаниями конъюнктуры; и, наконец, значительно отфильтровать дисфункциональные побочные последствия перехваченного экономического кризиса и начать управлять ими с помощью как квазигрупп (например, потребители, школьники и их родители, участники дорожного движения, больные, престарелые и пр.), так и естественных групп с низким уровнем организации. Тем самым была размыта социальная идентичность классов и фрагментировано классовое сознание. Интегрированный в структуру позднего капитализма классовый компромисс превращает (почти) всех одновременно и в соучастников, и в пострадавших в одном лице; правда, при этом явном (и увеличивающемся) неравном распределении богатства и власти легко различить, кто в большей степени принадлежит к первой, а кто ко второй категории.

Вопрос о том, изменилась ли под воздействием классовых компромиссов — и если да, то как — возникшая при либеральном капитализме классовая структура, а вместе с ней и принцип общественной организации, не может быть исследован в плане того, какую роль на уровне общественной системы играют принцип дефицита и денежный механизм¹⁵. Ибо реализованная при капитализме монетизация землевладения и труда, а также «продолжающаяся монетизация потребительной стоимости и сфер жизни, которые прежде были закрыты для денежной формы», не являются убедительными индикаторами того, что обмен остался доминирующим средством управления общественными отношениями¹⁶. Политически реализованные притязания на потребительную стоимость из-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

бегают товарной формы, даже если они удовлетворяются денежными компенсациями. Решающим для классовой структуры является то, определяется ли по-прежнему реальный доход находящихся в зависимости трудящихся отношениями обмена, или же производство и присвоение прибавочной стоимости, вместо того чтобы зависеть лишь от рыночных механизмов, ограничиваются и модифицируются политическими властными отношениями. Теория позднего капитализма должна попытаться ответить на следующие вопросы.

Прежде всего:

- предлагают ли структуры позднего капитализма пространство для эволюционного саморазрешения противоречия обобществленного производства в необобществляемых целях?;
- если да, то какая динамика развития ведет в этом направлении?;
- если нет, то каковы кризисные тенденции, в которых выражается временно вытесненный, но не разрешенный классовый антагонизм?

Затем:

- достаточно ли структур позднего капитализма, чтобы предотвращать экономические кризисы в долгосрочной перспективе?;
- если нет, то приводит ли экономический кризис, как предполагал Маркс, через социальный кризис к кризису политическому, иными словами, возможна ли революционная классовая борьба в мировом масштабе?;
- если нет, то куда перемещается экономический кризис?

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

И наконец:

- сохраняет ли смещенный кризис форму системного кризиса, или нам скорее следует рассматривать различные кризисные тенденции, которые взаимодействуют комплексно?;
- и если это именно так, то какие кризисные тенденции и в каких социальных группах реализуются в девиантном поведении?;
- допускает ли ожидаемый потенциал аномии целенаправленное политическое действие, или ведет скорее к ненаправленной дисфункционализации подсистем?

В настоящий момент я не вижу никакой возможности найти убедительные аргументы для ответа на вопрос о шансах самотрансформации позднего капитализма. Но я не исключаю возможности того, что экономический кризис может быть перехвачен в долгосрочной перспективе, пусть и таким способом, при котором противоречивые императивы управления, реализующиеся в результате принуждения к увеличению капитала, порождают целый ряд других кризисных тенденций. Существующая тенденция к нарушению капиталистического роста может быть административно переработана и постепенно через политическую систему перенесена в систему социокультурную. Я имею в виду то, что тем самым противоречие, вытекающее из того, что производство, имеющее обобществленный характер, осуществляется в частных целях, вновь принимает непосредственно политическую форму — правда, не форму политической классовой борьбы. Поскольку политика при позднем капитализме

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

осуществляется на базе переработанного и вытесненного системного кризиса, в условиях фрагментированного классового сознания и меняющихся коалиций постоянными становятся конфликты, которые могут изменять условия классового компромисса. При этом от фактических констелляций власти зависит, будет ли размываться классовая структура, и если да, то в каких формах, а также будет ли затронуто противоречие, укорененное в самом капиталистическом принципе организации.

Для начала мне бы хотелось предложить абстрактную классификацию кризисных тенденций, *возможных* в позднем капитализме.

2. ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕДСТВИЙ ПОЗДНЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РОСТА

Процессы бурного роста позднекапиталистических обществ заставили всю систему мирового сообщества столкнуться с проблемами, которые нельзя рассматривать в качестве системно-специфических форм проявления кризиса, хотя возможности обработки кризиса ограничены системно-специфически. Здесь мне приходят на ум нарушение экологического равновесия, нарушения требований целостности системы личности (отчуждение), а также взрывоопасная напряженность международных отношений. Со все возрастающей комплексностью система мирового сообщества настолько далеко сдвигает свои границы в свою окружающую среду, что ей приходится сталкиваться с пределами возможностей как внешней, так и внутренней природы. Экологиче-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

ское равновесие определяет абсолютную границу роста; менее управляемое антропологическое равновесие определяет границу, которую можно переступить лишь ценой изменения социокультурной идентичности общественных систем. Угроза саморазрушения международного равновесия в конечном итоге является следствием роста деструктивно применяемых производительных сил.

Экологический баланс

Если экономический рост абстрактно можно свести к технически информированному применению большей энергии для повышения производительности человеческого труда, то тогда капиталистическая общественная формация определяется тем, что она впечатляющим образом решает проблему экономического роста. Правда, с накоплением капитала экономический рост естественным образом институционализировался, так что не существует опции осознанного управления этим процессом. Исполняемые поначалу капитализмом императивы роста со временем в силу конкуренции систем и охватившую всю землю диффузию (несмотря на стагнацию или даже попятные тенденции в некоторых странах Третьего мира)¹⁷ приобрели глобальное значение.

Сложившиеся механизмы роста вызывают рост населения и увеличение производства во всемирном масштабе. Экономическим потребностям растущего населения и возрастающей производственной эксплуатации природных ресурсов противостоят в качестве материальных величин: с одной стороны, ограниченные ресурсы (пригодные для заселения и возделывания земли, а так-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

же запасы питьевой воды и продовольствия; невозможные природные ресурсы: минералы, горючие материалы и т. д.); с другой стороны, незаменимые экологические системы, которые поглощают такие вредные вещества, как продукты реактивного распада, углекислый газ и тепловые отходы. Правда, предпринятые Форрестером и другими¹⁸ оценки границ экспоненциального роста населения, промышленного производства, эксплуатации природных ресурсов и загрязнения окружающей среды по-прежнему имеют крайне слабые эмпирические основания. Механизмы роста населения так же мало изучены, как и максимальные пределы возможностей поглощения Землей хотя бы основных вредных веществ. Кроме того, мы не можем настолько точно предсказать технологическое развитие, чтобы знать, какие природные ресурсы в будущем могут быть технически заменены или вновь использованы.

Даже при оптимистических предположениях можно указать на *одну* абсолютную границу роста (пусть поначалу точно и не определимую), а именно на границу термальной нагрузки на окружающую среду в зависимости от потребления энергии¹⁹. Если экономический рост неизбежно связан с увеличением энергопотребления и если вся превращенная в экономически потребляемую энергию природная энергия в конечном счете высвобождается в форме тепла, тогда, в долгосрочной перспективе, следствием возрастающего энергопотребления становится глобальное потепление. В свою очередь, эмпирически установить критические временные рамки тоже не просто, поскольку мы должны определять энергопотребление в зави-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

симости от экономического роста и влияния энергопотребления на климат (по существующим оценкам критический промежуток времени составляет на сегодняшний день около 75–150 лет). Подобные соображения показывают, что экспоненциальный рост населения и производства, т. е. распространение сферы контроля также и на внешнюю природу, однажды неизбежно натолкнется на границы биологических возможностей окружающей среды.

То же самое относится и к другим комплексным общественным системам. Возможность предотвращения экологических нарушений является системно-специфицированной. Капиталистические общества не могут следовать императивам ограничений роста, не отказываясь от своего принципа организации, поскольку перевод естественного капиталистического роста в рост качественный требует планирования производства, ориентированного на потребительную стоимость. Развитие производительных сил тоже не может быть оторвано от императивов создания меновой стоимости без нарушения системной логики.

Антропологический баланс

Интеграция внутренней природы, в отличие от процесса обобществления внешней природы, не наталкивается на абсолютные границы. В то время как нарушение экологического равновесия указывает на степень эксплуатации природных ресурсов, для указания на пределы возможности личностных систем не существует никаких однозначных сигналов. Я сомневаюсь, что возможно выделить нечто вроде психологических констант человеческой природы, которые ограничивают про-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

цесс обобществления изнутри. Такое ограничение я вижу скорее в способе социализации, посредством которого общественные системы до сих пор производили мотивации действий. Процесс социализации осуществляется в структурах языковой интерсубъективности и определяет организацию поведения, которая связана с нормами, нуждающимися в легитимации, равно как и с системами интерпретации, сохраняющими идентичность. Подобная коммуникативная организация поведения может стать препятствием для принятия решений системами с высокой степенью комплексности. Подобно тому, как это происходит в конкретных организациях, так, возможно, и на уровне общественной системы возможность управления возрастает по мере функциональной независимости инстанций принятия решений от мотивации участников. Выбор и реализация целей организации в системах с высокой степенью собственной комплексности должны стать независимыми от притока узко ограниченных мотивов; этому и служит обеспечение общей готовности одобрения (которая в политических системах принимает форму массовой лояльности). До тех пор пока мы имеем дело с формой социализации, которая включает внутреннюю природу в коммуникативную организацию поведения, невозможно представить себе никакой легитимации норм поведения, которая хотя бы приблизительно обеспечивала немотивированное признание решений: мотивом для готовности к конформности в отношении содержательно еще не определенного принятия решений является ожидание, что оно будет осуществляться в соответствии с легитим-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

ными нормами действия. «Последний» мотив готовности подчиняться — это убеждение, что в случае сомнения меня можно будет убедить при помощи речи²⁰. Эта граница, установленная потребностью в легитимации норм и зависимостью мотиваций от убеждающих толкований, могла бы быть нарушена, если бы создание мотива заменялось коммуникативной структурой действия: форма социализации, а вместе с ней и идентичность социокультурных систем, сама должна была бы измениться. Лишь в том случае, если мотивы действия уже не будут проходить через нуждающиеся в легитимации нормы, а структуры личности уже не должны будут искать свое единство среди гарантирующих идентичность систем толкований, немотивированное признание решений могло бы стать делом безупречной рутины²¹, т. е. готовность к конформности тогда могла бы быть установлена в любом объеме. (К вопросу о том, ведет ли в позднекапиталистическом обществе уже достигнутая степень собственной комплексности к распаду коммуникативной организации поведения, я вернусь в третьей главе.)

Международный баланс

Уже на другом уровне находится угроза саморазрушения мировой системы из-за применения термоядерного оружия. Накопленный потенциал уничтожения является следствием высокой стадии развития производительных сил, которые в силу своих технически нейтральных оснований также могут принимать форму деструктивных сил (и уже приняли вследствие естественного характера международных отношений). В милитаристских систе-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

мах действия стороны взаимно опредмечивают себя в аспекте внешней природы: в организованной борьбе не на жизнь, а на смерть физическое уничтожение противника является *ultima ratio*. Сегодня в распоряжении этих систем впервые находится такой технический потенциал, который делает возможным смертоносное разрушение природного субстрата мирового сообщества. С этого момента международные отношения пребывают под воздействием исторически нового императива самоограничения²². Это относится ко всем без исключения высоко-милитаризованным общественным системам. Вместе с тем, возможности решения этой проблемы системно-специфически ограничены. Хотя эффективное разоружение, если принять во внимание движущие силы капиталистического и пост-капиталистического классового общества, невозможно, однако регулирование гонки вооружений нельзя а *limine** считать несовместимым со структурой позднекапиталистических обществ, если удастся сбалансировать воздействие объема государственного спроса на непродовольственные товары потребления посредством увеличения потребительной стоимости капитала.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ ВОЗМОЖНЫХ КРИЗИСНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Мы оставим глобальные угрозы, которые являются *проявлениями последствий капиталистического роста*, и ограничимся рассмотрением *системно-специфических кризисных тенденций*.

* С порога (*лат.*):

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

Кризисы могут возникать в различных местах; так же различны и формы проявления, в которых выражается кризисная тенденция, вплоть до политического взрыва, т. е. делигитимации существующей политической системы. Я выделяю четыре возможные *кризисные* тенденции:

Место возникновения	Системный кризис	Кризис идентичности
Экономическая система	Экономический кризис	— —
Политическая система	Кризис рациональности	Кризис легитимации
Социокультурная система	— —	Кризис мотивации

Экономические кризисные тенденции

Экономическая система требует input'a (вложений) труда и капитала; output (результат) выражается в потребляемых стоимостях, которые в зависимости от их количества и вида со временем распределяются между различными социальными слоями. Кризис, который возникает из-за недостаточного input'a, является нетипичным для капиталистического способа производства. Помехами либеральному капитализму были кризисы output'a, которые постоянно ставили под вопрос соответствующее системе распределение стоимостей в результате кризисного цикла. При этом «соответствующими системе» называются все допустимые в пространстве вариаций легитимирующей системы ценности образцы распределения издержек и компенсаций. Если при позднем капитализ-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

ме продолжают существовать кризисные тенденции, то это означает, что действия государства, вторгающиеся в процесс реализации капитала, не в меньшей мере, чем процессы обмена, повинуются спонтанно действующим экономическим законам и тем самым подчинены логике экономического кризиса, как она выражена в законе тенденции нормы прибыли к понижению. В соответствии с этим тезисом государство продолжает политику капитала, но другими средствами²³. Измененные формы проявления (как, например, кризис государственных финансов, длительная инфляция, растущая диспропорция между бедностью в публичной сфере и богатством в частной и т. д.) объясняются тем, что саморегулирование процесса реализации капитала теперь осуществляется также с помощью легитимной власти как средства управления. Но поскольку кризисная тенденция по-прежнему определяется законом стоимости, т. е. структурно обусловленной асимметрией в процессе обмена наемного труда на капитал, то деятельность государства не может компенсировать тенденцию нормы прибыли к понижению, а может в лучшем случае ее опосредовать, т. е. осуществить самими политическими средствами. Поэтому и экономическая кризисная тенденция находит свое развитие в кризисе социальном и приводит к политической борьбе, в которой вновь находит свое выражение классовое противостояние между владельцами капитала и массами наемных рабочих. По другой версии, госаппарат не следует логике закона стоимости естественным образом, а осознанно реагирует на интересы объединенных капиталистов-монополистов.

Эта теория представительства, подогнанная под реалии позднего капитализма, видит в государстве не слепой орган процесса реализации капитала, а мощного совокупного капиталиста, который делает накопление капитала содержанием политического планирования.

Политические кризисные тенденции

Политическая система требует input'а применительно к максимально диффузной лояльности масс; output же состоит в суверенно принятых административных решениях. Output-кризисы имеют в данном случае форму *кризиса рациональности*: административной системе не удастся согласовать и исполнить те императивы управления, которые она получает от экономической системы. Input-кризисы имеют форму кризисов легитимации: легитимационной системе, при исполнении заданных экономической системой императивов управления, не удастся сохранить требуемый уровень лояльности масс. И хотя обе кризисные тенденции возникают в политической системе, они различаются формами своего проявления. Кризис рациональности — это смещенный системный кризис, который, как и кризис экономический, выражает противоречие обобществленного производства для не-обобществляемых интересов как противоречие императивов управления. Кризисная тенденция реализуется в дезорганизации госаппарата посредством утраты легитимации. Кризис же легитимации является, напротив, непосредственно кризисом идентичности; он выражается не в угрозе системной интеграции, а в том, что выполнение государственных плановых задач ставит под воп-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

рос структуру деполитизированной общественности, а тем самым и формально-демократическое обеспечение частно-автономного распоряжения средствами производства.

О кризисе рациональности в строгом смысле можно говорить лишь тогда, когда он возникает на месте кризиса экономического. Логика проблемы реализации капитала в этом случае не только отражается в другом средстве управления, а именно в легитимной власти. В гораздо большей степени посредством смещения противоречивых императивов управления из рыночных отношений в административную систему изменяется и сама логика кризиса. Это утверждение представлено в двух версиях. Одна версия привязана к известному тезису о встроенной в рыночные отношения анархии товарного производства²⁴. С одной стороны, при позднем капитализме возрастает потребность в административном планировании для того, чтобы гарантировать реализацию капитала, с другой же — частно-автономное распоряжение средствами производства требует ограничения государственного вмешательства и запрещает плановую координацию противоречивых капиталистических единичных интересов. Другая версия была разработана в исследованиях Оффе²⁵. Государство, решая проблемы экономической системы, блокирующей саму себя, и перенимая рыночно-комплиментарные задачи, логикой собственных средств управления принуждается допускать все больше чуждых системе элементов. В административно управляемой сфере проблемы экономической системы, управляемой императивами реализации капитала, не могут быть переня-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

ты и переработаны без расширения чуждых ее структуре ориентаций.

Дефицит рациональности в сфере общественного управления означает, что госаппарат в данных пограничных условиях не может выполнять никаких достаточных позитивных функций управления в отношении экономической системы; дефицит легитимации означает, что легитимационно действенные нормативные структуры не могут поддерживаться или производиться в необходимом объеме при помощи административных средств. Политическая система в ходе капиталистического развития раздвинула свои границы не только в экономическую, но и в социокультурную систему. Расширение организационной рациональности подрывает и ослабляет культурные традиции; само содержание традиции избегает административного захвата — важные для легитимации традиции невозможно регенерировать административно. Поэтому, помимо всего прочего, административная обработка культурных материй имеет своим последствием тот факт, что закрепленные в традиции содержания смыслов и норм, которые до сих пор принадлежали к *пограничным* культурным условиям политической системы, начинают публично тематизироваться. Вследствие этого расширяется сфера дискурсивного волеобразования — процесс, который подрывает важные составляющие структуры деполитизированной общественности.

Социокультурные кризисные тенденции

Социокультурная система получает свой input как из экономической, так и из политической систем: покупаемые и коллективно потребляемые то-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

вары и услуги, правовые и управленческие акты, общественная и социальная безопасность и т. д. Output-кризисы в обеих других системах оказываются одновременно нарушениями входа в социокультурную систему, которые воплощаются в утрате легитимации. Перечисленные до сих пор кризисные тенденции могут найти свое выражение только через социокультурную систему, поскольку социальная интеграция общества зависит от output'ов этой системы: непосредственно — от мотиваций, которые она поставляет политической системе в форме легитимации, и опосредованно — от мотиваций к достижению и успеху, которые она поставляет в системы образования и занятости. Поскольку социокультурная система (в отличие от экономической) не сама организует свой input, то невозможен и (социально-культурно обусловленный) input-кризис. Кризисы, возникающие в этой системе, это всегда output-кризисы. Мы можем ожидать культурных кризисных тенденций тогда, когда нормативные структуры по присущей им логике изменяются настолько, что нарушается комплиментарность между требованиями госаппарата и системой занятости, с одной стороны, и интерпретируемыми потребностями и легитимными ожиданиями членов общества — с другой. В то время как легитимационные кризисы можно свести к тому, что из-за изменений в политической системе (даже и при неизменных нормативных структурах) появляется потребность в легитимации, за которой не поспевает механизм обеспечения легитимности, мотивационные кризисы возникают вследствие изменений в самой социокультурной системе.

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

При позднем капитализме подобные тенденции проявляются как на уровне культурной традиции (системы морали, картины мира), так и на уровне структурных перемен в системе воспитания (школа и семья, массмедиа). Таким образом, содержание традиции, которым жили государство и система общественного труда при либеральном капитализме, истощается (обнажение традиционалистской набивки), а ключевые компоненты буржуазной идеологии ставятся под вопрос (угрожают государственно-гражданскому и семейно-профессиональному приватизму). Остаточные компоненты буржуазных идеологий (вера в науку, постауратическое искусство и универсалистские системы ценностей) создают, с другой стороны, нормативные рамки, которые оказываются дисфункциональными; поздний капитализм производит «новые» потребности, которые он не может удовлетворить²⁶.

Наш абстрактный обзор *возможных* кризисных тенденций при позднем капитализме служит аналитическим целям: я утверждаю, что позднекапиталистические общества, при условии, что они все не преодолели присущую капитализму подверженность кризисам, находятся под угрозой как минимум одной из возможных кризисных тенденций. Основное противоречие капиталистической системы приводит к тому, что, *ceteris paribus*^{*}, или

- экономическая система не производит товары потребления в требуемом объеме, или
- административная система не принимает рациональных решений в требуемом объеме,

* При прочих равных условиях (*лат.*)

или

— легитимационная система не обеспечивает обобщенных мотиваций в требуемом объеме, или

— социокультурная система не генерирует в требуемом объеме смысла, мотивирующего действия.

Выражение «в требуемом объеме» относится к количеству, качеству и временному измерению соответствующих системных функций (стоимость, административные решения, легитимация и смысл), причем субститутивные отношения между отдельными измерениями одной и той же системной функции и отношения различных системных функций между собой вовсе не исключены. В достаточной ли при этом степени операционализируются и изолируются функции подсистем и в достаточной ли степени может быть специфицирована критическая потребность в системных функциях, это уже другой вопрос. По прагматическим причинам эту задачу сложно решить; однако принципиально нерешаемой эта задача становится лишь тогда, когда в рамках теории социальной эволюции не удастся задать уровни развития и тем самым границы вариации нормативных состояний общественной системы, обеспечивающие идентичность²⁷.

Разумеется, одни и те же макро-феномены могут быть выражением различных кризисных тенденций; каждый отдельный кризисный аргумент, если он верен, является достаточным объяснением возможного случая кризиса; однако при объяснении конкретного действительного кризиса многие аргументы могут оказаться взаимодополнительными. Аналитическую завершенность я вижу

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

лишь применительно к кризисным тенденциям, а вовсе не применительно к списку объясняющих аргументов, о которых мне хотелось бы поговорить в дальнейшем.

Кризисные тенденции *Возможные объяснения*

Экономический кризис: а) госаппарат как естественно возникший орган исполнения закона стоимости;

б) госаппарат как агент планирования объединенного «монополистического капитала».

Кризис рациональности: с) разрушение административной рациональности посредством противостоящих друг другу единичных капиталистических интересов;

д) производство необходимых для ее сохранения чуждых системе структур.

Кризис легитимности: е) границы систем и
ф) ненамеренные побочные следствия (политизация) административного вмешательства в культурную традицию.

Мотивационный кризис: g) размывание важных для сохранения стабильности традиций;
h) перегрузка посредством универсалистских систем ценностей («новые» потребности).

4. К ТЕОРЕМАМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

При либеральном капитализме рынок не сам по себе перенял функции обобществления в смысле социальной интеграции; классовые отношения смогли принять неполитическую форму отношений наемного труда и капитала лишь при том условии, что общие предпосылки сохранения капиталистического производства стали обеспечиваться государством. Лишь дополняющие рынок государственные функции, которые не подчиняются механизмам рынка, делают возможным неполитически осуществляемое господство через частное присвоение общественно производимой прибавочной стоимости. Образование капитала реализуется (поначалу) посредством неограниченной конкуренции единичных капиталов, в то время как рамочные условия этой конкуренции или общественные основания производства прибавочной стоимости не могут сами воспроизводиться капиталистическими средствами. Для этого требуется государство, которое как не-капиталист вынужденно выступает против единичных капиталов, чтобы, как викарий, воплотить

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

«общекapиталистическую волю», которая не может образоваться в конкурентной сфере. С учетом своих некапиталистических средств государство *ограничивает* капиталистическое производство; с учетом своей функции оно *служит* его поддержанию — лишь поскольку государство *дополняет* экономику, оно может быть для нее *инструментальным*²⁸.

Такой подход действует также и в отношении госаппарата в позднем капитализме²⁹. Согласно этому положению, сегодня государство не может больше ограничиться выполнением общих условий производства, оно должно вмешиваться в сам процесс воспроизводства, а именно создавать для неиспользованного капитала условия реализации, увеличивать потребительную стоимость капитала, снижать экстернализированные, а также прямые и косвенные затраты капиталистического производства, выравнивать мешающие росту диспропорции, регулировать общеэкономический оборот посредством социальной, налоговой и конъюнктурной политики и т. д.; но по-прежнему государственные интервенции — это инструментальная деятельность не-капиталиста по реализации капитала, который, как викарий, выполняет общекapиталистическую волю.

В соответствии с *ортодоксальной позицией* даже позднекапиталистическое государство остается мысленным «совокупным капиталистом» (Энгельс), поскольку оно никоим образом не отменяет естественности анархического товарного производства; оно ограничивает капиталистическое производство, однако оно не господствует над ним в смысле общекapиталистической инстанции плани-

рования. Правда, интервенционистское государство, в отличие от либерального, вовлечено в процесс воспроизводства; поэтому оно не только обеспечивает общие условия производства, но и само становится своеобразным исполнительным органом закона стоимости. Деятельность государства не отменяет спонтанного действия закона стоимости; поскольку она сама во многом ему подчиняется, в долгосрочной перспективе административные действия даже обостряют экономический кризис³⁰. Также и классовая борьба, которая, как показал Маркс на примере тогдашнего трудового законодательства в Англии, может привести к законодательному регулированию в интересах наемных рабочих, остается «моментом движения капитала»³¹.

Замещение рыночных функций государственными не изменяет бессознательный характер общеэкономического процесса. Это проявляется в узких границах государственного пространства манипуляции; государство не может ни существенно вмешиваться в структуру частной собственности, не вызывая при этом «инвестиционной забастовки», ни избежать в долгосрочной перспективе циклических нарушений процесса накопления, т. е. эндогенно производимых стагнационных тенденций, ни тем более эффективно контролировать субституты кризиса, а именно хронические дефициты общественных бюджетов и инфляцию.

Общее возражение против подобного понимания исходит из того, что вопрос, на который можно ответить лишь эмпирически, изменилась ли, и если да, то как, классовая структура, не должен быть решен заранее на аналитическом уровне. Абсолютизация ценностно-теоретических понятийных

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

стратегий лишает экономическую теорию кризиса возможной эмпирической проверки. Даже Маркс мог свое притязание посредством экономического анализа законов движения капиталобразования охватить модель кризисного развития всей общественной системы (включая политические противостояния и функции госаппарата) обосновать лишь тем, что осуществление классового господства приняло неполитическую форму обмена наемного труда на капитал. Однако эта маловероятная констелляция изменилась с тех пор, как социально-интегративные функции сохранения легитимного господства осуществляются уже не через системно-интегративные функции рынка и отжившие традиции докапиталистического происхождения, а переходят к политической системе. Поскольку государственная деятельность декларативно следует целям управления системой во избежание кризисов, а тем самым и классовые отношения потеряли свою неполитическую форму, то классовая структура *должна* утверждаться в борьбе за административно опосредованное распределение прироста общественного продукта. Поэтому на классовую структуру отныне *может* непосредственно воздействовать политическая борьба. В таких обстоятельствах экономические процессы более не могут пониматься имманентно как движения саморегулирующейся экономической системы. Закон стоимости мог выражать двойственный характер процессов обмена (как процессов управления и эксплуатации) лишь при приблизительно выполняемом при либеральном капитализме условии, что классовое господство осуществляется неполитическим путем. Как и в

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

каком объеме через экономические процессы осуществляется власть и обеспечивается эксплуатация, зависит сегодня от конкретных констелляций власти, которые больше *не предрешаются* с помощью автономно действующего механизма рынка труда. Сегодня государство должно выполнять функции, которые не могут быть ни объяснены с учетом сохранения предпосылок способа производства, ни выведены из имманентного движения капитала. Это движение больше не осуществляется через рыночный механизм, объяснимый с позиции теории стоимости, а является равнодействующей от экономически все еще действенной рабочей силы и политического сопротивления управлению, в которой выражается сдвиг *производственных отношений*.

Для более точного определения этого сдвига мне кажется важным аналитически различать четыре категории деятельности государства, исходящей из императивов экономической системы.

1. Чтобы *конституировать* способ производства, а также сохранить его в таком качестве, должны быть реализованы сохраняющие предпосылки: государство обеспечивает систему частного права с базовыми институтами собственности и свободы заключения договоров; оно защищает рыночную систему от саморазрушительных побочных следствий (например, посредством введения нормативного рабочего дня, посредством картельного законодательства и стабилизации валютной системы); оно осуществляет общеэкономические предпосылки (как, например, школьное

образование, транспорт и т.д.); оно поддерживает международную конкурентоспособность местной экономики (например, с помощью торговой и таможенной политики) и репродуцирует себя извне посредством военного сохранения целостности государства и внутри посредством парамилитарного подавления чуждых системе сил.

2. Процесс накопления капитала требует подстройки правовой системы к новым формам организации предпринимательской деятельности, конкуренции, финансирования и т. д. (например, через создание новых правовых институтов в банковском и бизнес-праве, посредством манипулирования налоговой системой и т. д.). При этом государство ограничивается *дополняющей рынок* адаптацией к процессу, на динамику которого оно не оказывает никакого влияния, так что и общественный принцип организации, и классовая структура остаются незатронутыми.
3. Здесь следует различать действия государства, *замещающие рынок*, которые юридически не учитывают определенное, независимо возникшее экономическое состояние дел, а в качестве *реакции на недостаточность* экономических движущих сил делают возможным продолжение процесса накопления, более не предоставленного собственной динамике, и тем самым создают новые экономические обстоятельства, будь то с помощью создания и улучшения инвестиционных шансов (государственный спрос на непроизводительные потребительские блага), будь то с помощью из-

мененных форм производства прибавочной стоимости (посредством государственной организации научно-технического прогресса, профессиональной квалификации рабочей силы и т. д.). В обоих случаях затрагивается общественный принцип организации, о чем свидетельствует возникновение чуждого системе общественного сектора.

4. В конце концов, государство *компенсирует* дисфункциональные последствия процесса накопления, которые внутри единичных фракций капитала или в организованном рабочем классе и других группах, способных к организации, вызвали *политически реализованные реакции*. Таким образом, с одной стороны, государство перенимает экстернализированные косвенные расходы частной экономики (например, экологический ущерб) или обеспечивает с помощью структурно-политических мер сохранение секторов, находящихся под угрозой (к примеру, горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства). С другой стороны, имеют место регламентация и вмешательство, которых требуют профсоюзы и реформистские партии с целью улучшения социального положения наемных рабочих (исторически они начинают с права на создание коалиций и через тарифные, социально-правовые и относящиеся к области трудового права улучшения ведут к политике в сфере образования, транспорта и здравоохранения). Истоки государственных расходов³², классифицируемых сегодня как «social expenses» и «social consumption», сле-

дует искать главным образом в политически выраженных, ориентированных на потребительную стоимость требованиях организованного рабочего класса³³.

Типичной для организованного капитализма является государственная деятельность последних двух категорий; предложенное аналитическое различие в большинстве случаев сложно провести эмпирически, поскольку позднекапиталистическое государство справляется в значительно расширенном объеме и, естественно, с применением тех же самых техник как с задачами двух первых категорий, так и со вновь возникшими задачами. Так, например, валютная политика является сегодня одним из ключевых моментов глобального планирования, несмотря на то, что обеспечение международного денежного обращения и оборота капиталов, а также реакция на них принадлежат к тому роду действий, которые конституируют способ производства. Критериями разграничений являются не объем и техника государственных действий, а их функции: если наша модель верна, то либерально-капиталистическое государство вступает в действие, чтобы обеспечить условия для сохранения способа производства и, в дополнение к рыночному механизму, удовлетворить потребности управляемого рынком процесса накопления. Позднекапиталистическое государство хотя занимается тем же самым, даже в большем объеме и с помощью более эффективных техник, но оно сможет справиться с этими задачами лишь в том случае, если оно одновременно заполнит функциональные пробелы рынка, вмешается в процесс накопления капитала и компенсирует

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

его политически неприемлемые последствия. В *этих* действиях реализуются реакции на изменения классовой структуры, т. е. *другую* констелляцию власти — с тем результатом, что воздействию подвергается даже общественный принцип организации, который, в конечном итоге, основывается на институционализации не-организованного рынка труда.

Для изменения производственных отношений при позднем капитализме характерными являются прежде всего три формы развития: измененная форма производства прибавочной стоимости, которая затрагивает принцип общественной организации; квази-политическая структура заработной платы, которая является выражением классового компромисса, и растущая потребность в легитимации политической системы, которая вводит в игру ориентированные на потребительную стоимость требования, конкурирующие при определенных обстоятельствах с потребностями реализации капитала.

а). Возникновение общественного сектора является, помимо всего прочего, знаком того, что государство обеспечивает производство коллективных потребительных благ, которые оно в форме материальной и нематериальной инфраструктуры предоставляет в частное пользование, сокращая издержки³⁴. Тем самым государство увеличивает потребительную стоимость единичных капиталов, поскольку коллективные потребительские блага служат цели повышения производительности труда, причем последняя, с точки зрения теории стоимости, выражается в удешевлении постоянного капитала и повышении нормы прибавочной стои-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

мости³⁵. Тот же эффект имеет и государственная организация образовательной системы, которая увеличивает производительность труда с помощью повышения квалификации³⁶. Тем самым изменяется и форма производства прибавочной стоимости³⁷. После того, как еще в либеральном капитализме увеличение абсолютной прибавочной стоимости посредством физического принуждения, увеличения рабочего дня, найма низкооплачиваемой рабочей силы (женщины, дети) и т. д. натолкнулось на свои естественные границы, как это показывает, например, введение нормированного рабочего дня, увеличение относительной прибавочной стоимости поначалу приняло форму использования *уже существующих или привнесенных извне* изобретений и информации для развития технических и человеческих производительных сил. Лишь с началом государственной организации научно-технического прогресса и систематической экспансии системы широкого образования создание повышающих производительность технологий, информации, организаций и квалификаций становится неотъемлемой частью самого процесса производства. Рефлексивный труд, т. е. труд, который с целью увеличения производительности труда применяется к самому себе, поначалу можно было рассматривать как коллективное потребительное природное благо; сегодня он уже встроен в экономический оборот. Это происходит потому, что государство (или частный бизнес) сейчас расходует капитал, чтобы купить *опосредованно производительную* рабочую силу ученых, инженеров, учителей и пр. и превратить продукты их труда в потребительные блага

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

названной категории, снижающие затраты³⁸. Если придерживаться догматической понятийной стратегии и определять рефлексивный труд (в Марксовом смысле) как труд непроизводительный, то специфическая функция этого труда для процесса применения капитала остается неучтенной. Рефлексивный труд непроизводителен в смысле прямого создания прибавочной стоимости, однако он и не непроизводителен, потому что тогда он не имел бы нетто-эффекта для производства прибавочной стоимости. Маркс точно заметил, что «даже при данной величине функционирующего капитала захваченные капиталом рабочая сила, наука и земля (под последней с экономической точки зрения следует понимать все предметы труда, доставляемые природой без содействия человека) образуют его эластичные потенции, которые в известных границах расширяют его арену действия независимо от его собственной величины» (Капитал 1, стр. 636)*; но при этом он мог понимать «науку» подобно «земле», как даровое коллективное потребительное благо, без необходимости учета рефлексивного труда, применяемого для ее создания, как особенного фактора производства. Переменный капитал, который в качестве дохода используется для оплаты рефлексивного труда, опосредованно вкладывается в производство, поскольку он систематически изменяет условия, при которых из производительного труда может быть присвоена прибавочная стоимость, и, таким образом, опосредованно вносит свой вклад в производство еще большей прибавочной стоимости.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 623.

Это рассуждение показывает, что, во-первых, классические понятия теории стоимости недостаточны для анализа государственной политики в сфере науки, образования и технологий и, во-вторых, вопрос о том, может ли новая форма производства прибавочной стоимости компенсировать тенденцию нормы прибыли к понижению, т. е. противодействовать экономическому кризису, является вопросом эмпирическим³⁹.

б). В монополистическом секторе возникла коалиция между союзами предпринимателей и профсоюзами, которая приводит к тому, что цена такого товара, как рабочая сила, устанавливается квази-политическими средствами: механизм конкуренции на этом «рынке труда» замещается компромиссами между организациями, которым государство делегировало легитимную власть. Подобная эрозия механизмов рынка труда, разумеется, имеет экономические последствия (перекладывание факторных издержек на цену продукта); однако это — последствия упразднения неполитических классовых отношений. С помощью системы тарифно выторгованной «политической»⁴⁰ заработной платы удается, особенно в капиталоемких секторах экономики, смягчить противоречие между наемным трудом и капиталом, а также достигнуть частичного классового компромисса. По определению Маркса, анализ властного ценообразования на организованных рынках принципиально возможен даже в рамках теории стоимости — товар может быть продан выше собственной стоимости. При этом, однако, цена рабочей силы есть единица измерения при расчете стоимости. Квази-политическое властное ценооб-

разование на рынке труда не может поэтому рассматриваться по аналогии с другими, поскольку посредством среднего уровня заработной платы оно определяет стоимостную величину, по которой должны были бы измеряться отклонения выше стоимости продаваемой рабочей силы. Мы не знаем некоего независимого от культурных норм стандарта стоимости воспроизводства рабочей силы — и Маркс тоже не предполагал наличия подобного стандарта⁴¹. Конечно же, можно придерживаться догматической понятийной стратегии и с помощью определения приравнять среднюю заработную плату к стоимости воспроизводства рабочей силы. Но тогда на уровне анализа предreshается эмпирически совершенно существенный вопрос о том, что не потому ли классовая борьба, организованная политически и профсоюзно, имела системно-стабилизирующее действие, что она была успешна в экономическом смысле и существенно изменила степень эксплуатации в пользу наилучшим образом организованных частей рабочего класса.

с). В конечном итоге производственные отношения изменились еще и потому, что замена отношений обмена административной властью связана с одним и тем же условием: для административного планирования необходима легитимная власть. Функции, добавленные госаппарату в позднем капитализме, и расширение административно обработанных общественных материй повышают потребность в легитимации. Речь при этом не идет о некой загадочной величине; потребность в легитимации возникает из весьма прозрачных условий функционирования административной системы, вошедшей в функциональные зазоры рынка. Ли-

беральный капитализм конституировался в форме буржуазной демократии, что прекрасно объясняется контекстом буржуазных революций. Поэтому растущая потребность в легитимации сегодня должна быть удовлетворена средствами политической демократии (на основании всеобщего избирательного права). Догматическая же понятийная стратегия, которая допускает буржуазную демократию лишь в качестве надстройки капиталистического классового господства, упускает эту специфическую проблему. В том объеме, в каком государство больше не представляет собой всего лишь надстройку неполитических классовых отношений, формально-демократические средства обеспечения легитимности оказываются по сути своей ограниченными. В подобных обстоятельствах административная система оказывается вынужденной удовлетворить требования, ориентированные на потребительную стоимость, из имеющихся в ее распоряжении налоговых средств. Пока капиталистическая экономическая система производила действительную идеологию из самой себя, подобная проблема легитимации (которая устанавливает ограничительные условия для разрешения проблемы применения капитала) просто не могла возникнуть. Новые легитимационные проблемы не могут быть подведены под сверхобобщенный императив самосохранения, поскольку они не могут быть решены без учета необходимости удовлетворения легитимных потребностей, т. е. распределения потребительных стоимостей, в то время как учитывать это как раз и запрещают интересы реализации капитала. Проблемы легитимации невозможно свести лишь к проблемам реализации ка-

питала. Поскольку классовый компромисс стал основанием процесса воспроизводства, госаппарат должен выполнять свои задачи в экономической системе в ограничительных условиях, что одновременно обеспечивает лояльность масс в рамках формальной демократии и в соответствии с действующими универсалистскими системами ценностей. Это легитимационное давление можно смягчить лишь с помощью структур деполитизированной общестственности. Структурно обеспеченный гражданский приватизм становится необходимым, поскольку для него не существует никаких функциональных эквивалентов. Тем самым возникает новый уровень предрасположенности к кризисам, который не может быть воспринят с ортодоксальной позиции.

Ревизионистский подход мы наблюдаем в теории кризисов, разработанной ведущими экономистами в ГДР. Теория государственно-монополистического капитализма⁴² не спорит с приведенными возражениями, поскольку она исходит из предположения, что естественная взаимосвязь процесса капиталистического воспроизводства была прервана из-за государственно-монополистического планирования. На место спонтанного действия экономических законов выступает центральное управление аппарата производства. Высокая степень обобществления производства влечет за собой сближение частных интересов крупных корпораций и общекапиталистического интереса к сохранению системы, и оно тем сильнее, чем больше угроза системе со стороны конкурирующих посткапиталистических обществ и трансцендирующих систему сил внутри нее самой. Так образуется общекапиталистиче-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

ский интерес, который объединенные монополии сознательно реализуют с помощью госаппарата. Этой новой степени сознания должно соответствовать капиталистическое планирование, которое обеспечивает производство прибавочной стоимости тем, что частично «освобождает» инвестиционные решения от рыночных механизмов. Закрепленное формулами объединение власти монополий с властью госаппарата истолковывается в смысле теории агентов; центральное ядро общества якобы подчиняется общекапиталистическим интересам, так что сама по себе прогрессивная форма организации управления производством остается заложником целевой функции реализации капитала. Открытая деполитизация классовых отношений делает, с другой стороны, государственно-монополистическое господство более уязвимым для политического давления, которое могут оказывать демократические силы (объединенные по образу народного фронта). Теория государственно-монополистического капитализма также исходит из того, что основное противоречие капиталистического производства не снимается при новых формах организации, а напротив, усиливается; однако экономический кризис принимает теперь непосредственно политическую форму.

Против этой теории были выдвинуты два весомых аргумента⁴³. Во-первых, невозможно эмпирически подтвердить предположение о том, что госаппарат, в чьих бы то ни было интересах, мог бы активно планировать, разрабатывать и внедрять некую центральную экономическую стратегию. Теория государственно-монополистического капитализма (точно так же, как и западные технократиче-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

ские теории) не принимает во внимание границ административного планирования в позднем капитализме. Форма движения планирующей бюрократии — это реактивное избегание кризиса. К тому же различные бюрократии не скоординированы в достаточной степени и, из-за их недостаточной способности к восприятию факторов и планированию, зависимы от влияния со стороны своих клиентов⁴⁴. Именно недостаточная рациональность госаппарата обеспечивает реализацию организованных частных интересов. При этом те противоречия, которые существуют между отдельными капиталистическими интересами, между единичными интересами и общекapиталистическим интересом и, наконец, между системно-специфическими и потенциально обобществимыми интересами, перемещаются в сферу госаппарата.

Во-вторых, столь же сложно эмпирически подтвердить положение о том, что государство действует как агент объединенных монополистов. Теория государственно-монополистического капитализма переоценивает (так же, как и западные теории элит) значение личных контактов и прямого нормирования действий. Исследования рекрутирования, комплектования и взаимодействия различных элит не могут удовлетворительно объяснить функциональные взаимосвязи между экономической и административной системами⁴⁵. Подходящей здесь мне кажется системно-теоретическая модель, разработанная Оффе и его сотрудниками, которая проводит различие между структурой административной системы, с одной стороны, и протекающими в ней процессами разрешения конфликтов и достижения консенсуса, принятия и вы-

полнения решений и т. д. — с другой. При этом Оффе понимает «структуру» как набор устоявшихся правил отбора, которые предreshают, что признается в качестве материи, требующей регулирования, что тематизируется, что, с какой приоритетностью и по каким каналам действительно регулируется публично. Стабильные на протяжении долгого времени модели привилегирования или ущемления определенных интересов в рамках административного действия, которые объективно, т. е. независимо от заявленных интересов администрации, являются функциональными для реализации капитала, могут быть объяснены с помощью правил отбора, которые предопределяют принятие во внимание или, соответственно, вытеснение проблем, тем, аргументов и интересов⁴⁶.

5. К ТЕОРЕМАМ КРИЗИСА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Способ функционирования позднекапиталистического государства не может быть адекватно объяснен ни по модели бессознательно действующего исполнительного органа, по-прежнему спонтанно реализующего действенные экономические законы, ни по модели некоего агента, действующего по плану объединенных капиталистов-монополистов. Вовлеченное в процесс воспроизводства государство изменило детерминанты самой реализации капитала. Благодаря классовому компромиссу административная система обретает ограниченную возможность планирования, которая в рамках формально-демократического обеспечения леги-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

тимации может быть использована в целях реактивного предотвращения кризисов. При этом общекapиталистический интерес к поддержанию своего положения конкурирует с противоречащими друг другу интересами единичных фракций капитала, с одной стороны, а с другой — с ориентированными на потребительную стоимость, потенциально обобществляемыми интересами различных групп населения. Растянутый во времени и смягченный в своих социальных последствиях кризисный цикл замещается инфляцией и долгосрочным кризисом в общественных финансах. Являются ли эти эрзац-феномены успешной победой над экономическим кризисом или всего лишь временным его смещением в политическую систему, это вопрос эмпирический. В конечном итоге это зависит от того, достигает ли опосредованно продуктивно вложенный капитал повышения производительности труда, которой при системно-функциональном распределении прироста производительности оказывается достаточно, чтобы обеспечивать лояльность масс и одновременно поддерживать процесс дальнейшего накопления капитала. Государственная казна постепенно обременяется совокупными издержками все более и более обобществляемого производства: она платит за империалистические рыночные стратегии и за спрос на непродуктивные потребительские товары (оборонная и космическая промышленность); она платит за создание инфраструктуры, относящейся непосредственно к производству (транспортные системы, научно-технический прогресс, профессиональное образование); она платит за опосредованно относящееся к производству социальное по-

требление (строительство жилья, транспорт, здравоохранение, досуг, образование, социальное страхование); она также платит за социальное обеспечение, особенно безработных, и наконец, она берет на себя экстернализированные расходы, связанные с загрязнением окружающей среды, возникшим в результате деятельности частных производителей. В конечном счете эти расходы должны финансироваться из налоговых поступлений. Поэтому госаппарат должен решать две задачи одновременно: с одной стороны, он должен обеспечить необходимый объем налоговых поступлений посредством изъятия прибыли и доходов, а также использовать наличную налоговую массу настолько рационально, чтобы избежать кризисных нарушений экономического роста; с другой стороны, селективный сбор налогов, заметная приоритетная модель их использования и сами административные действия должны быть такими, чтобы можно было удовлетворить возникающую потребность в легитимации. Если государство оказывается несостоятельным по отношению к одной из этих задач, возникает дефицит административной рациональности; если же оно оказывается несостоятельным по отношению к другой — тогда возникает дефицит легитимности (об этом — в следующем разделе)⁴⁷.

Дефицит рациональности может возникнуть потому, что те противоречивые императивы управления, которые вызываются естественным характером анархического товарного производства, а также его ростом в форме кризисов, действительны лишь в рамках административной системы. Этот несколько измененный тезис об анархии Хирш,

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

как и некоторые другие, доказывает с помощью примеров из научного администрирования⁴⁸. Этот тезис имеет дескриптивную ценность, поскольку показывает, что учреждения, при их весьма незначительных возможностях восприятия и планирования, а также при их недостаточной координации друг с другом в действиях, часто зависят от информационного потока, получаемого от своих клиентов, так что они уже не в состоянии соблюдать в их отношении необходимую дистанцию для принятия независимых решений. Отдельные сектора экономики могут как бы «приватизировать» определенные части общественного управления, так что конкуренция между отдельными общественными интересами перемещается в сферу госаппарата. Теорема кризиса, таким образом, базируется теперь на том соображении, что растущее обобществление производства, по-прежнему направленного на частные цели, влечет за собой невыполнимые, по причине их парадоксальности, требования. С одной стороны, государство должно перенять функции совокупного капиталиста, с другой же — конкурирующим единичным капиталам нельзя создавать или воплощать никакой коллективной воли до тех пор, пока не устранена инвестиционная свобода. Так возникают противоречащие друг другу императивы расширения для государства возможности общекapиталистического планирования и вместе с тем предотвращения именно этого расширения, которое угрожало бы сохранению капитализма. Поэтому госаппарат колеблется между ожидаемой интервенцией и вынужденным отказом от нее, между угрожающим системе обособлением от своих адресатов и

подчинением их частным интересам. Дефициты рациональности являются неизбежным результатом той ловушки отношений, в которую угодило позднекапиталистическое государство и в которой все больше увязают его противоречивые действия⁴⁹.

Я перечислю ряд соображений, которые направлены против обоснованности этого аргумента:

а) Из-за того, что основное противоречие капитализма переносится из экономической системы в административную, изменяются и условия, в которых его можно было бы разрешить. В экономической системе противоречия выражаются непосредственно в отношениях между стоимостными величинами (*Wertgrößen*) и опосредованно в социальных последствиях потери капитала (банкротство) и разграбления средств к существованию (безработица). В административной системе противоречия выражаются в принятии иррациональных решений и социальных последствиях этих административных неудач, т. е. в дезорганизации жизненных сфер. Банкротство и безработица определяют однозначно опознаваемые пороги риска при невыполнении функций; дезорганизация жизненных сфер, напротив, движется в континууме. И сложно сказать, *где здесь расположены пороги терпимости* и насколько восприятие того, что еще допустимо, а что будет воспринято уже в качестве невыносимого, может быть адаптировано ко все более дезорганизуемому окружающему миру.

б) Важнее, однако, другой аспект. В экономической системе правила стратегического действия, равно как и сферы прибыли и потерь, четко опре-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

деленны; среда обмена не допускает разрешения конфликтов в виде постоянной взаимной адаптации ориентаций действий — регулирующий принцип оптимизации прибыли здесь не обсуждается. Административная же система, напротив, пребывает в процессе нацеленных на достижение компромисса переговоров с окружающими мирами (Umwelten), от которых она зависит: “bargaining”^{*} пребывает под давлением взаимного подстраивания структур ожиданий и систем ценностей. Реактивный модус движения стратегий избегания есть выражение ограниченной способности маневрирования госаппарата, который может показать своим партнерам по переговорам интересы населения, способные стать всеобщими, в противовес как организованным единичным интересам, так и общекапиталистическому интересу сохранения сложившегося положения дел. Применение легитимной власти требует *учета легитимационного перепада* между различными сферами интересов, которого не может быть внутри в целом легитимированной системы обмена.

с) В конечном счете кризисные тенденции не могут развиваться посредством коллективного административного действия настолько же неосознанно, как и посредством партикуляризированных действий индивидуальных участников рынка. В частности, различие между процессами, протекающими естественным образом, и планированием для среды осуществления власти не столь резко отделимо, как в стратегических играх, в которых интенциональное следование правилам может иметь

^{*} Ведение переговоров (англ.).

непреднамеренные последствия. В гораздо большей степени в качестве цели действия *тематизируется* необходимость *избегания кризисов*. Для процессов принятия решений, пребывающих в сумерках между естественностью и планомерностью, характерным является модус оправдания, которому следуют административная система и ее партнеры по переговорам: требуемое или желаемое административное действие оправдывается рациональностью системы, спроецированной из перспектив действия⁵⁰, т. е. системно-функциональными управленческими действиями в отношении фиктивных целевых функций, которые никто не может выполнять, поскольку никто из участников не господствует над системой. Политические компромиссы не образуют, подобно решениям, принятым в рамках экономического выбора в рыночно-управляемой системе, естественным образом возникшего контекста, сотканного из единичных целерациональных действий. Поэтому здесь и не существует никакой *логически необходимой* несовместимости между интересами общекapиталистического планирования и свободой инвестиций, необходимостью планирования и отказом от интервенций, обособлением госаппарата и независимостью частных интересов. Возможность того, что административная система между конкурирующими притязаниями проложит путь компромисса, который сделает возможным все еще достаточный объем организационной рациональности, не может быть исключена хотя бы из логических соображений.

Учитывая эти оговорки, можно все же попытаться сконструировать вторую ступень естественного развития административной системы. Раз-

личные варианты бюрократически обособленного капиталистического планирования⁵¹ отличаются, однако, по типу от демократического планирования, взаимосвязанного с дискурсивным волеобразованием, еще и объемом непревосхищаемых последующих проблем, которые должны решаться *ad hoc* и могут накапливаться до такой степени, что в результате даже обращение к ресурсу «времени» не сможет дать никакого выхода. Эта форма *вторичной бессознательности* образует, как можно было бы переформулировать теорему кризиса, тот фасад, за которым должен скрывается госаппарат, чтобы минимизировать расходы, возникающие у него из-за компенсаций униженным жертвам процесса накопления. Капиталистический рост продолжается и сегодня путем концентрации предприятий, а также централизации и смещения владения капиталом⁵², которые делают экспроприацию и перераспределение капитала нормальным процессом. Именно эта нормальность ставится под вопрос в той мере, в какой государство претендует на роль ответственной инстанции планирования, которую пострадавшие могут обвинять в потерях и к которой могут выдвигать требования превентивных мер и выплаты компенсаций. Эффективность этого механизма отражается, например, в структурной политике. До тех пор пока экономических ресурсов недостаточно для того, чтобы содержать капиталистических жертв капиталистического роста, существует дилемма: или сделать государство невосприимчивым к подобным притязаниям, или парализовать процесс роста. Первая альтернатива ведет к новой апории: чтобы обеспечить продолжение процесса

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

накопления, к государству все явственнее прирастают функции планирования, которые, однако, не должны опознаваться как вменяемые административные услуги, потому что иначе стало бы возможно требовать компенсаций, сдерживающих процесс накопления. Правда, в такой форме теорема кризиса рациональности остается зависимой от эмпирических предположений об экономических проблемах капиталистического роста.

Кроме того, следует учитывать, что экспоненциально возрастающая потребность в планировании создает системно-специфические проблемы. Долгосрочное планирование в комплексных обществах ставит всякую административную систему, и не только капиталистическую, перед структурными сложностями, которые Ф.В. Шарпф остроумно анализировал во многих работах⁵³. Я сам склоняюсь к предположению, что не *всякий* инкрементализм, т. е. тип планирования, ограниченного среднесрочной перспективой и чувствительного к внешним воздействиям, *eo ipso* отражает дефицит рациональности администрации, перегруженной требованиями. В любом случае логические причины ограничения рациональности у действий, направленных на избегание кризиса, можно ввести в поле, которое должно проверить возможности *компромисса интересов*, не делая предварительно предметом общественной дискуссии *возможность обобществления* данных интересов. Позднекапиталистические границы рациональности заключаются в том, что тип планирования, который, вместе с Р. Функе, можно было бы назвать демократическим инкрементализмом⁵⁴, структурно не допускается.

Из оригинальных рассуждений К. Оффе можно извлечь еще один аргумент в пользу неизбежного возникновения дефицитов рациональности у планирующего управления. Оффе называет три тенденции, которые подтверждают системно необходимое размножение антисистемных элементов. При этом речь идет о распространении схем ориентирования, которые затрудняют управление конформным системе поведением⁵⁵.

Сначала на организованных рынках общественного и монополистического секторов изменяются предельные условия, при которых принимаются стратегические предпринимательские решения. Большие корпорации могут принимать свои решения в пределах настолько широкого временного и предметного пространства альтернатив, что место определяемого внешними данными поведения в рамках рационального выбора занимает инвестиционная *политика*, которая для обоснования требует дополнительных предпосылок. Поэтому высший менеджмент должен применять политические схемы оценки и принятия решений вместо а priori установленных *стратегий* действия. *Далее*, в связи с функциями общественного сектора возникают профессиональные сферы, в которых абстрактный труд все больше заменяется конкретным, т. е. ориентированным на потребительную стоимость, трудом: это относится и к самой бюрократии, занятой задачами планирования; это относится к секторам общественных служб (транспорт, здоровье, жилищное строительство, сфера досуга); это относится и к образовательной и научной системам, а также к исследовательской сфере и области технического развития.

*Radical professionalism** есть признак того, что в таких сферах профессиональный труд может освободиться от приватистских карьерных схем и рыночных механизмов и ориентироваться на конкретные цели. *И наконец*, по отношению к активному населению, которое получает доходы, возрастает процент неактивного населения, которое не воспроизводится через рынок труда: школьники и студенты, безработные, пенсионеры, получатели социального пособия, не профессионализированные домохозяйки, больные и криминальные элементы. Эти группы также могут создавать схемы ориентаций, подобные тем, которые возникают в контекстах конкретного труда.

Эти «чужеродные тела» в капиталистической системе занятости, количество которых возрастает по мере обобществления производства, ограничительно действуют на административное планирование. Капиталистическое планирование, с оглядкой на инвестиционную свободу частных деятелей, использует средства глобального управления, которое влияет на поведение своих адресатов посредством изменения внешних данных. Параметры, которые оно может изменить конформным по отношению к системе образом, а именно процентные ставки, налоги, субсидии, условия заказов, вторичное распределение доходов и т. д., являются, как правило, монетарными величинами. Именно эти величины утрачивают свой управленческий эффект, когда слабее становится ориентация на абстрактную меновую стоимость. Последствия обобществления производства, ускоренного

* Радикальный профессионализм (англ.).

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

посредством государственных интервенций, разрушают тем самым условия применения важных инструментов самой государственной интервенции. Это, правда, не является логически необходимым противоречием.

Три вышеописанные тенденции говорят о том, что процесс накопления осуществляется не через среду обмена, а через другие среды. Политическое качество, однако, которое сегодня обретают некогда рыночно-рациональные решения, политизация определенных профессиональных ориентаций и далекая от рынка социализация не получающих дохода групп не должны *per se* сужать пространство маневра администрации; при определенных мерах безопасности даже участие может быть функциональней для осуществления административного планирования, нежели поведенческие реакции, управляемые посредством внешних стимулов⁵⁶. *До тех пор пока* такое развитие действительно ведет к кризисно-релевантным проблемам, речь идет не о дефиците рациональности планирования, а о последствиях неадаптированной мотивационной ситуации: администрация не может мотивировать своих партнеров к совместной деятельности. Грубо говоря, поздний капитализм не должен нести убытки, если дадут сбой средства управления внешним стимулированием в определенных сферах поведения, в которых он до этого функционировал. Сложности начинаются тогда, когда административная система не может больше исполнять важную для сохранения сложившегося положения дел функцию планирования, поскольку от нее вообще ускользает контроль над релевантными для планирования сферами поведения,

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

какими бы средствами это ни происходило. Этот прогноз невозможно сделать, исходя из одной лишь утраты рациональности управления, но разве что с учетом утраты системно-необходимых мотиваций. (См. ниже главу 7).

6. К ТЕОРЕМАМ КРИЗИСА ЛЕГИТИМАЦИИ

Понятие кризиса рациональности создано по аналогии с понятием экономического кризиса. В соответствии с ним противоречивые императивы управления должны осуществляться через целерациональные действия (правда, уже не участников рынка, а сотрудников администрации) и выражаться в противоречиях, которые непосредственно угрожают системной интеграции и, как следствие, социальной интеграции.

Как мы уже отметили, экономического системного кризиса можно ожидать лишь до тех пор, пока политическое противостояние (классовая борьба) не изменяет институциональных рамочных условий капиталистического производства (например: движение чартистов, введение нормированного рабочего дня). В той мере, в какой сами классовые отношения были деполитизированы и государство взяло на себя задачу как замещения, так и компенсации рынка (а также сделало возможной более «эластичную» форму производства прибавочной стоимости), классовое господство больше уже не могло реализовываться в анонимной форме закона стоимости. С этого момента от фактических констелляций власти в гораздо боль-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

шей степени зависит то, может ли, и если да, то как, производство относительной прибавочной стоимости обеспечиваться общественным сектором, равно как и то, как выглядят условия классового компромисса. Тем самым кризисные тенденции хотя и смещаются из экономической системы в административную, однако среда замкнутых на себя и опосредуемых лишь с помощью рынка процессов обмена разваливается на части. Но после того как либерально-капиталистические чары товарного фетишизма были развенчаны (и все действующие лица стали более или менее хорошими практиками теории стоимости), естественность экономических процессов на уровне политической системы может воспроизводиться в лучшем случае лишь во вторичной форме: государство должно сохранить остатки бессознательности, чтобы из его функций планирования не выросла никакая ответственность, которую оно не может нести, не превысив своих финансовых возможностей. Так, экономические кризисные тенденции развиваются на уровне сбора и целерационального расходования необходимых налоговых средств. Однако деятельность государства, если мы не хотим обращаться к теореме экономического кризиса, могла бы найти *вынужденную* границу лишь в рамках доступных легитимаций. До тех пор пока мотивации все еще тесно привязаны к нуждающимся в легитимации нормам, вмешательство легитимной власти в процесс воспроизводства означает то, что «основное противоречие» может прорваться в виде имеющего множество последствий сомнения в нормах, все еще лежащих в основе административного действия, — и будет прорываться, если

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

соответствующие темы, проблемы и аргументы не будут нейтрализованы посредством достаточно устойчивых предварительных решений. В результате того, что экономический кризис отныне может быть предотвращен и трансформирован в систематическую перегрузку общественных бюджетов, он отбросил покров общественной судьбы природного свойства. Если государственное антикризисное управление дает сбой, оно отбрасывается назад за *им же установленные* программные притязания, платой за что становится потеря легитимации, вследствие чего свобода действий крайне ограничивается именно в те моменты, когда ее, напротив, следовало бы расширить.

В основе этой теоремы кризиса находятся общие рассуждения о том, что социальная идентичность, которая сама определяется обходным путем через способность обеспечения системной интеграции, постоянно остается уязвимой по причине наличия классовых структур. Ибо в фокусе классово специфичного сбора и избирательного применения ограниченных налоговых средств, которые используются и перерасходуются в политике, стремящейся избегать кризисов, концентрируются, как попытался показать О'Коннор, последствия переработанного и трансформируемого основного противоречия общественного производства в неуниверсализуемых интересах. С одной стороны, административный и фискальный фильтр экономически обусловленных кризисных тенденций делает еще менее обозримым фронт многократно фрагментированных классово-релевантных противостояний; классовый компромисс ослабляет способность к организации

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

классов, продолжающих существовать латентно. С другой же стороны, распространившиеся конфликты-следствия становятся более осязаемыми, поскольку они выступают не с объективностью системных кризисов, а непосредственно провоцируют вопросы легитимации. Этим объясняется функциональная необходимость сделать административную систему как можно более независимой от системы легитимационной.

Тем самым разделение инструментальных функций служит управлению экспрессивными символами, которые обуславливают неспецифическую готовность подчиняться. Известные стратегии этого рода — это персонализация предметных вопросов, символическое использование экспертных оценок, юридических заклинаний и т. д., а также рекламных техник, имитирующих олигопольную конкуренцию, которые одновременно и подтверждают существующие структуры предубеждений, и эксплуатируют их, а также придают позитивную или негативную окраску определенным содержаниям с помощью вовлечения эмоций, игры с бессознательными мотивами и пр.⁵⁷. Общественность, действительно организованная, с точки зрения легитимности, обладает прежде всего функцией структурирования внимания с помощью тематических областей, т. е. ее задача — снижать значение *других* тем, проблем и аргументов ниже порога внимания и тем самым препятствовать образованию общественного мнения. Политическая система перенимает задачи идеологического планирования (Луман). Правда, при этом пространство манипуляций оказывается узко ограниченным, поскольку культурная система обладает большим запасом

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

прочности по отношению к административному контролю: *не существует административного производства смысла*. Коммерческое производство и административное планирование символов исчерпывает нормативную силу контрфактических притязаний на значимость. Обеспечение легитимности оказывается самодеструктивным, как только модус «обеспечения» становится заметным.

Культурная традиция обладает собственными и весьма уязвимыми условиями воспроизводства. Они остаются «в силе» до тех пор, пока они продолжают образовываться естественным образом или посредством герменевтического сознания (при этом герменевтика в качестве прошедшего выучку толкования и применения традиции обладает уникальностью нарушать естественный ход передачи традиции, но вместе с тем сохранять ее на рефлексивном уровне⁵⁸). Критическое присвоение традиции разрушает ее естественность в среде дискурса (причем особенность критики⁵⁹ состоит в ее двойной функции: аналитически или же в духе критики идеологии размывать притязания на значимость, которые не могут быть обеспечены дискурсивно, но в то же время отвязать традицию от ее семантического потенциала⁶⁰). Поэтому и критика, не в меньшей степени, чем герменевтика, есть форма присвоения традиции; в обоих случаях присвоенные культурные содержания сохраняют свою императивную силу, т. е. обеспечивают непрерывность истории, с помощью которой индивиды и группы могут идентифицировать себя с собой и между собой. Именно эту силу и теряет культурная традиция, как только она начинает объективистски обрабатываться или страте-

гически применяться. В обоих случаях условия воспроизводства культурной традиции нарушаются, а сама традиция опустошается: это подтверждает эффект музеелизации наслаждающегося историзма, так же как и эффект износа в результате эксплуатации культурных содержаний в административных и рыночно-стратегических целях. Традиции сохраняют легитимационную силу, очевидно, лишь до тех пор, пока они не выпадают из обеспечивающих непрерывность и идентичность систем интерпретаций.

Системная граница попыток уравновесить дефициты легитимности посредством целенаправленных манипуляций определяется структурной несхожестью сфер административного действия и культурной традиции. При этом самую аргументацию кризиса можно выстроить лишь с учетом еще одного аспекта, а именно, что экспансия деятельности государства имеет своим побочным следствием сверх-пропорциональное увеличение потребности в легитимации. Такое сверхпропорциональное увеличение кажется мне вероятным не только потому, что расширение административно обрабатываемых материй делает необходимой лояльность масс в отношении новых функций государственной деятельности, но и потому, что в ходе этого расширения также смещается и граница политической системы по отношению к культурной. При этом культурные самоочевидности, которые до сих пор были пограничными условиями политической системы, попадают в сферу административного планирования. Таким образом тематизируются те части культурной традиции, которые прежде не попадали в сферу действия обществен-

ной программатике и тем более практических дискурсов. Примером непосредственно административной обработки культурной традиции является планирование в сфере образования и в особенности планирование учебных программ. Если прежде образовательной администрации необходимо было лишь кодифицировать канон, который складывался естественным образом, то планирование учебных программ основано на том допущении, что образцы культурной традиции могут быть иными: административное планирование создает универсальную необходимость оправдания применительно к той сфере, которая смогла выделиться именно благодаря силе самолегитимации⁶¹. Опосредованное расшатывание культурных самоочевидностей можно наблюдать на примерах из области регионального и городского планирования (частная собственность на землю), планирования в системе здравоохранения («бесклассовая больница») и, наконец, планирования семьи и брачного права (которые раскрепощают формы сексуального поведения и снижают порог эмансипации). В результате осознание контингентности возникает не только для традиционных *содержаний*, но и для техник традиции, т. е. социализации. Формальное школьное образование уже в дошкольном возрасте конкурирует с семейным воспитанием. На примере задач народного образования, которые школы решают с помощью институтов родительского права и индивидуальных консультаций, можно в такой же мере наблюдать проблематизацию воспитательной рутины⁶², как и на примере соответствующей педагогически-психологической научной публицистики.

На всех уровнях у административного планирования есть непреднамеренные эффекты тревоги и огласки, которые ослабляют легитимационный потенциал традиций, растревоженных в их естественности. Если их непреложность уже осталась в прошлом, стабилизация притязаний на значимость становится возможной лишь через дискурс. Поэтому расшатывание культурных самоочевидностей требует политизации тех сфер жизни, которые до этого момента могли быть отнесены к частной сфере. Однако это означает угрозу гражданскому приватизму, неформально гарантированному через структуры общественности. Стремление к участию и альтернативные модели, в особенности в таких культурных сферах, как средняя и высшая школа, пресса, церковь, театр, издательское дело и т. д., являются в такой же мере индикаторами этого процесса, как и растущее число гражданских инициатив⁶³.

В этой связи также можно объяснить требования и попытки планирования, связанные с вопросами участия. Поскольку административное планирование все сильнее затрагивает систему культуры, т. е. представления затронутых лиц о нормах и ценностях, а также расшатывает традиционные установки, то повышается и порог допустимости. Чтобы внедрить инновации в процесс планирования, управление экспериментирует с участием вовлеченных лиц. Правда, функции участия в государственном планировании весьма амбивалентны⁶⁴. Здесь возникают серые зоны, в которых невозможно с самого начала решить, повысится или же понизится потребность в урегулировании конфликтов. Чем сильнее те, кто зани-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

мается планированием, принуждают себя прийти к консенсусу в процессе самого планирования, тем скорее приходится ожидать возникновения проблем, основанных на двух противоположных мотивах: с одной стороны, на завышенных притязаниях легитимации, которые административная система не может удовлетворить в условиях ассиметричного классового компромисса, с другой стороны, на консервативном противостоянии планированию, которое ограничивает временной горизонт планирования и снижает степень инновативности. Оба эти мотива социально-психологически можно интегрировать в одни и те же оппозиционные схемы интерпретации, так что аналитически разводимые противостояния могут быть представлены одними и теми же фракциями. Поэтому использование «производительной силы участия» (Нашольд) является для администрации экстремальным и рискованным средством в деле противостояния легитимационным дефицитам.

Приведенные аргументы подтверждают предположение о том, что позднекапиталистические общества попадают в ситуацию дефицита легитимации. Однако достаточно ли этого для обоснования неразрешимости проблем легитимации, т. е. для предвидения кризиса легитимации? Даже если бы госаппарату и удалось настолько повысить производительность труда и так распределять прибыль, чтобы обеспечить экономический рост, свободный если и не от помех, то хотя бы от кризисов, то этот рост осуществлялся бы в соответствии с приоритетами, которые возникали бы не в зависимости от универсализируемых интересов населения, а в зависимости от частных целей оптими-

зации прибыли. Модели приоритетов, которые Гэлбрейт проанализировал с точки зрения «частное богатство versus общественная бедность»⁶⁵, возникают из латентно существующей классовой структуры: именно она в конечном счете является причиной легитимационного дефицита. Как мы уже заметили, государство не может так просто управлять системой культуры, а распространение сфер государственного планирования скорее проблематизирует культурные самоочевидности. «Смысл» становится все более и более ограниченным ресурсом. Поэтому среди граждан государства все более возрастают ориентированные на потребительную стоимость, а значит, контролируемые через успех, ожидания. Возрастающий уровень притязаний находится в прямо пропорциональном отношении к растущей потребности в легитимации: фискально изъятый ресурс «стоимость» должен заместить дефицитный ресурс «смысл». Недостаточная легитимность должна возмещаться системно-конформными компенсациями. Кризис легитимации возникает тогда, когда притязания на системно-конформные компенсации возрастают быстрее, чем имеющаяся в наличии масса стоимости, или когда возникают ожидания, которые не могут быть удовлетворены системно-конформными компенсациями.

Однако почему же все-таки уровень притязаний не остается в границах операциональности политико-экономической системы? Ведь темп роста притязаний можно было бы дозировать таким образом, чтобы навязать системам управления и обеспечения именно такие процессы адаптации и обучения, которые возможны в рамках существу-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

ющего способа производства. О том, что прежде так и было, свидетельствует история послевоенного развития передовых капиталистических обществ⁶⁶. До тех пор, пока программатика государства всеобщего благосостояния вместе с распространенным технократическим сознанием, которое в случае сомнения перелагает ответственность за дефициты на неподдающуюся воздействию системную необходимость, поддерживает достаточную степень гражданского приватизма, легитимационные дефициты *не должны* обостряться до кризиса.

Оффе и его сотрудники заставляют, разумеется, задуматься о том, не сама ли форма обеспечения легитимации принуждает конкурирующие партии к тому, чтобы перебивать программы друг друга и тем самым все больше и больше взвинчивать ожидания населения. Из этого может возникнуть неизбежный разрыв между уровнями претензий и их успешной реализацией, приводящий к разочарованию избирателей⁶⁷. В этом случае конкурентно-демократическая форма легитимации приводила бы к издержкам, которые невозможно было бы компенсировать. Предположим, что этот аргумент можно в достаточной мере подтвердить эмпирически, но тогда нужно было бы также объяснить, почему в позднекапиталистических обществах вообще сохраняется формальная демократия. Если рассматривать лишь условия функционирования административной системы, то ее можно было бы точно так же заменить каким-нибудь вариантом консервативно-авторитарного государства всеобщего благосостояния, в котором политическое участие граждан сведено к

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

безрисковому минимуму, или вариантом фашистско-авторитарного государства, которое удерживает население на достаточно высоком уровне длительной мобилизации, не перерасходуя при этом средства на своем счете из-за обеспечения всеобщего благосостояния. Разумеется, оба эти варианта в долгосрочной перспективе менее совместимы с развитым капитализмом, чем вариант с партийно-государственной массовой демократией, поскольку социокультурная система выдвигает требования, которые не могут быть удовлетворены в условиях тоталитарных систем.

Это соображение подтверждает мой тезис о том, что лишь ригидная социокультурная система, которая не может быть произвольно функционализирована в соответствии с потребностями административной системы, могла бы объяснить обострение дефицита легитимации до легитимационного кризиса. Легитимационный кризис можно предсказать лишь тогда, когда систематически производятся ожидания, которые не могут быть удовлетворены с помощью имеющихся в распоряжении ценностей или даже вообще с помощью системно-конформных компенсаций. А значит, в основе кризиса легитимации должен лежать кризис мотивации, т. е. несоответствие между, с одной стороны, мотивами, заявленными государством, образовательной системой и системой занятости, и, с другой стороны, мотивациями, предлагаемыми социокультурной системой.

7. К ТЕОРЕМАМ
КРИЗИСА МОТИВАЦИИ

О мотивационном кризисе я говорю тогда, когда социокультурная система настолько меняется, что ее output становится дисфункциональным для государства и системы общественного труда. Важнейший мотивационный вклад социокультурной системы в позднекапиталистические общества выражается в синдромах гражданского и семейно-профессионального приватизма. Гражданский приватизм означает интерес к мерам управления и обеспечения, осуществляемым административной системой, при минимальных, но институционально предусмотренных шансах соответствующего участия в легитимационном процессе (ориентации на значительный output vs. незначительный input). Таким образом, гражданский приватизм соответствует структурам деполитизированной общественности. Семейно-профессиональный приватизм находится в комплиментарных отношениях к приватизму гражданскому. Он заключается, с одной стороны, в ориентации на семью и соответствующие этому потребительские интересы, а также интересы в сфере досуга, с другой же — в карьерной ориентации на соответствующую борьбу за статус. Этот вид приватизма соответствует тем самым структурам образовательной системы и системы занятости, регулируемым посредством конкурентности достижений.

Обе эти мотивационные схемы необходимы для сохранения политической и экономической систем. Если мы хотим защитить предположение о том, что эти мотивационные схемы систематиче-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

ски разрушаются, мы должны будем взвалить на себя бремя доказательства двух независимых тезисов: во-первых, нам нужно доказать эрозию культурных традиций, в контексте которых прежде и производились подобные установки; а во-вторых, мы должны показать, что невозможно найти никаких функциональных эквивалентов для отработавших свое традиций, поскольку это противоречит логике развития нормативных структур. (Относя к мотивационным схемам ригидные, с точки зрения традиции, культурные модели, я исхожу из того крайне упрощенного предположения, что общественно-типические синдромы установок должны быть каким-то образом представлены на уровне культурной системы ценностей, эффективных с точки зрения социализации; т. е. я рассчитываю на соответствие структур значения на уровне интерпретированных потребностей и на уровне культурной традиции⁶⁸. При этом я пренебрегаю здесь не только субкультурными различиями, но и важным социологическим вопросом о том, как культурные модели отражаются на структурах личности под воздействием инстанций социализации и воспитательных практик⁶⁹. Но прежде всего я пренебрегаю таким существенным психологическим вопросом, как то, из каких компонентов состоят эти комплексные мотивационные модели и к тому же внедренные лишь с точки зрения функциональных императивов. В остальном же семейно-профессиональный приватизм, который кристаллизуется вокруг четко очерченного мотива достижения, определяется позитивно, в то время как гражданский приватизм лишь негативно разграничивает установки, а именно на

основании отсутствующих взносов в процесс политического волеобразования⁷⁰).

Приватистские мотивационные модели можно отнести к тем культурным моделям, которые представляют собой своеобразную смесь из элементов докапиталистических и буржуазных элементов традиций. Необходимые системе мотивационные структуры буржуазных обществ лишь неполно отражаются в буржуазных идеологиях. Капиталистические общества всегда зависели от пограничных культурных условий, которые они не могли создавать у самих себя: они паразитировали на уже существующих традициях. Прежде всего это относится к синдрому гражданского приватизма, который, с одной стороны, в той мере, в какой принимаются во внимание ожидания по отношению к административной системе, определяется традициями буржуазного формального права, с другой же — учитывая скорее пассивную установку по отношению к процессам волеобразования, остается в плену традиционалистской государственной этики или даже семейных ориентаций. Алмонд и Верба в своих исследованиях показали, что условия стабильности формальных демократий могут быть выполнены лишь посредством «смешанной» политической культуры. Политические теории буржуазной революции еще требовали активного гражданского участия в процессе демократически организованного волеобразования⁷¹. Однако буржуазные демократии как старого, так и нового типа фактически требовали в дополнение к себе политической культуры, которая элиминирует из буржуазной идеологии поведенческие ожидания, ориентированные на уча-

ствие, и замещает их авторитарными моделями из репертуара добуржуазных традиций. Алмонд и Верба говорят о слиянии буржуазных форм политической культуры с традиционными и семейными; тем самым ангажированность и рациональность находят противовес в партикуляризме и ментальности подданных: «Если элиты могущественны и принимают авторитарные решения, то вовлеченность, активность и влияние простых людей должны быть ограничены. Простые граждане должны передать власть элитам и позволить им править. Необходимость во власти элит требует, чтобы рядовые граждане были относительно пассивны, не вовлечены и почтительны к элитам. Таким образом, демократический гражданин призван выполнять противоречивые задачи; он должен быть активным, однако вместе с тем и пассивным; вовлеченным, но не слишком; влияющим на что-то, но при этом почтительным»⁷².

Другой мотивационный синдром также можно проанализировать с аналогичных точек зрения. С одной стороны, он определен с помощью специфически буржуазных ценностных установок собственного индивидуализма и Бентамовского утилитаризма⁷³; с другой же — как ориентированный на достижения профессиональный этос среднего класса, так и фатализм низших слоев общества требуют поддержки в религиозной традиции. Эти традиции с помощью соответствующих семейных структур и воспитательных техник реализуются в образовательных процессах, ведущих к формированию классово-специфических мотивационных структур: у буржуазии — к скорее репрессивным инстанциям совести и индивидуалистической

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

ориентации на достижения, у низших слоев — к скорее внешним Сверх-Я-структурам и конвенциональной рабочей морали. «Протестантская этика» (с ее акцентированием самодисциплины, секуляризированной профессиональной этикой и отказом от непосредственного вознаграждения) в не меньшей степени, чем ее традиционалистская противоположность (в виде экстрапунитивного послушания, фаталистической установки и ориентации на непосредственное вознаграждение) основана на определенной культурной традиции, которая не может регенерироваться на базисе одного лишь буржуазного общества.

Впрочем, буржуазная культура в целом также никогда не могла воспроизводить саму себя из собственных «фондов»; она всегда зависела от мотивационно эффективного дополнения посредством традиционалистских картин мира. Поскольку религия, отошедшая в сферу сил субъективной веры, во взаимодействии с профанными компонентами буржуазной идеологии (с эмпирической или рационалистической теорией познания, с новой физикой, с универсалистскими системами ценностей современного естественного права и утилитаризма) едва ли еще может удовлетворять оставленные без внимания коммуникативные потребности. Подлинно буржуазные идеологии, которые кормятся лишь собственной субстанцией, — не предлагают в отношении основных рисков личностной экзистенции (вина, болезни, смерть) никакой помощи для преодолевающих контингентность толкований (они не могут утешить или удовлетворить индивидуальной потребности в исцелении);

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

- они не делают возможным никакое гуманное обращение с в основном объективированной природой: ни с внешней, ни с собственной природой плоти;
- они не открывают никакого интуитивного доступа к солидарным отношениям ни в группах, ни между индивидами;
- они не допускают никакой собственно политической этики, даже при виде политической и общественной жизненной практики они в любом случае идут навстречу объективистскому самопониманию действующих субъектов.

И лишь искусство⁷⁴, ставшее автономным, с точки зрения притязаний на внешнее по отношению к нему самому применение, оборудовало промежуточные позиции для жертв буржуазной рационализации. Буржуазное искусство стало резервацией для удовлетворения, пусть и лишь виртуального, тех потребностей, которые в материальном жизненном процессе буржуазного общества стали как бы нелегальными. Здесь я имею в виду желание миметического обращения с природой; потребность в солидарной совместной жизни за рамками малосемейного группового эгоизма; стремление к счастью коммуникативного опыта, освобожденного от императивов целерациональности и открывающего пространство для фантазии и спонтанности поведения. Буржуазное искусство, в отличие от приватизированной религии, сциентизированной философии и стратегически утилитаристской морали, не переняло задачи экономической и политической системы, а подхватило те остаточные потребности, которые не могли

найти удовлетворения в «системе потребностей». Поэтому, вместе с морльным универсализмом, искусство и эстетика (от Шиллера до Маркузе) являются взрывными устройствами, встроенными в буржуазную идеологию⁷⁵.

Я хотел бы распределить бремя доказательства того утверждения, что социокультурная система в долгосрочной перспективе не сможет воспроизводить ключевые приватистские синдромы, на следующие четыре шага. Я хотел бы показать, что (а) добуржуазные традиции, в которые встроены гражданский и семейнопрофессиональный приватизм, безвозвратно демонтируются и что (b) даже ключевые компоненты буржуазной идеологии, такие как, например, собственнический индивидуализм и ориентация на достижения, подрываются посредством изменений социальной структуры. Затем я хотел бы показать (с), что как будто бы обнаженные нормативные структуры, т. е. остатки картины мира буржуазной культуры, которые я замечаю, с одной стороны, в коммуникативной морали, с другой — в тенденциях возникновения поставтономного искусства, не допускают никаких функциональных эквивалентов для разрушенных приватистских мотивационных моделей. И наконец (d), необходимо доказать, что структуры буржуазной культуры, лишенные своей традиционалистской набивки и приватистской сути, все еще являются релевантными для образования мотивов вообще и не могут рассматриваться лишь в качестве фасада. Важные для сохранения стабильности мотивации ни в коей мере не могут создаваться совершенно независимо от ослабленных или лишь ограниченно действенных культур-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

ных традиций. В связи с этим моей целью, естественно, является лишь собрать данные и аргументы, которые подготовили бы выдвинутые предположения для дальнейших эмпирических проверок. Здесь я ограничу себя лишь некоторыми крайне обобщенными тезисами.

(а) Составные части традиционалистских картин мира, которые представляли контекст и дополнение буржуазных идеологий, все больше ослабевают и растворяются в процессе капиталистического развития, поскольку они были несовместимы, с одной стороны, с обобщенным социокультурным давлением со стороны экономической и административной систем, а с другой — с когнитивными установками, исходящими от научной системы. В случае *социокультурных несоответствий* речь идет о проблемах последствий, возникающих в результате экспансии сфер стратегически-утилитаристского действия. Начиная с Макса Вебера эти тенденции принято рассматривать с точки зрения рационализации некогда традиционалистски регулируемых жизненных сфер⁷⁶. Позднекапиталистические толчки развития подсистем целерационального действия (и соответствующего сужения зон коммуникативного действия) являются, помимо прочего, следствием, во-первых, онаучивания наукообразности профессиональной деятельности; во-вторых, экспансии сферы услуг, из-за чего все большее количество взаимодействий подводится под товарную форму; в-третьих, административного регулирования и юридизации прежде неформально регулируемых сфер политических и общественных отношений; в-четвертых, коммер-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

циализации культуры и политики и, наконец, онаучивания и психологизации воспитательных процессов. С другой стороны, сохраняются *когнитивные диссонансы* между традиционалистскими картинами мира, находящимися в процессе разложения, и императивами научной системы, которые стали обязательными благодаря всеобщему формальному школьному образованию и которые в определенного рода позитивистском общем сознании развились в некоторый поведенчески действенный синдром. Три тренда кажутся мне сегодня (вместе с уже обозначенным свержением) характерными для структурных изменений картин мира. *Прежде всего*, доминирующие компоненты культурной традиции теряют характер картин мира, т. е. интерпретаций мира, природы и истории в целом. Когнитивное притязание на воспроизведение тотальности снимается в пользу меняющихся популярных синтезов из отдельных научных фактов, с одной стороны, и искусства, которое эзотерически отступает или десублимировано возвращается в жизнь — с другой. *Далее*, религиозные установки, которые с возникновения протестантизма были в значительной степени осуществлены практикой культа и одновременно интернализированы и приватизированы, вновь субъективистски разрушаются. Либеральный габитус «что считать истинным» (*Fürwahrhaltens*), который изначально релятивизируется гетеродоксальным пониманием того, «что считать истинным», соответствует признанию плюрализма конкурирующих сил, не пришедших к согласию в отношении истины: практические вопросы более не истинны, ценности иррациональны. *Наконец*,

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

моральные представления во все большей степени отрываются от теоретических систем интерпретаций. Буржуазный эгоизм, который в виде утилитаристской профанной этики стал повсеместным, освободился от своего обоснования в контексте рационального естественного права и в качестве “common sense” перестал быть проблематичным. С середины 19-го века этот процесс известен как «снятие» религии и философии — в высшей степени амбивалентный процесс. Религия сегодня уже не является даже личным делом; однако в атеизме масс таится угроза исчезновения утопических содержаний из культурной традиции. Философия лишилась своих метафизических притязаний, однако в царящем сциентизме разрушились даже те конструкции, перед которыми должна оправдываться дурная реальность.

(b) Также и компоненты буржуазных идеологий, непосредственно релевантные для приватистских установок, теряют свое основание из-за социальных изменений.

Идеология успеха. В соответствии с буржуазными представлениями, которые остались неизменными с момента возникновения нововременного естественного права и до современных предвыборных речей, социальные компенсации должны распределяться согласно индивидуальным достижениям: распределение денежных вознаграждений должно изоморфно отражать образец различия достижений всех индивидов⁷⁷. Условием являются равные шансы на участие в конкурентной борьбе, которая регулируется таким образом, что внешние воздействия могут быть

нейтрализованы. Подобным механизмом распределения являлся рынок; однако с тех пор даже широким слоям населения стало известно, что посредством меновой торговли реализуется социальное насилие. Рынок как механизм распределения системно-конформных жизненных шансов по вкладу потерял свою убедительность. Поэтому в новейших вариантах идеологии успеха место рыночного успеха замещается профессиональным успехом, транслируемым формальным школьным образованием. Правда, эта версия со своей стороны может претендовать на убедительность лишь тогда, когда соблюдены следующие условия:

- равный шанс на доступ к дальнейшему образованию;
- недискриминационные стандарты оценки школьных успехов;
- синхронное развитие систем образования и занятости;
- трудовые процессы, чья предметная структура делает возможной оценку индивидуаль-но приписываемых достижений.

В то время как «справедливость в сфере образования» в смысле равных возможностей его получения и стандартов в выставлении оценок должна была значительно возрасти во всех развитых капиталистических обществах после Второй мировой войны⁷⁸, в других двух измерениях приходится наблюдать обратную тенденцию: экспансия системы образования становится все более независимой от изменений в системе занятости, так что в долгосрочной перспективе связь между формальным образованием и профессиональным успехом должна была существенно ослабнуть⁷⁹; одновре-

менно возникают сферы деятельности, в которых производственные структуры и рабочие процессы делают все более невозможным оценивание труда в соответствии с индивидуальными достижениями, а вместо этого все более важными для распределения профессионального статуса становятся экстрафункциональные профессионально-ролевые элементы⁸⁰.

В остальном же, фрагментированные и монотонные рабочие процессы все больше внедряются также в те сектора, в которых прежде идентичность образовывалась посредством профессиональной роли. Внутренняя мотивация, ориентированная на достижения, в зависимых от рынка сферах труда все менее подкрепляется структурой трудового процесса; инструменталистский подход к труду распространяется даже в традиционных буржуазных профессиях (служащие среднего и высшего звена, профессионалы). Обусловленная внешними обстоятельствами мотивация, ориентированная на успех, может в достаточной степени стимулироваться посредством заработной платы лишь тогда,

- когда резервная армия на рынке труда составляет эффективную конкуренцию;
- когда существует значительная разница в доходах между низшими разрядами заработной платы и неработающей части населения.

Оба условия на сегодняшний день не являются более само собой разумеющимися. Даже в капиталистических странах с хронической безработицей (США) подобное разделение рынка труда на две части (организованный и конкурентный сектора) нарушает естественные конкурентные механизмы.

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

Вместе со все более повышающейся (признанной с точки зрения государства всеобщего благосостояния) “poverty line”* в субпролетарских слоях (“surplus labor force” в смысле О’Коннора) уравниваются жизненные стандарты работающих групп, имеющих самые низкие доходы, с жизненным уровнем временно освобожденных от трудового процесса граждан. В результате этого (равно как и из-за возможностей ресоциализации для больных и преступников) существенно ослабляются стимулы к статусной конкуренции в нижних слоях общества.

Собственнический индивидуализм. Буржуазное общество понимало себя как определенную инструментальную группу, которая накапливает общественное богатство исключительно посредством накопления богатства индивидуального, т. е. которая обеспечивает экономический рост и общее благосостояние посредством конкуренции между стратегически действующими частными индивидами. В подобных условиях коллективные цели могут реализовываться лишь с помощью собственническо-индивидуалистских соображений выгоды. Подобная система предпочтений предполагает,

- что частные экономические субъекты однозначно знают постоянную во времени потребность и могут ее просчитать;
- что эту потребность можно удовлетворить с помощью индивидуально потребляемых товаров (через системно-конформные, как правило, монетарные компенсации).

Обе предпосылки не являются более само собой разумеющимися в развитых капиталистических

* Чертой бедности (англ.)

обществах. Здесь уже достигнут такой уровень общественного богатства, при котором речь уже больше не идет о предотвращении некоторых немногочисленных базовых жизненных рисков и удовлетворении “basic needs”^{*}; поэтому индивидуалистическая система предпочтений становится нечеткой. В расширенном горизонте возможных значимых альтернатив достаточно предварительных решений, которые можно принять монологично, не более того; социологизированная культура высших слоев общества, которая для новых потребительских возможностей предлагает само собой разумеющиеся ориентиры, уже (несмотря на существующие национальные различия) больше не в силе. Постоянная интерпретация и переинтерпретация потребностей становится делом коллективного волеобразования, причем свободная коммуникация может быть заменена одной лишь массивной манипуляцией, т. е. сильным непрямым управлением. Чем больше степень свободы у системы предпочтений потребителя, тем насущнее встают для «поставщика» проблемы политики сбыта, во всяком случае тогда, когда нужно сохранять иллюзию того, что потребитель может принимать решение частно-автономно, т. е. в соответствии с монологически определенными предпочтениями. Оппортунистическое подстраивание потребителя к рыночным стратегиям монополистической конкуренции является иронической формой той потребительской автономии, которая должна сохраняться как фасад собственнического индивидуализма. В остальном, вместе с усиливающимся обобществле-

^{*} Базисных потребностей (англ.).

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

нием производства, возрастает и доля коллективных потребительских благ в массе потребительских товаров в целом. Городские условия жизни в комплексных обществах начинают все больше зависеть от инфраструктуры (транспорт, досуг, здравоохранение, образование и т. д.), которая все больше избегает форм дифференцированного спроса и частного присвоения.

Ориентация на меновую стоимость. Здесь стоит вспомнить о тех тенденциях, которые ослабляют эффекты социализации рынка: прежде всего о росте тех групп населения, жизнь которых, с одной стороны, не воспроизводится посредством трудовых доходов (школьники и студенты, получатели социальных пособий, пенсионеры, больные, уголовники, солдаты и т. д.), а с другой — расширении тех сфер деятельности, в которых абстрактный труд замещается конкретным⁸¹. Также и возрастание релевантности тематики свободного времени по отношению к тематике труда, в связи с сокращением продолжительности труда (и повышением реального дохода), уже больше не ставит так просто в привилегированное положение монетарно удовлетворяемые потребности.

(с) Эрозия как добуржуазных, так и буржуазных традиций позволяет проявиться нормативным структурам, которые непригодны для воспроизводства гражданского и семейно-профессионального приватизма. Доминирующие сегодня компоненты культурной традиции кристаллизуются вокруг сциентизма, постауратического искусства и универсалистской морали. В каждой из этих областей произошли необратимые изменения,

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

которые следовали определенной внутренней логике. Вследствие чего возникли определенные культурные запреты, которые можно нарушить лишь ценой психологической регрессии, т. е. экстремальной мотивационной нагрузки: фашизм в Германии является примером подобной расточительной попытки коллективно осуществляемой регрессии сознания ниже уровня базовых сциентистских убеждений, современного искусства и универсалистских правовых и моральных точек зрения.

Сциентизм. Политические последствия авторитета, которым пользуется система науки в развитых обществах, крайне амбивалентны. С одной стороны, традиционалистские религиозные установки не могут более соревноваться с возникшим с развитием современной науки и устоявшимся притязанием на дискурсивную легитимацию, с другой же — недолговечные популярные синтезы единичных элементов информации, которые заняли место глобальных толкований, обеспечивают авторитет науки *in abstracto*. Инстанция «науки» может поэтому выполнять обе функции: как широкую критику произвольных структур предубеждений, так и новую эзотерику компетентности и экспертного мнения. Сциентистское самоутверждение наук может поддерживать общее позитивистское сознание, носителем которого является деполитизированная общественность. С другой стороны, сциентизм устанавливает критерии⁸², исходя из которых его самого можно критиковать и изобличать в догматизме⁸³. Технократические теории и теории элит, которые утверждают необходимость институционализированного граждан-

ского приватизма, не являются неуязвимыми для возражений, поскольку они выступают с теоретическими притязаниями.

Постауратическое искусство. Менее амбивалентны последствия модернистского искусства. Модерн радикализировал автономию буржуазного искусства по отношению ко внеположенным ему контекстам применения; вместе с ним из сердцевины самого буржуазного общества впервые возникает контркультура, противостоящая собственническо-индивидуалистическому, ориентированному на успех и выгоду жизненному стилю буржуазии. В появившейся в Париже, в этой столице 19-го века⁸⁴, богеме нашло свое воплощение то критическое притязание, которое в ауре буржуазного произведения искусства проявлялось неполемически: “alter ego” владельца товара, «человек», с которым бюргер некогда встречался в акте уединенного созерцания произведения искусства, в художественном авангарде вскоре откололся и даже выступил против него в качестве враждебной ему силы или в лучшем случае в качестве его соблазнителя. Если прежде в художественно-прекрасном буржуазия могла познать собственные идеалы и пусть и фиктивное исполнение вечно откладываемого в повседневной жизни обещания счастья, то в радикализированном искусстве ей пришлось быстро познать скорее отрицание социальной практики, чем ее дополнение. В ауре буржуазного произведения искусства, иными словами, в культовом выделении уже ставших профанными и созревшими для музея святынь, отразилась вера в реальность прекрасной видимости. Вместе с аурой исчезает и эта вера. Художественное обособление формалист-

ского произведения искусства по отношению к наслаждающейся искусством публике есть вид некого нового неверия, и разрыв между авангардом и буржуазией — лучшее тому подтверждение. Под знаком “l’art pour l’art” автономия искусства доводится до предела, благодаря чему становится очевидной и та истина, что в буржуазном обществе искусство выражает не пророчества, а безвозвратные жертвы буржуазной рационализации, — просто несовместимые опыты, а не эзотерическое исполнение задержанного, но именно лишь отложенного воздаяния.

Модернистское искусство было той оболочкой, внутри которой готовилась трансформация буржуазного искусства в контр-культуру. Сюрреализм засвидетельствовал затем тот исторический момент, поскольку модернистское искусство программно разрушало фасад этой уже далеко не прекрасной видимости, чтобы десублимированно войти в жизнь. Выравнивание степеней реальности между искусством и жизнью если и не было вызвано, как полагал Беньямин, появлением новых техник массового производства и массового восприятия, то по крайней мере, оно было ими ускорено. Уже модернистское искусство утратило ауру классического буржуазного искусства: произведение сделало прозрачным процесс собственного создания и стало презентировать себя как *произведенное*; однако в ансамбль потребительных стоимостей искусство вступает лишь на стадии отречения от своего автономного статуса. Этот процесс амбивалентен. Он может означать как дегенерацию искусства до пропагандистского массового искусства или до коммерческой массовой культуры, так и

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

его превращение в субверсивную контркультуру. Так же амбивалентно и цепляние за формалистское произведение искусства, которое, с одной стороны, противостоит принуждению приспособиться к устанавливаемым рынком потребностям и взглядам потребителя и тем самым ложному упразднению искусства, с другой же стороны, остается недоступным для масс, а поэтому препятствует экзотерическому спасению эмпатического опыта, или, выражаясь языком Беньямина, профанному просветлению. Независимо от того, окажется ли верным прогноз Адорно или же Беньямина, до тех пор пока авангардное искусство совсем не лишится своих семантических содержаний и не разделит судьбу все более ослабевающих религиозных традиций, оно будет усиливать раскол между ценностями, предложенными социокультурной системой и заявляемыми политической и экономической системами⁸⁵.

Универсалистская мораль. Эффект предохранителя, который в ходе развития политической и экономической систем производится буржуазной идеологией, разоблаченной в своих системно-функциональных компонентах, на примере системы морали становится еще более очевидным, чем на примере авторитета науки или самоупражнения модернистского искусства. Мораль и правопорядок дифференцируются на высококультурной стадии развития. В традиционных же обществах государственная этика опосредует партикулярные родо-племенные и семейные лояльности: обязанности гражданина конкурируют с семейными связями. Поскольку вместе с государственной этикой сфера действия системы норм стала шире и абст-

рактней, санкционированная власть частично формализуется (юридизация), частично интериоризируется. Кроме того, система морали и правопорядок интегрированы в единое пространство интерпретации легитимно господствующих картин мира. Однако как только традиционные общества вступают в процесс модернизации, в силу их возрастающей комплексности возникают проблемы управления, которые требуют того, чтобы трансформация социальных норм осуществлялась быстрее, чем это происходило бы в естественно возникшей культурной традиции. Так возникает *формальное буржуазное право*, которое позволяет освободить нормативные содержания от догматизма самой традиции и интенционально определить их. Позитивированные правовые нормы, с одной стороны, отвязываются от корпуса приватизированных моральных норм, с другой же — требуют своего создания (и оправдания) в соответствии с определенными принципами. В то время как абстрактное право является действительным лишь для сферы, «умиротворенной» государственной властью, мораль буржуазных индивидов, которая также поднялась до уровня общих принципов, не встречает больше никаких ограничений в продолжающемся естественном состоянии между государствами. Поскольку *принципиальная мораль* санкционирована лишь посредством полностью интериоризированной инстанции совести, конфликт с общественной моралью, все еще привязанной к конкретному государственному субъекту, заложен в самом ее притязании на универсальность: конфликт между космополитизмом «человека» и лояльностью гражданина (которая не может быть

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

универсалистской, до тех пор пока международные отношения подчиняются конкретной нравственности более сильного).

Разрешение этого конфликта, если (в пространстве универсализации и интериоризации) следовать логике развития всей общественной системы норм (покидая тем самым область исторических примеров), *мыслимо* лишь тогда, когда дихотомия внутренней/внешней морали исчезает, противоречие между нравственно и юридически регулируемые областями релятивируется, а действенность *всех* норм связана с дискурсивным волеобразованием всех потенциальных участников. Это не исключает необходимости принудительных норм, поскольку (сегодня) никто не может знать, в какой степени может быть ограничена агрессивность и достигнуто добровольное признание дискурсивного принципа обоснования. Только на этой, поначалу всего лишь сконструированной, стадии мораль была бы строго универсальной, перестав тем самым быть «чисто» моральной в смысле дифференциации права и морали. Также и процесс интериоризации мог бы быть завершен только в том случае, если бы был интериоризирован один лишь принцип обоснования возможных принципов (т. е. готовность к дискурсивному прояснению практических вопросов), в остальном бы с продолжающейся интерпретацией потребностей в коммуникативных процессах было бы покончено.

Либеральный капитализм впервые придал обязательную силу строго универсалистским системам ценностей, поскольку сам процесс обмена должен был регулироваться универсалистски и поскольку в остальном эквивалентный обмен

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

предлагал действенную базисную идеологию, которая освободила государство от традиционалистского модуса оправдания. Теперь же, в эпоху организованного капитализма, разрушаются основания этого буржуазного модуса оправдания, хотя одновременно возникают и множатся новые требования легитимации. Столь же маловероятно, что система науки сможет намеренно игнорировать достигнутое состояние накопленного знания и заблокировать теоретический прогресс, когда теоретические дискурсы наконец институционализированы, так же маловероятно, что система морали сможет просто забыть коллективно достигнутый уровень морального сознания или препятствовать дальнейшему моральному развитию, когда практические дискурсы уже приняты. Если системы морали и науки, как я понимаю, следуют внутренней логике, то это означает, что моральная и научная, эволюция является истинностно-зависимой.

Это сильное утверждение мне бы хотелось прояснить с точки зрения не-контингентного, т. е. требующего рациональной мотивации, *перехода от буржуазного формального права к политической универсальной морали*. Чтобы удовлетворительно разграничить эти два уровня морали, основанной на принципах, я обращаюсь к соответствующим философским систематизациям.

Различие между нормой и принципом (т. е. метанормой, в соответствии с которой можно производить сами нормы) я могу провести, применяя операцию генерализации (которая и дает мне понятие нормы) к ней же самой. Кроме того, универсальная применимость является единственной формальной точкой зрения, в соответствии с кото-

рой я могу выделить один принцип среди любых других. Следовательно, мораль, основанная на принципах, является системой, которая допускает лишь общие нормы (т. е. нормы без исключений, привилегий или ограничений сфер их применимости). *Естественное право модерна* пыталось развить системы правовых норм, которые соответствовали бы этим критериям. Всеобщность равенства гарантированных норм может обеспечиваться формальной природой правовых норм. Формальность здесь означает, что не конкретные обязательства (как в традиционном естественном праве или этике), а лишь абстрактные разрешения могут быть юридически нормированы (действие не может быть обязательным, а лишь разрешенным или запрещенным). Допускаются те и только те нормы, которые выделяют совместимые свободные пространства, в которых каждый индивид автономно, т. е. посредством неограниченного применения юридически не наказуемых способов, может преследовать свои особые интересы. Сами же эти интересы морально нейтральны. Лишь правовая система в целом морально легитимируется указанием на воздействие по улучшению благосостояния или увеличению степени свободы для всей совокупности участников правовых отношений. В этом смысле этика остается основанием легитимации. Это является возможным, поскольку формальное право посредством ограничения сферы легальных действий *per definitionem* выделяет комплиментарную сферу моральных действий.

Моральная система, которая и эту сферу нормирует в соответствии с теми же критериями, что и естественное право, представляет собой *универса-*

листский утилитаризм, в соответствии с которым все стратегические действия, которые максимизируют желание или выгоду каждого отдельного индивида, допускаются ровно настолько, насколько они совместимы с возможностями любого другого индивида максимизировать его желания и выгоды. Утилитаризм при этом, разумеется, отступает назад с уже достигнутой в рамках конвенциональной этики долга ступени интериоризации: мотивы действия остаются внешними для морально вменяемого субъекта. Если же и они должны быть вовлечены в сферу моральной оценки, то нужно потребовать того, чтобы моральными могли бы называться лишь те действия, которые не только соответствуют общим законам, но которые мотивируются лишь самим уважением перед законом (а вовсе не оглядкой на возможные последствия этого действия). Формалистическая этика (Кант) связывает критерий всеобщности норм с критерием автономии, т. е. независимости от случайных мотивов.

Границы формалистической этики мы видим уже в том, что несовместимые с обязанностями пристрастия должны быть исключены из морально релевантной сферы и подавлены; при этом интерпретации потребностей, имеющие силу на некотором случайном уровне социализации, должны приниматься как данные. Они, в свою очередь, не могут стать предметом дискурсивного волеобразования. И только *коммуникативная этика* обеспечивает всеобщность допустимых норм и автономность действующих субъектов уже благодаря дискурсивной разрешимости притязаний на значимость, с которыми выступают нормы,

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

т. е. благодаря тому, что лишь *те* нормы могут претендовать на значимость, с которыми согласны (или могли бы добровольно согласиться) все заинтересованные лица в качестве участников дискурса, если они вступают (или если вступили бы) в процесс дискурсивного волеобразования. Тогда и сам вопрос о том, какие секторы в каждом случае могут регулироваться посредством компромисса или формальных норм действия, может стать предметом дискуссии. Лишь коммуникативная этика является универсальной (в отличие от этики формалистической, ограниченной сферой частной морали, отделившейся от правовых норм); только она обеспечивает автономию (продолжая процесс внедрения потенциала побуждения в коммуникативную структуру действия, а именно процесс социализации с помощью «воли и сознания»).

(d) Если между нормативными структурами, еще обладающими сегодня императивной силой, и политически-экономической системой не существует достаточного функционального соответствия, то мотивационных кризисов все-таки можно избежать посредством «отцепления» системы культуры. «Отцепление» в данном случае означает, что культура остается предметом личного удовольствия или профессионального интереса, как своего рода даже административно защищенный заповедник, однако отделенный от процессов социализации. Несмотря на то, что субституты культурной традиции, которые могли бы занять место «отцепленных» культурных компонентов, являются неопознаваемыми, можно понять, что *основополагающие убеждения коммуникативной этики и комплексы опыта контркультур*, в которых во-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

площадется постауратическое искусство, уже являются сегодня определяющими для типических процессов социализации в некоторых странах, т. е. получившими мотивообразующую силу. Дёберт и Нуннер в одном рабочем материале развивают мысль о том, что «семантические избытки» доминантных компонентов культурной традиции тем больше становятся «обвиняемыми», т. е. релевантными для поведения, чем меньше удастся найти незаметное решение проблем юношеского возраста в рамках конвенциональных норм. Значение неконвенционального выхода из юношеского кризиса К. Кеннистон разъясняет на примере рефлексивной установки, которую подросток обретает по отношению к предлагаемым обществом интерпретационным моделям и которая позволяет ему в полемике с этими культурными значениями выработать определение собственной идентичности: «Нам следует более четко, чем прежде, различать между установками и системами убеждений, с одной стороны, и когнитивными структурами или уровнями развития, в которых и пребывает любая данная установка или убеждение, с другой. Еще Уильям Джеймс противопоставлял “единожды-рожденных” и “дважды-рожденных”:

“единожды-рожденные” — это те, кто нерефлексивно и “невинно” принимают убеждения своего детства; “дважды-рожденные” — это те, кто хотя и продолжают придерживаться тех же самых убеждений, но делают это уже совсем по-иному, после долгого периода сомнений, критики и перепроверки этих убеждений. Рассматриваемые в качестве установок, убеждения “единожды-рожденных” и “дважды-рожденных” могут быть идентичными, однако склад ума, когни-

тивные структуры и уровень развития “единожды-рожденных” и “дважды-рожденных” крайне различны. Иными словами, мы должны анализировать не только то, какие убеждения существуют у конкретного индивида, но и то, *как* они существуют, — их сложность, многогранность и структуру видения мира в целом. Политически и социально гораздо более важным может быть то обстоятельство, что члены данной субкультурной формации обладают релятивистским пониманием истины, чем то, являются ли они консерваторами или либералами»⁸⁶. С помощью этого различения я могу сформулировать свой тезис следующим образом: доминирующие сегодня (и дисфункциональные в своем действии) компоненты культурной традиции тем вероятнее воспроизводятся на уровне системы личности, чем чаще форма протекания юношеского кризиса требует «второго рождения» и предотвращает конвенциональный выход. Эксплицитный тест культурной традиции по логическим причинам выдерживают чаще всего универсалистские системы ценностей и комплексы контркультурного опыта. *Тот факт*, что вероятность конвенциональной формы протекания юношеского кризиса снижается, подтверждается следующими показателями⁸⁷:

- экспансия системы образования продлевает время обучения, а также делает возможными для все больших групп населения психо-социальную «отсрочку» в период ранней юности (в возрасте 13–16 лет) и продление этой фазы (в экстремальных случаях — до 30-ти лет);
- формальная тренировка когнитивных способностей повышает вероятность того, что диссонансы между предложенными схемами

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

интерпретаций и социальной реальностью будут восприняты и обострят проблемы идентичности;

- развитие в направлении эгалитарных семейных структур и распространение типичных для среднего класса техник воспитания способствуют процессам социализации, которые скорее обременяют подростков проблемами взросления;
- ставшее возможным благодаря фармацевтическим достижениям ослабление сексуальных запретов (как и временное и социально-стратификационно дифференцированное освобождение от прямого экономического давления) проявляется в том, что для подростков становятся все более вероятными безбоязненные процессы социализации с расширенными возможностями экспериментирования.

В остальном, на основании достигнутого на сегодняшний день уровня комплексности ролевых систем можно сделать вывод о том, что в позднекапиталистических обществах все большее количество участников должно обладать универалистскими базовыми квалификациями ролевых действий.

Поскольку со стороны культурной традиции мораль, основанная на принципах, правдоподобно предлагается лишь в форме коммуникативной этики, которая не может безконфликтно функционировать в политико-экономической системе, при неконвенциональной форме протекания юношеского кризиса следует ожидать как минимум два варианта выхода из него: отчуждение как реакция на чрезмерные требования к личностным ресурсам (поведенческий синдром, который Кеннистон на-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

блюдал и исследовал на примере “alienated”) и, с другой стороны, протест как результат автономной организации Я, которая в существующих условиях не может быть безконфликтно стабилизирована (поведенческий синдром, описанный Кеннистоном на примере “young radicals”)⁸⁸. «То, что имеет смысл искать системно-критический потенциал у подростков, подтверждается и до-теоретически проводимой оценкой легитимационно-критических и апатических синдромов поведения. На стороне *активизма* находятся студенческое движение, школьные бунты, пацифисты, Women’s Lib; сторона “ухода” (*retreatistische Seite*) представлена хиппи, Jesus-People, наркоманской субкультурой, феноменами демотивации в школах и т. д. Этот широкий спектр поведенческих потенциалов невозможно объяснить, редуцируя их к одним лишь выдвигаемым в экономических теориях кризиса тривиальным психологическим допущениям (депривация ведет к протесту)»⁸⁹.

8. ИТОГОВЫЙ ОБЗОР

Предложенный здесь набросок аргументации, даже если бы он был менее поверхностным, разумеется, недостаточен для того, чтобы ответить на вопросы, встающие перед теорией позднего капитализма. Но тем не менее, смею предположить, что мне удалось внести определенную ясность по следующим глобальным вопросам:

а) Поскольку экономическая система лишилась своей функциональной автономии по отношению к государству, то и проявления кризиса при

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

позднем капитализме утратили характер естественности; поэтому для нашей общественной формации, в том смысле, в каком я ввел этот термин, системного кризиса ожидать не следует. Разумеется, кризисные тенденции, которые возникают вместо этого, можно свести к структурам, которые сформировались в результате успешного на определенное время вытеснения системного кризиса. Этим объясняется смягчение циклических экономических кризисов до определенного рода долгосрочного кризиса, который проявляется, с одной стороны, как административно *уже* обработанная материя, а с другой — как административно *еще не достаточно* контролируемое явление. Тем самым не исключаются констелляции, при которых управление кризисами терпит неудачи, имеющие серьезные последствия. Однако возникновение подобных констелляций больше невозможно предсказывать систематически.

б) Экономические кризисные тенденции благодаря реактивным действиям государства, направленным на избежание кризиса, сдвигаются в политическую систему таким образом, что обеспечение легитимации может нейтрализовывать дефициты рациональности, а расширение организационной рациональности — возникающие легитимационные дефициты. Так возникает набор кризисных тенденций, которые, с генетической точки зрения, представляют собой определенного рода иерархию смещенных снизу вверх кризисных феноменов, которые, однако, с точки зрения государственного управления кризисами отличаются тем, что в определенных границах могут взаимно заменяться. Эти границы определяются, с одной стороны, с по-

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

мощью фискально доступной массы стоимости, дефицит которой невозможно обоснованно предсказать в рамках теории кризиса (см. пункт а), а с другой — с помощью обеспечения мотиваций со стороны социокультурной системы. Поэтому для прогнозирования кризисов решающими являются отношения субституции между дефицитными ресурсами стоимости (Wert) и смысла.

с) Чем меньше культурная система способна производить достаточные мотивации для политической и образовательной систем, а также для системы занятости, тем больше дефицит смысла должен компенсироваться потребляемыми ценностями. В той же мере опасности подвергаются и дистрибуционные модели, возникающие из обобществленного производства в неуниверсализуемых интересах. Определяющими пределами обеспечения легитимации являются жесткие нормативные структуры, которые больше не снабжают экономически-политическую систему идеологическими ресурсами, а сталкивают с завышенными требованиями. Кризиса легитимации, если этот грубый диагноз верен, в долгосрочной перспективе можно избежать лишь в том случае, если либо латентные классовые структуры позднего капитализма трансформируются, либо будет устранено легитимационное давление, которому подвергается административная система. В свою очередь, этого можно было бы добиться в том случае, если бы интеграция внутренней природы была бы переведена в иной модус социализации, т. е. отделена от норм, нуждающихся в оправдании. Эту возможность я бы и хотел обсудить в заключительной части данной работы.

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

Теоремы мотивационного кризиса, которые я затрагивал выше, основаны на двух предпосылках. Во-первых, я (вместе с Фрейдом, Дюркгеймом и Мидом) исхожу из того, что мотивации возникают благодаря интериоризации символически репрезентированных структур ожидания. Социологическое понятие интериоризации (Парсонс) на психологическом уровне порождает целый ряд проблем. Психоаналитические понятия применительно к механизмам обучения (привязанность к объекту, идентификация, интериоризация образцов) отчасти уточняются в многочисленных эмпирических исследованиях детского мотивационного обучения, отчасти же дополняются когнитивистскими трактовками или замещаются их толкованиями в теории обучения. Здесь я не стану обращаться к ним, а сконцентрируюсь на второй, более сильной предпосылке, заключающейся в том, что ценности и нормы, в соответствии с которыми образуются мотивы, обладают имманентным отношением к истине (*Wahrheitsbezug*). В *онтогенетическом аспекте* это означает, что мотивационное развитие в смысле Пиаже связано с когнитивно релевантным развитием морального сознания, причем уровни морального сознания могут быть реконструированы логически, т. е. при помощи понятий систематически упорядоченной последовательности систем норм и контроля за поведением. Высшему

уровню морального сознания соответствует универсальная мораль, восходящая к базовым нормам разумной речи и выдвигающая притязание на превосходство над конкурирующими этическими моделями не только в *эмпирическом* (основываясь на онтогенетически наблюдаемой иерархии уровней сознания), но и (ссылаясь на аргументативную реализацию своих притязаний на значимость) в *систематическом* плане. В нашем контексте интересен лишь этот *систематический аспект* предполагаемого отношения к истине ценностей и норм, обладающих фактической силой.

Понятие легитимного господства у Макса Вебера¹ обращает внимание на связь между верой в легитимность и оправдательным потенциалом порядков (*Ordnungen*), с одной стороны, и их фактической действительностью — с другой. Основание легитимности позволяет узнать, «на каких последних принципах может основываться “действенность” господства, т. е. притязание на повиновение чиновников своему господину и подданных — им всем»².

Все классовые общества, поскольку их воспроизводство основано на привилегированном присвоении общественно производимого богатства, должны решить проблему неравного, но легитимного распределения социального прибавочного продукта³. Они разрешают эту проблему посредством структурного насилия, т. е. вписывая асимметричное распределение легитимных возможностей удовлетворения потребностей в признаваемую систему норм. Фактическое признание подобной системы норм основано, разумеется, не на одной лишь вере задействованных лиц в ее легитим-

ность, но и на страхе перед опосредованно грозящими санкциями, а также на простом терпении (compliance), вытекающем из ощущения собственного бессилия и отсутствия альтернатив (т. е. скованной фантазии). Однако как только вера в легитимность существующего порядка ослабевает, высвобождается присутствующее в системе институтов латентное насилие — либо как открытое манифестированное насилие сверху (что возможно лишь временно), либо в виде расширения пространств участия (из-за чего изменяется и сам принцип распределения возможностей легитимного удовлетворения потребностей, т. е. степень репрессивности господства): «“Легитимность” господства, естественно, также может рассматриваться как *шанс*, в релевантной мере считаться и практически трактоваться в качестве господства. Дело не в том, что любая покорность в отношении господства в первую очередь ориентируется на подобную веру. Покорность может лицемерно изображаться индивидами или даже целыми группами из чисто оппортунистических соображений, практиковаться по причине собственных материальных интересов или приниматься как что-то неизбежное из-за личной слабости и беспомощности. Однако не это принципиально для классификации господства, а то, что его собственное *притязание* на легитимность своим видом “действительно” в релевантной мере, упрочивает его сохранение и определяет избранные средства господства»⁴.

Применимость понятия легитимности, которое в зависимости от формы и содержания того или иного вида легитимации делает возможным размежевание с типами легитимного господства в

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

смысле Макса Вебера, в современной социологии является бесспорной; спорным, однако, является отношение легитимаций к истине (*Wahrheitsbezug von Legitimationen*). Это отношение к истине следует предполагать, если считать возможным мотивационный кризис, который возникает из-за систематического дефицита такого ресурса, как «смысл». Неконтингентные причины утраты легитимности могут возникнуть лишь из одной «своеправной» (“*eigensinnigen*”), т. е. истинностно-зависимой эволюции систем интерпретаций, которая систематически ограничивает адаптивные возможности общества.

1. ПОНЯТИЕ ЛЕГИТИМАЦИИ У МАКСА ВЕБЕРА

На социологическом уровне спор о зависимости легитимации от истины начался применительно к двусмысленной трактовке «рационального господства» у Макса Вебера, т. е. типа господства, характерного для обществ модерна, принимающего форму закона и регулируемого процедурно. «Согласно имеющемуся опыту, — говорит Вебер, — никакое господство не довольствуется добровольно лишь материальными, лишь аффективными или же лишь ценностно-рациональными мотивами в качестве возможностей для своего сохранения. Скорее любое господство пытается пробудить и сохранить веру в свою легитимность»⁵. Вебер даже в целом предполагает «потребность всякой власти, всякого жизненного шанса вообще в самооправдании»⁶. Если же вера в легитимность

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

определяется как эмпирическое явление без имманентного отношения к истине, тогда основания, на которых она эксплицитно покоится, имеют лишь психологическое значение; вопрос о том, в достаточной ли степени подобные основания стабилизируют определенную веру в легитимность, зависит от институционализированных предубеждений и наблюдаемых поведенческих диспозиций референтной группы. Если же, напротив, для каждого действительного легитимационного верования предполагается наличие имманентного отношения к истине, тогда основания, на которых оно эксплицитно покоится, обладают рациональным притязанием на значимость, которое можно проверять и критиковать вне зависимости от их психологического воздействия. В одном случае предметом исследования может стать сама мотивационная функция оснований оправдания; в другом же мотивационная функция не может рассматриваться независимо от ее логического статуса, т. е. от ее подвергаемого критике притязания на *рациональную мотивацию*; это утверждение верно и тогда, когда, как обычно, это притязание выдвигается и стабилизируется контрафактически.

Для понимания рационального господства⁷ подобная альтернатива означает, что в первом случае господство рассматривается в качестве легитимного, если выполнены как минимум два условия: а) нормативный порядок должен быть позитивно установленным и б) участники правовых отношений должны верить в его легальность, т. е. в формально корректную процедуру правопроизводства и правоприменения. Вера в легитимность сводится

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

к вере в легальность: достаточно одной лишь ссылки на законность принятия определенного решения. Однако в случае истинностной зависимости веры в легитимность недостаточно обращения к тому факту, что государство имеет право осуществлять монополию правотворчества и исполнения права в соответствии с системой установленных рациональных правил. Сам по себе этот процесс не может обеспечивать легитимации, скорее в легитимации нуждается сама процедура установления. По меньшей мере еще *одно* условие должно выполняться для признания легитимным легального господства: должны быть названы основания легитимирующей силы этой формальной процедуры. Например то, что процедурная компетентность принадлежит государственной власти, которая конституируется согласно конституции⁸.

Первая из названных позиций представлена сегодня Никласом Луманом: «Право определенного общества позитивируется, когда получает признание легитимность чистой легальности, т. е. когда право уважается потому, что оно устанавливается в результате принятия решений в соответствии с определенными правилами. Тем самым в центральном вопросе человеческого сосуществования произвольность становится институтом»⁹. Здесь Луман следует основанному Карлом Шмиттом децизионистскому правовому учению: «“Позитивизация” права означает, что для любых содержаний можно добиться легитимной действенности права, а именно через решение, которое придает действенность праву и также может лишить его этой действенности. Позитивное право действительно в силу решения»¹⁰. Формальные процедурные

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

правила являются достаточными в качестве легитимирующих предпосылок принятия решений и не требуют со своей стороны никакой дальнейшей легитимации. Ведь свою функцию абсорбирования опасности они и так выполняют: они соединяют неизвестность в отношении того, какое решение будет принято, с уверенностью в том, что вообще будет принято некоторое решение¹¹.

Абстрактное долженствование норм, которые могут обойтись без материального оправдания, выходящего за рамки корректной процедуры возникновения и применения, служит тому, чтобы «стабилизировать от разочарований поведенческие ожидания и тем самым обезопасить структуры»¹². Действенность норм может, однако, выполнять эту функцию лишь до тех пор, пока она остается латентной и не вторгается открыто в смысл долженствования: «Социальные процессы обучения и работы с разочарованиями предполагаются любым нормированием поведенческих ожиданий, однако они не могут рефлексироваться в нормированном смысле»¹³. Бессмысленно ставить под сомнение фактическую веру в легитимность и притязание норм на значимость, в плане критикуемых оснований их значимости; скорее фикция, что это возможно в определенном случае, является составной частью нормативных контрафактических ожиданий. Последние, в свою очередь, можно понять лишь в рамках функционалистской установки, т. е. рассматривая притязания на значимость как функционально необходимую иллюзию. Иллюзия, однако, не должна быть раскрыта, чтобы не была подорвана вера в легальность¹⁴.

Вторая из упомянутых позиций представлена Иоганном Винкельманом. По его мнению, формальная рациональность в смысле Макса Вебера не является достаточным основанием для легитимации легального господства: вера в легальность не легитимирует *per se*. Правовой позитивизм в гораздо большей степени требует ценностно-рационально обоснованного *consensus omnium*: «Ценностно-рациональные постулаты образуют регулятивные принципы для нормативных установлений (*Setzungen*) и их конкретизации. Лишь те установления нормативно легитимированы, (...) которые удерживаются в установленных таким образом границах формального правового принципа»¹⁵. Легальность может создавать легитимность тогда и только тогда, когда можно предоставить основания того, что определенные формальные процедуры при определенных рамочных институциональных условиях удовлетворяют материальным требованиям к справедливости: «по своему принципиальному пониманию понятие легального господства у Макса Вебера относится к рационально, а именно к *ценностно-рационально ориентированному* господству установлений, которое лишь в его вырожденной форме становится лишенным достоинства, ценностно-нейтральным, чисто целерационально формальным господством легальности»¹⁶. С герменевтической точки зрения, тезис Винкельмана сомнителен, поскольку он ведет к тому систематическому следствию, что ценностно-рациональные основания веры в легальность оказываются открытыми для обоснования и критики; однако это несовместимо с веберовским пониманием рационально неразрешимого плюрализма противоборствующих сил вероиспове-

даний¹⁷ и систем ценностей¹⁸. Но в нашем контексте это не столь существенно. Однако и с системной точки зрения, признание доступных обоснованию основополагающих *материальных* норм приводит к тому, что определенные нормативные содержания следует выделять теоретически. До этого философские усилия, направленные на то, чтобы реабилитировать традиционное или, к чему скорее склоняется сам Винкельман, современное естественное право, неважно, в какой именно его трактовке, оказывались столь же неудачными, как и попытки обосновать материальную этику ценностей (в смысле Шелера или Николая Гартмана). Чтобы показать открытость критике притязаний на правильность, вовсе не обязательно признавать подобный груз доказательств. Достаточно скорее сделать ссылку на основные нормы разумной речи, наличие которых мы предполагаем в каждом, даже практическом дискурсе.

В этом смысле в моем споре с Луманом я вывел веру в легальность из обоснуемой веры в легитимность: «Безупречная процедура принятия нормы, т. е. соответствие форме права (*Rechtsförmigkeit*) как таковое гарантирует лишь то, что предусмотренные в политической системе инстанции, наделенные полномочиями и признанные таковыми, несут ответственность за действующее право. Однако эти инстанции являются частью системы господства, которая должна быть легитимированна в целом, чтобы чистая легальность могла быть *признаком* легитимности. При фашистском режиме, например, соответствие административных актов форме права обладает разве что функцией маскировки. Это означает, что лишь технически

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

правовая форма, чистая легальность, не может обеспечивать признание в долгосрочной перспективе, если система господства не может быть легитимирована независимо от соответствующего форме закона осуществления господства. Луман согласен с тем, что то обстоятельство, “что перенимаются функции отбора, основанные лишь на решении, требует особых оснований”, однако он полагает, что посредством институционализированной в форме права процедуры, т. е. посредством процесса создаются “подобные дополнительные основания для признания решений и в этом смысле создается и легитимируется власть принятия решений, т. е. она становится независимой от конкретно осуществляемого принуждения”. Однако сама процедура может легитимировать лишь опосредованно, лишь через указание на инстанции, которые сами, в свою очередь, должны быть признаны. Так, писанные буржуазные конституции содержат твердо сопротивляющийся возможным изменениям перечень основных прав, который обладает легитимирующей силой лишь постольку, поскольку он рассматривается во взаимосвязи с идеологией системы господства. Далее, органы, которые отвечают за правотворчество и правоприменение, ни в коем случае не легитимируются через легальность их процедур, а точно так же через общую интерпретацию, которая поддерживает систему господства в целом. Буржуазные теории парламентаризма и народного суверенитета были частью подобной идеологии. Фундаментальным заблуждением самого по себе идеологически подозрительного правового учения, а именно децизионизма, является то, что действительность правовых норм может основываться на реше-

нии и только на нем. Поскольку наивное притязание норм действия на значимость в любом случае отсылает (по крайней мере имплицитно) к дискурсивной обосновываемости. Если обязательные решения являются легитимными, т. е. если они могут приниматься и в равной степени регулярно выполняться независимо от конкретно осуществляемого принуждения и явно угрожающих санкций, и даже вопреки интересам задействованных лиц, тогда они могут считаться исполнением признанных норм. Эта ненасильственная нормативная действенность основывается на посылке, что нормы, при необходимости, можно оправдать и защитить от критики. В свою очередь, это утверждение возникает не само по себе. Оно является следствием толкования с целью оправдания, способного привести к консенсусу, иными словами, следствием картины мира, легитимирующей господство»¹⁹.

Дискуссия об отношении веры в легитимацию к истине разгорелась из-за веберовской трактовки веры в легальность; тем самым она ведет к проблеме возможности обоснования норм действия и оценки вообще — и эту проблему не разрешить социологическими средствами. Если бы истинностный потенциал практических вопросов мог бы быть оспорен принудительным образом, представленная мною позиция была бы несостоятельной. Поэтому мне хотелось бы прежде всего показать *возможность* обоснования нормативных притязаний на значимость, т. е. рационально мотивировать их признание (2–3), чтобы затем показать как это *действительно* происходит (в обществах нашего типа) ввиду легитимационных притязаний существующих систем норм (4): стало ли сегодня рутиной сво-

бодное от обоснования признание обязательных решений, или же функционально необходимые мотивации по-прежнему создаются посредством интериоризации норм, требующих оправдания.

2. ИСТИННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАКТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ

Выявленный еще со времен Юма дуализм сущего и должного, фактов и ценностей означает логическую невыводимость прескриптивных утверждений или ценностных суждений из декларативных утверждений и высказываний²⁰. В аналитической философии это было исходным пунктом для некогнитивистского подхода к практическим вопросам. Мы можем проводить различие между эмпиристской и децизионистской линиями аргументации: обе сливаются в убеждении, что моральные противоречия в конечном счете не могут быть разрешены при помощи обоснований, поскольку ценностные предпосылки, из которых вытекают моральные утверждения, являются иррациональными. Эмпиристские допущения ведут к тому, что мы применяем практические утверждения или для того, чтобы выразить взгляды и потребности говорящего, или для того, чтобы вызвать у слушающего готовность к действию, т. е. чтобы манипулировать им. В аналитической философии в этой плоскости проводились прежде всего семантические и прагматические исследования эмотивного значения моральных высказываний (Стивенсон, Монро)²¹. Децизионистские допущения ведут к тому, что практические утверждения

принадлежат автономной сфере, которая подчиняется иной логике, нежели теоретико-эмпирические утверждения, и которая связана не с опытом, а с актами веры или с решениями. В аналитической философии в этой плоскости проводились прежде всего исследования языковой логики, будь то по вопросам деонтической логики (фон Вригт), будь то по формальной структуре прескриптивных языков в целом (Хеар)²².

В качестве примера я выбрал один поучительный текст К. Илтинга, который объединяет аргументы обоих направлений, чтобы опровергнуть когнитивистские притязания на оправдание практических утверждений; Илтинг пытается реабилитировать позицию Шмиттовского Гоббса средствами языкового анализа²³.

Илтинг принимает не особенно обоснованное предварительное решение вывести нормы из требований (императивов). Элементарное требование означает: а) что говорящий желает чего-то определенного и б) что он хочет от слушающего, чтобы тот усвоил и осуществил его желание (S. 97); (а) здесь является определенным желанием, (б) же означает требование. Илтинг в дальнейшем различает мысль, содержащую требование; призыв к воле того, к кому обращаются, принять эту мысль и действовать в соответствии с ней и, наконец, акт воли того, к кому обращаются, в котором он или принимает, или отвергает данный призыв. На решение следовать императиву другого его требование не «влияет» ни логически, ни каузально: «Предположимо лишь то, к чему имеет склонность тот, к кому обращаются, сам по себе или же к чему он позволит склонить себя из-за угрозы

большого зла» (S. 99). То, какой произвольный выбор он сделает ввиду некоего императива, зависит от эмпирических мотивов. Если два императива в силу их взаимности объединяются таким образом, что обе стороны согласны следовать взаимным требованиям друг друга, то можно говорить о *договоре*. Договор обосновывает норму, которую «признают» стороны, заключающие договор: «Признание общей нормы создает определенные поведенческие ожидания, из-за которых одному из участников может показаться, что он первым должен выполнить свои обязательства в интересах другого. Тем самым, однако, выполнение своих обязательств другим перестает быть простым требованием, которое тот по собственному усмотрению (как в случае императива) может или принять, или отклонить. Оно становится *притязанием*, которое он изначально признал в качестве условия собственного действия» (S. 100).

Императивная модель, предложенная Илтингом для реконструкции системы норм, хорошо подходит для целей приведения не-когнитивного доказательства. Поскольку когнитивный компонент требований (желаний, приказов) ограничивается пропозициональным содержанием («желаемым положением вещей», «мыслью», содержащей требование), а акты воли (решение, вера, установка) мотивируются лишь эмпирически (приводя в действие потребности или интересы), то и норма, как только она вступает в силу по волеизъявлению сторон, заключивших контракт, может не содержать ничего, что способствовало бы ее когнитивной поддержке или проблематизации, т. е. оправданию или оспариванию. Было бы бессмысленно пытаться

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

«оправдывать» практические утверждения иначе, чем с помощью указания на факт эмпирически мотивированного заключения договора: «Больше не имеет смысла искать оправдания совместно признанной договорной нормы. У обоих партнеров существовал достаточный мотив, чтобы признать договорную норму (...) Столь же бессмысленным было бы требовать оправдания в качестве нормы необходимости соблюдения договора» (S. 101).

Предложенная конструкция (чье эксплицитное содержание, кстати, сложно согласовать с ее собственным статусом) ограничивается задачей максимально полного объяснения смысла и действия норм. Однако она никак не может удовлетворительно объяснить *один* центральный компонент значения, а именно долженствование или нормативную действенность. Норма обладает обязательным характером — в этом и состоит ее притязание на значимость. Однако если одни лишь эмпирические мотивы (такие, как склонность, интерес, страх перед санкциями) приводят к соглашению, сложно понять, почему партнер по договору, как только изменяются его первоначальные мотивы, должен чувствовать себя обязанным по отношению к согласованной норме. Конструкция Илтинга неадекватна, поскольку она не позволяет указать на решающее *различие между подчинением конкретным приказам и следованием интересубъективно признанным нормам*. Поэтому Илтинг видит необходимость вспомогательной гипотезы: «в признании всякой нормы всегда предполагается признание некоей “основополагающей нормы”»; признание нормы следует рассматривать как волевой акт, который в дальнейшем может быть обращен против

себя самого» (S. 103). Какой может быть мотив для признания такой бессмысленной основополагающей нормы? Действенность норм не может быть обоснована обязательством не менять их; поскольку констелляция интересов исходного положения может скоро измениться, и нормы, которые обособляются от основы собственных интересов, согласно модели Илтинга, теряют смысл нормативного регулирования вообще. Если же хочется избежать сложностей нормативного закрепления на неопределенное время изменчивых констелляций интересов и сделать возможным их пересмотр, то тогда следует иметь возможность для выделения веских мотивов для такого пересмотра. Если бы любое произвольное изменение мотивов было достаточным поводом для изменения нормы, то, в свою очередь, невозможно было бы убедительно показать, чем же тогда должно быть притязание на значимость в отличие от императивного смысла требования. Если же, с другой стороны, существуют лишь эмпирические мотивы, то они тождественны: каждый легитимирует себя самим фактом собственного существования. Единственные мотивы, которые можно выделить среди других, это мотивы, для которых можно найти основания.

На основе таких соображений мы не сможем объяснить притязание норм на значимость до тех пор, пока не обратимся к рационально мотивированному соглашению или, по крайней мере, к убеждению в том, что консенсус относительно рекомендуемой нормы мог бы быть достигнут при помощи обоснования. Но тогда оказывается недостаточной модель, при которой стороны, заключающие договор, должны знать лишь то, что озна-

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

чает императив. Более адекватной моделью было бы коммуникативное сообщество, члены которого как участники практического дискурса проверяют притязание норм на значимость и, в случае, если они признают его в силу предоставленных обоснований, приходят к убеждению, что в существующих обстоятельствах предложенные нормы являются «правильными». Притязание норм на значимость обосновывают не иррациональные волевые акты партнеров по договору, а рационально мотивированное признание норм, которое в любой момент можно проблематизировать. Когнитивный компонент норм ограничивается, таким образом, вовсе не пропозициональными содержаниями нормированных поведенческих ожиданий. Нормативное притязание на значимость само является когнитивным в смысле (как всегда контрафактического) допущения того, что оно может быть разрешено дискурсивно, т. е. обосновано аргументативно достигнутым консенсусом участвующих сторон.

Императивистски построенная этика упускает подлинное измерение возможного оправдания практических утверждений — моральную аргументацию. Как показывают примеры Макса Вебера или Поппера, существуют позиции, которые допускают возможность моральной аргументации и тем не менее придерживаются децизионистского подхода к проблематике ценностей. Причина этого заключается в узком понимании рациональности, допускающем лишь дедуктивные аргументы. Поскольку значимый дедуктивный аргумент не может ни произвести новую информацию, ни добавить что-нибудь к определению истинностной ценности сво-

их компонентов, моральная аргументация сводится к двум задачам: к аналитической проверке согласуемости ценностных предпосылок, лежащих в основе системы предпочтений, с одной стороны, и к эмпирической проверке реализуемости целей, которые избираются с точки зрения ценностей, с другой стороны. Этот вид «рациональной критики ценностей» ничего не изменяет в иррациональности самого выбора систем предпочтений.

Ханс Альберт делает еще один шаг в направлении метаэтического применения основоположений *критического рационализма*²⁴. Если, как в случае критицизма, в науке отказываются от идеи обоснования, не отказываясь при этом от фаллибилистски интерпретируемой возможности ее критической проверки, тогда отказ от притязаний на оправдание в этике должен не без затруднений иметь децизионистские последствия.

Поскольку когнитивные притязания с адоптированных точек зрения точно так же, как и практические притязания, подпадают под рационально мотивированную оценку, Альберт предполагает возможность критической проверки практических утверждений, которая в известной мере аналогична проверке теоретико-эмпирических утверждений. Он вводит «активные поиски противоречий» в дискуссию о проблеме ценностей, в результате чего моральная аргументация может также, помимо проверки совместности ценностей и реализуемости целей, взять на себя продуктивную задачу дальнейшего критического образования ценностей и норм: «Как нам известно, из предметного высказывания не так просто выводимо ценностное суждение, однако

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

определенные ценностные суждения, в свете некоторого пересмотренного предметного убеждения, могут вполне оказаться несовместимыми с определенными ценностными убеждениями, существовавшими у нас до этого. (...) Другой вид критики может возникнуть благодаря изобретению новых моральных идей, в свете которых существующие решения моральных проблем окажутся сомнительными. На фоне таких идей часто впервые становятся видны определенные, прежде незамеченные или кажущиеся само собой разумеющимися, проблемные стороны этих решений. Вследствие этого возникает новая проблемная ситуация, как это происходит, например, в науке с появлением новых идей» (S. 78). Таким способом Альберт привносит в попперовский критицизм развиваемую уже в прагматической традиции и в особенности у Дьюи²⁵ идею разумного прояснения и критического продолжения транслируемых систем ценностей. Правда и эта программа остается по сути своей некогнитивистской, поскольку она придерживается альтернативных актов выбора между решениями, которые не могут мотивироваться рационально, и обоснованиями и, соответственно, оправданиями, возможными лишь в силу дедуктивных аргументов. Даже притянутые *ad hoc* «связующие принципы» не могут преодолеть этот разрыв. Развита в критическом рационализме идея (отказывающейся от обоснования) элиминации ложных утверждений не может привести в действие силу дискурсивно достигнутого, разумного консенсуса в отношении веберовского плюрализма систем ценностей и религиозных сил — эмпирическая и/или децизионистская граница,

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

которая защищает так называемый плюрализм ценностей от напряжений практического разума, не может быть нарушена до тех пор, пока силу аргументации ищут лишь в силе опровержения дедуктивных аргументов.

Пирс и Тулмин²⁶, напротив, видели рационально мотивирующую силу аргументации в том, что прогресс в познании происходит посредством субстанциальных аргументов. Последние опираются на логические заключения, однако не исчерпываются контекстами дедуктивных высказываний. Субстанциальные аргументы служат подтверждению или критике притязаний на значимость, будь то имплицированные в высказываниях истинностные притязания, будь то связанные с нормами (действия, оценки) притязания на правильность, имплицированные в пожеланиях или предупреждениях. Они обладают силой убеждать участников дискурса в притязании на значимость, т. е. *рационально мотивировать* к признанию притязаний на значимость. Субстанциальные аргументы — это объяснения и оправдания, иначе говоря, прагматические единицы, в которых соединяются не утверждения, а речевые акты (т. е. утверждения, используемые в выражениях); систематика их соединения должна быть объяснена в рамках логики дискурса²⁷. В теоретических дискурсах, которые служат обоснованию предположений, консенсус достигается по иным правилам, нежели в практических дискурсах, служащих оправданию рекомендованных норм. Однако в обоих случаях цель одна и та же — рационально мотивированное решение о признании (или отклонении) дискурсивно разрешаемых притязаний на значимость.

Что именно означает *рационально мотивированное признание* притязания на значимость определенной нормы действия, вытекает из дискурсивного процесса мотивации. Дискурс можно понимать как такую свободную от опыта и действия форму коммуникации, структура которой обеспечивает то, что предметом дискуссии являются исключительно виртуализированные притязания на значимость утверждений и, соответственно, рекомендаций или предупреждений; что участники, темы и содержания не ограничиваются (если только их целью не является проверка проблематизированных притязаний на значимость); что не существует никакого другого принуждения, кроме принуждения лучшего аргумента. Что вследствие этого — исключены все мотивы, помимо совместного поиска истины. Если в этих условиях консенсус относительно рекомендации принять некую норму будет достигнут аргументативно, т. е. на основе гипотетически предложенных богатых альтернативами оправданий, то тогда этот консенсус будет выражать «разумную волю». Поскольку в принципе все участники имеют как минимум шанс принимать участие в практическом совещании, «разумность» дискурсивного волеобразования состоит в том, что повышенные до статуса нормы взаимные поведенческие ожидания выражают *свободный от имитаций* выявленный *общий* интерес: *общий* — потому что непринужденный консенсус допускает лишь то, чего могут хотеть *все*; *свободный от имитаций* — потому что даже интерпретации потребностей, в которых *каждый индивид* должен суметь опознать то, что может хотеть, становятся предметом дискурсивного волеобразо-

вания. Дискурсивно образованная воля может называться «разумной», потому что формальные свойства дискурса и ситуации обсуждения в достаточной мере гарантируют то, что консенсус может быть достигнут лишь благодаря адекватно интерпретированным, *универсализуемым* интересам, под которыми я понимаю *коммуникативно разделяемые* потребности. Граница децизионистского обращения с практическими вопросами будет преодолена, как только аргументации будет доверено проверить возможность обобщения интересов, вместо того чтобы отступать перед лицом непроницаемого плюрализма якобы последних ценностных ориентаций (или актов веры, или убеждений). Должен быть оспорен не сам факт подобного плюрализма, а утверждение, что на основании аргументации невозможно выделить универсализуемые интересы из тех, что были и остаются частными. Альберт хотя и называет различные виды более или менее контингентных «связующих принципов», однако не упоминает то единственное основное положение, в котором выражается практический разум, а именно принцип всеобщности.

Уже из-за этого основного положения различаются когнитивистские и не-когнитивистские подходы в этике. В аналитической философии “good reasons approach” (исходящий из вопроса, в какой мере для действий X можно найти лучшие основания, чем для действий Y) привел к обновлению стратегически-утилитаристской договорной морали, которая выделяет фундаментальные обязательства посредством возможности их всеобщей значимости (Грайс)²⁸. Другая линия аргументации восходит к Канту, пытаюсь освободить категориче-

ский императив из контекста трансцендентальной философии и реконструировать его с позиций языкового анализа как “principle of universality” или как “generalisation argument” (Байер, Зингер)²⁹. Также и методическая философия Эрлангенского происхождения понимает свое учение о моральной аргументации как возобновление критики практического разума (Лоренцен, Швеммер)³⁰. В нашем контексте интересно не столько предложенное нормирование языка переговоров, допускаемого для обсуждения практических вопросов, сколько введение «морального принципа», состоящего в том, что каждый участник практического дискурса обязан трансформировать свои субъективные устремления в универсализуемые. Поэтому Лоренцен также говорит о принципе *транссубъективности*.

Введение максим универсализации (того или иного рода) влечет за собой проблему кругового оправдания принципа, который только и делает возможным оправдание норм. Лоренцен признает существование остаточной децизионистской проблематики, когда называет признание морального принципа «актом веры», «когда вера определяется негативно как признание чего-то, что не является доказуемым»³¹. Он лишает акт веры его провольного характера, но лишь постольку, поскольку методическое обучение практике обсуждения воспитывает разумную установку: разум нельзя продемонстрировать, но можно в некоторой степени социализировать. Швеммер дает этой интерпретации, если я правильно понимаю, другой поворот, при котором он, с одной стороны, отсылает к пониманию intersубъективной практики речи и действия, выработанному в естественных контекстах

взаимодействия, а с другой — к образующемуся при этом мотиву *ненасильственного* разрешения возникающих конфликтов. Однако претензия на окончательное обоснование вынуждает и Швеммера к стилизации «первого» решения: «Моральный принцип был установлен на основании общей практики, которую я пытался здесь шаг за шагом мотивировать и объяснить. В этом общем действии мы настолько трансформировали наши желания, что даже признали эту общую трансформацию наших желаний исполнением наших первоначальных желаний (мотивов), которые привели нас к принятию этой общей практики вообще. Для общего установления морального принципа необходимо участие в общей практике — «решение», которое не легитимируется дальнейшими речами, — и лишь это участие делает возможным действие, учитывающее и понимающее также и желания других»³². Проблемы построений Швеммера анализируются в работе Лоозера, Люшера, Мачиевского и Менне: «Для начала создания нормированной речи существует необходимое условие, заключающееся в том, что индивиды, которые начинают процесс ее создания, с самого начала уже пребывают в *общем* контексте речи и действия. Находясь в этом контексте и предвосхищая ненасильственную коммуникацию, этот прообраз “практического обсуждения” (Швеммер), они договариваются *совместно* создать обоснованные способы речи. То, что это предвосхищение осуществляется в непроясненных условиях, проявляется в том, что попытка Эрлангенской школы определяет себя не как исторически засвидетельствованная попытка, которая была бы понятна как результат обретения и воплощения принципа раз-

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

решения практических вопросов путем ненасильственной коммуникации, т. е. «дискурсивно», но она переносит сам выбор между речью и насилием на конструкцию практической философии»³³.

Эта проблематика, возникающая с введением морального принципа, снимается, как только мы замечаем, что уже содержащееся в структуре интерсубъективности ожидание дискурсивного разрешения нормативных притязаний на значимость делает избыточными специально введенные максимы универсализации. Принимая практический дискурс, мы неизбежно подразумеваем идеальную языковую ситуацию, которая в силу своих формальных свойств делает возможным консенсус лишь с помощью *универсализуемых* интересов. Когнитивистская языковая этика не нуждается ни в каких принципах; она опирается лишь на основополагающие нормы разумной речи, которым мы, поскольку мы вообще вовлечены в процесс речи, всегда должны подчиняться. Этот, если угодно, трансцендентальный характер разговорного языка, который также и эрлангенцами имплицитно принимается как базис для построения нормированной речи, можно, как я надеюсь показать, реконструировать в рамках универсальной прагматики³⁴.

3. МОДЕЛЬ ПОДАВЛЕНИЯ УНИВЕРСАЛИЗУЕМЫХ ИНТЕРЕСОВ

Экскурс в современные этические дискуссии должен был бы подтвердить предположение о том, что практические вопросы являются истинностными.

Если это так, то нормы, которые могут быть легитимированы, следует отличать от норм, которые стабилизируют отношения власти. До тех пор пока нормы выражают универсализуемые интересы, они основываются на *разумном консенсусе* (или же они могли бы найти подобный консенсус, если бы практический дискурс имел место). Если же нормы не регулируют универсализуемые интересы, они основываются на насилии; в этом случае мы говорим о нормативной власти.

Существует такой случай нормативной власти, который определяется тем, что он может быть легитимирован опосредованно — *компромисс*. Мы называем нормированное уравнивание частных интересов компромиссом, если оно возникает в условиях властного равновесия участвующих сторон. Разделение властей есть принцип порядка, который должен обеспечивать подобное властное равновесие для сфер частных интересов, чтобы сделать компромиссы возможными. (Другой принцип порядка, воплощенный в буржуазном частном праве, выделяет автономные сферы действия для стратегического следования единичным интересам; он предполагает властное равновесие между частными лицами и делает необязательными компромиссы в отношении неуниверсализуемых интересов). В обоих случаях применяются универсалистские принципы, которые, правда, могут быть легитимированы при условии, что универсализуемость регламентированных интересов можно будет отрицать. Это, в свою очередь, можно проверить лишь в дискурсе. *Поэтому разделение властей и демократия не являются принципами политического порядка одного ранга. То, что демократическое волеоб-*

разование оборачивается репрессией, если оно не ограничивается гарантирующим свободу принципом разделения властей, — это топос антипросвещения, который был обновлен Гельмутом Шельски по окончании выборов в Бундестаг в ноябре 1972: «Федеративная республика согласно своей часто декларируемой политической конституции представляет собой гармонию обоих основоположений в некоем “основополагающем свободно-демократическом порядке”»; и возможно, не случайно, что принцип свободы в этой формуле предшествует принципу демократии. Однако если в этом основополагающем порядке власть имущими программно провозглашается лозунг “Больше демократии”, то тогда с ним связано столь же умалчиваемое и непризнаваемое принятие лозунга “Меньше свободы”»³⁵. Эта дилемма не является серьезной, если мы видим, что а) разделение властей может легитимно возникать лишь там, где должны быть упорядочены сферы интересов, которые не могут быть легитимированы дискурсивно и поэтому требуют компромиссов, и что б) допускающее консенсус отграничение частных интересов от универсализуемых возможно лишь с помощью дискурсивного волеобразования. Вопреки диагнозу Шельски именно социал-демократы, со своим постулатом «равноправия труда и капитала» требуют разделения властей для сферы интересов, которая до этого момента хотя и не была вовлечена в процесс дискурсивного волеобразования, но которую никак нельзя заподозрить в том, что в ней недостает универсализуемых интересов. Даже если бы «классовый компромисс» при позднем капитализме мог в дальнейшем возникнуть при условии властного равновесия, легитимность

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

компромисса оставалась бы сомнительной до тех пор, пока была бы исключена возможность дискурсивной проверки того, идет ли здесь действительно с обеих сторон речь о частных интересах, которые не допускают образования разумной воли и поэтому допускают лишь компромиссы.

Компромисс может быть легитимирован в качестве компромисса лишь тогда, когда соблюдаются *оба* условия: властное равновесие участвующих сторон и не-универсализуемость вовлеченных интересов. Если хотя бы одно из этих *общих* условий *образования компромисса* не соблюдено, то речь идет о псевдо-компромиссе. В комплексных обществах *псевдо-компромиссы* являются важной формой легитимации; однако они не являются исторической нормой. В традиционных и либерально-капиталистических классовых обществах преобладает скорее *идеологическая форма* легитимации, которая контрафактически либо утверждает, либо приписывает универсализуемость интересов. Легитимации в этом случае состоят из толкований (из нарративных представлений или, как, например, в случае естественного права, из систематизированных объяснений и аргументативных цепочек), имеющих двойную функцию: показывать, что притязания системы норм на значимость справедливы, и одновременно предотвращать тематизацию и проверку дискурсивных притязаний на значимость. Специфическое достижение подобных идеологий состоит в незаметности систематических ограничений коммуникации³⁶. Поэтому идеологически-критическая теория общества может идентифицировать нормативную власть, встроенную в систему общественных институтов, только тогда, когда она

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

исходит из модели подавления универсализуемых интересов и сравнивает существующие нормативные структуры с гипотетическим состоянием некоей *ceteris paribus** дискурсивно образованной системы норм. Подобную контрафактически предпринятую реконструкцию, для которой Лоренцен предлагает процесс «нормативного происхождения»³⁷, можно, как я полагаю, вывести из универсально-прагматически оправданной точки зрения: как при данном состоянии развития производительных сил члены определенной общественной системы коллективно обязывающим образом проинтерпретировали бы свои потребности и какие нормы они признали бы справедливыми, если бы с достаточным знанием пограничных условий и функциональных императивов своего общества они могли и хотели бы в дискурсивном волеобразовании определять организацию общественных отношений?³⁸ Модель подавления универсализуемых интересов, которая объясняет одновременно и *функциональную необходимость* псевдо-легитимации господства, и *логическую возможность* идеологически-критического ослабления нормативных притязаний на значимость, в общественной теории может быть плодотворной лишь вместе с эмпирическими допущениями.

Можно исходить из того, что ориентация действия на институционализованные ценности не является проблематичной лишь до тех пор, пока нормативно закрепленное распределение шансов легитимного удовлетворения потребностей основано на действительном консенсусе участвующих. Как только здесь возникают разногласия, в кате-

* При прочих равных условиях (*лат.*)

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

горячих действующих систем интерпретации может быть осознана «несправедливость» подавления универсализуемых интересов. Осознание конфликта интересов является, как правило, достаточным мотивом для того, чтобы заменить ценностно-ориентированное действие действием, движимым интересами. В политически релевантных областях поведения схема коммуникативного действия уступает место такому типу поведения, моделью которого является конкуренция за дефицитные блага, т. е. заменяется стратегическим действием. «Интересами» я называю здесь субъективированные потребности, которые по мере утраты легитимации и с возникновением конфликтного сознания как бы высвобождаются от опирающихся на традицию, выкристаллизовавшихся и разделяемых всеми ценностей (и ставших обязательными в нормах поведения).

Эти конфликтно-теоретические допущения могут быть соединены с дискурс-моделью на двух уровнях. Я делаю эмпирическое допущение, что открывающиеся в конфликте констелляции интересов участвующих сторон достаточно точно совпадают с теми интересами, которые возникли бы среди участвующих, если бы они в одно и то же время вступили в практический дискурс. Далее, я делаю методологическое допущение, что имеет смысл и является возможным даже в обычном случае бесконфликтно признанных норм реконструировать скрытые положения интересов участвующих индивидуумов или групп таким образом, что мы представляем себе контрафактически пограничный случай определенного конфликта между участниками, в котором они были бы вынужде-

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

ны осознать свои интересы и стратегически их реализовать, вместо того чтобы, как обычно, удовлетворить основные потребности исключительно путем реализации институционализированных ценностей. Даже Маркс при анализе классовой борьбы должен был делать такие или же эквивалентные допущения: он должен был а) в целом различать частные и общие интересы, б) осознание справедливых, но подавляемых интересов понимать как достаточный конфликтный мотив и с) обоснованно приписывать социальным группам определенные положения интересов. Социолог может предпринять подобное приписывание интересов лишь гипотетически, а именно таким образом, что прямое подтверждение его гипотез было бы возможно лишь в форме состоявшегося практического дискурса среди самих участников. Непрямое подтверждение на основании наблюдаемых конфликтов возможно, поскольку приписываемые положения интересов можно соединить с прогнозами относительно конфликтных мотиваций.

Клаус Оффе предлагает обзор альтернативных попыток «установить критический масштаб для выявления селективности политической системы и при этом обойти дополнительные сложности системно-теоретических и бихевиористских подходов (которые не могут концептуализировать не-события подавленных, т. е. латентных, притязаний и потребностей)»³⁹. Три из названных альтернатив непригодны по легко понятным причинам принципиального характера:

- «потенциал потребностей может быть определен *антропологически*; совокупность неудовлетворенных потребностей представляется то-

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

гда как не-факт, как индикатор селективности, большего или меньшего властного характера политической системы» (S. 85). Однако ни одной из прежде представленных теорий влечения (Triebtheorien) не удалось хотя бы просто объяснить то, что допущение некой инвариантной структуры потребностей человека имело бы смысл или было бы эмпирически подтверждаемо. На примере наиболее разработанной и отрефлексированной теории влечения, а именно психоанализа, можно, как мне кажется, убедительно показать, что теоретические прогнозы относительно вариативного пространства агрессивных и либидозных потенциалов влечения невозможны⁴⁰;

- в рамках *объективистской философии истории* можно осуществить приписывание интересов на основании наблюдаемых структурных особенностей. Телеологические исторические построения перенимают, однако, круговую структуру обоснования и поэтому не могут сделать наглядной их эмпирическую привязку: «Подобному методу, лишь ошибочно считающемуся последователем марксистской “ортодоксии”, угрожает опасность возвысить аналитически требующий доказательства классовый характер организации политического господства до уровня теоретической предпосылки и одновременно свести исторические особенности избирательности конкретной системы институтов к побочному явлению — неважно, согласуются ли они с догматически заранее подключенным понятием классов или нет» (S. 86);

— и наконец, существует *нормативно-аналитический подход*, который зависит от разъясненных опций для более или менее конвенционально введенных состояний должествования. Социологический системный анализ в этом смысле действует тоже нормативно, поскольку до сих пор отсутствует теория, которая позволила бы избавиться от отставания социально-научного функционализма от биокибернетики и как-нибудь произвольно сделала бы понятными целевые состояния общественных систем⁴¹. Нормативистски измененный системный анализ отличатся скудностью эмпирического содержания, поскольку он, отталкиваясь от произвольно избранных функциональных точек референции, лишь случайно может натолкнуться на каузально действенные механизмы: «их аналитическая ограниченность определена тем, что она не в состоянии отличить *систематическую* селективность системы институтов от чисто случайного не-выполнения определенных норм (которые вполне *могли бы* выполняться при условии сохранения селективных структур)» (S. 86).

Остальные стратегии, упоминаемые Оффе, находятся на другом уровне. Их можно рассматривать как поиски эмпирических проявлений подавляемых интересов:

— «можно поступать *имманентно*, противопоставляя друг другу “притязание” и “действительность”. Этот принятый в критической государственно-правовой литературе метод

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

(конституционные притязания против конституционной действительности) должен, однако, доказать, что не подкрепляемое действительностью притязание, из которого исходит критика, нарушается не только в тенденции, но и систематически» (S. 88);

- «можно выявить *правила исключения*, кодифицированные политической системой, — в форме административно-правовых процедурных правил, а также гражданского и уголовного законодательства. Для анализа структурной избирательности подобный подход невозможен, поскольку едва ли можно предположить, что социальная система в кодифицированной форме обозначит совокупность действующих в ней же самой ограничений» (S. 88);
- «Другая возможность (...) состояла бы в столкновении политико-административных процессов не с их собственными или конституционно-правовыми притязаниями (...), а с *ненамеренными*, однако *систематическими* возникающими “недоразумениями” и *сверхинтерпретациями*, которые они вызывают» (S. 89). Разумеется, вряд ли можно полагаться на то, что политическая система всегда в достаточной степени способствует возникновению очевидности отклоненных притязаний;
- и наконец, возможен компаративный подход, когда «используя условие “*ceteris paribus*”, определяют правила исключения, которые отличают одну систему от другой (...). Однако, во-первых, те избранные моменты, которые являются общими для сравнива-

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

емых систем, не попадают в поле зрения; и во-вторых, те условия, которые оправдали бы строгое применение условия “*ceteris paribus*”, едва ли могут когда-нибудь возникнуть» (S. 87).

Названные недостатки поиска проявлений тривиальны до тех пор, пока отсутствует теоретический концепт, для которого ищутся проявления. Наблюдаемое несоответствие правовых норм и правовой действительности, кодифицированные правила исключения, несоответствие действительного уровня притязаний и политически допустимого уровня их удовлетворения, а также их подавление, заметное в международном сравнении, — все эти феномены имеют тот же статус, что и другие конфликтные феномены, которые могут рассматриваться в рамках кризисного анализа лишь тогда, когда они могут быть вписаны в определенную теоретическую систему описания и оценки. Для этого предлагается одна принципиальная трактовка адвокатской модели. Я не имею в виду эмпирическое соединение критики с целеполаганиями конфликтующих групп, которые избираются на основании дотеоретического опыта, т. е. принимая определенную сторону, поскольку таким образом солидарность стала бы невосприимчивой к требованиям обоснования. Адвокатская роль критической социальной теории скорее могла бы состоять в том, чтобы в замещающем дискурсе между группами выявить универсализируемые и в то же время подавленные интересы между группами, которые обособливаются (или могут быть произвольно обособлены) друг от друга посредством артикулированного или хотя

бы даже виртуального противоречия. Адвокаторно реализованный дискурс⁴² может привести лишь к гипотетическому результату. Однако охарактеризованные проявления для проверки подобных гипотез можно с надеждой на успех искать в упомянутых пространствах.

4. КОНЕЦ ИНДИВИДУУМА?

Я пытался обосновать тезис, что с практическими вопросами *можно* обходиться дискурсивно и что в рамках социологического анализа существует *возможность* методически принимать во внимание отношение нормативных систем к истине. Однако остается открытым вопрос, *действительно* ли в комплексных обществах образование мотивов все еще связано с нуждающимися в обосновании нормами, или же нормативные системы уже утратили свою соотнесенность с истиной?

Предшествующее развитие человеческого рода подтверждает антропологически обоснованную трактовку Дюркгейма, понимавшего *общество* как *моральную реальность*. Классическая социология никогда не сомневалась в том, что способные к речи и действию субъекты могут выстроить целостность своей личности лишь в контексте обеспечивающих идентичность картин мира и систем морали. Целостность личности требует обеспечивающей эту целостность перспективы жизненного мира, гарантирующего порядок, и одновременно обладающей когнитивным и морально-практическим значением: «важнейшей функцией общества является номизация. Антропологической предпо-

сылкой этого процесса служит человеческая тяга к значению, которая, как кажется, обладает силой инстинкта. Люди от рождения обречены налагать смысловой порядок на реальность. Однако этот порядок предполагает социальное предприятие упорядочивания конструкции мира. Выделение из общества влечет за собой для индивидуума множество опасностей, с которыми он не в состоянии справиться в одиночку, в экстремальных случаях — опасности скорого вымирания. Отделение от общества также вызывает невыносимые психологические напряжения между индивидуумами, напряжения, коренящиеся в самом антропологическом факте социальности. Однако главная угроза подобного отделения — это угроза отсутствия смысла. Эта угроза и есть главный кошмар, погружающий индивидуума в мир беспорядка, бессмысленности и безумия. Реальность и идентичность зловеще трансформируются в бессмысленные фигуры ужаса. Находиться в обществе означает быть “здоровым” именно в смысле быть защищенным от неизбежного “нездоровья” подобного террора аномии. Аномия невыносима там, где индивидуум предпочитает ей смерть. Напротив, существование в рамках номического мира может быть найдено ценой всех видов жертвоприношений и страданий — и даже ценой самой жизни, если индивидуум верит, что это окончательное жертвоприношение обладает номическим значением»⁴³.

Основная функция стабилизирующих мир (world-maintaining) систем интерпретации состоит в том, чтобы предотвратить хаос, т. е. преодолеть случайность. Легитимацию господствующих

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

порядков и базисных норм можно понимать как специализацию этой функции «наделения смыслом». Религиозные системы первоначально соединяли морально-практическую задачу конституирования личных и групповых идентичностей (с одной стороны, выделение «я» из социальной референтной группы и, с другой — выделение коллектива из природного и социального окружающего мира) с когнитивным толкованием мира (решение проблем выживания, которые возникают при техническом противостоянии внешней природе) таким образом, что случайности недостаточно контролируемого окружающего мира могли перерабатываться одновременно с основными рисками человеческого существования; здесь я прежде всего имею в виду кризисы жизненного цикла и опасности социализации, а также нарушения моральной и телесной целостности (вина, одиночество; болезнь, смерть). «Смысл», возвещаемый религиями, всегда был амбивалентен: с одной стороны, этим обещанием смысла сохраняется прежде конститутивное для социокультурной формы притязание, что люди не могут довольствоваться фикциями, но только «истинами», если они хотят знать, почему нечто происходит именно так, как оно происходит, и как то, что они делают и должны делать, может быть оправдано; с другой стороны, обещание смысла всегда имплицировало также и обещание утешения, поскольку предложенные толкования позволяют не просто осознавать беспокоящие контингентности, но и делать их выносимыми — также и именно тогда, когда они совершенно не могут быть устранены *в качестве* контингентностей.

На ранних стадиях общественного развития, до возникновения высокоразвитых культур⁴ проблемы выживания, а тем самым и опыты контингентности в обращении с внешней природой настолько велики, что они, как это четко показывают мифические содержания, должны были компенсироваться посредством нарративного создания видимости порядка⁴⁴. С растущим контролем над внешней природой профанное знание становится независимым от картин мира, которые все больше ограничиваются социально-интегративными задачами. Монополию в деле интерпретации внешней природы переняла наука; она обесценила сохранившиеся глобальные толкования и перевела модус веры в сциентистскую установку, которая допускает лишь веру в объективирующие науки. В этой области контингентности опознаются, делаются в значительной степени технически управляемыми, а их последствия — переносимыми: природные катастрофы определяются как повсеместно распространенные социальные случаи, а их воздействие смягчается с помощью крупных административных операций (примечательно, что последствия войн относятся к той же категории управляемой гуманности). В сферах же социального сосуществования, напротив, вместе с возрастающей комплексностью создается масса новых контингентностей, которая, однако, не сопровождается возрастанием способности управлять этими контингентностями. Потребность в преодолевающих контингентности толкованиях, которые раскрывают случайный характер еще не контролируемых случайностей, больше не возникает по отношению к природе; однако она усиленно регенерируется из страдания от неуправляемых процессов в

обществе. Социальные науки сегодня уже не могут перенять функции картины мира; скорее они разлагают метафизическую видимость порядка, как она в последний раз была создана объективистскими философиями истории. Одновременно социальные науки вносят свой вклад в возрастание контингентностей, которых можно было бы избежать, тем, что в нынешнем состоянии они ни производят социально-технически применимого знания, управляющего контингентностями, ни обладают доверием к сильным теоретическим стратегиям, которые преодолевают многообразие *кажущихся*, номиналистски созданных контингентностей и делают доступным объективный контекст социальной эволюции. Правда, ввиду индивидуальных жизненных рисков даже *немыслима* теория, которая могла бы интерпретационно преодолеть фактичность одиночества и вины, болезни и смерти; контингентности, которые неразрывно связаны с телесной и моральной трактовками индивидуума, могут входить в сознание лишь *как* контингентность: с ними мы должны принципиально безутешно жить.

В остальном и мораль в том же объеме, в каком когнитивно обедняются картины мира, отделяется от содержательных толкований и формализуется. Практический разум больше не может найти обоснования даже в трансцендентальном субъекте; коммуникативная этика основывается лишь на базовых нормах разумной речи, на самом окончательном «факте разума», про который, правда, если это чистый, уже необъяснимый факт, невозможно сказать, почему от него должна исходить еще и нормативная, организующая самопонимание человека и ориентирующая его действие сила.

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

Здесь мы можем вернуться к нашему исходному вопросу. Если картины мира разрушились из-за отделения когнитивных компонентов от социально-интегративных, если сегодня стабилизирующие мир системы интерпретаций необратимо принадлежат прошлому, то кто тогда выполняет морально-практическую задачу конституирования личных и групповых идентичностей? Могла бы универалистская языковая этика, которая больше не связана с когнитивными толкованиями природы и общества, а) в достаточной мере стабилизировать саму себя и б) структурно обеспечивать идентичности индивидуумов и коллективов в рамках мирового сообщества? Или когнитивно лишенная корней универсальная мораль обречена на то, чтобы сбиться в грандиозную тавтологию, в которой эволюционно преодоленное притязание разума противопоставляет объективистскому самопониманию человека лишь пустое самоподтверждение самого себя? Возможно, под риторическим прикрытием универалистской и одновременно лишенной силы морали уже произошли изменения в модусе социализации, которые воздействуют на социокультурную жизненную форму как таковую? Указывает ли новый универсальный язык системной теории на то, что «авангарды» уже начали отступление к частным идентичностям, когда в сложившейся естественным образом системе мирового сообщества они чувствуют и ведут себя, как индейцы в резервациях современной Америки? И наконец, будет ли посредством такого однозначного отступления осуществлен отказ от имманентной соотнесенности мотивообразующих норм с истиной?

Утвердительный ответ на эти вопросы еще не может быть в достаточной мере мотивирован указанием на логику развития картин мира. Поскольку, во-первых, наблюдаемая в современных теологических дискуссиях (Панненберг, Мольтман, Зёлле, Метц)⁴⁵ реполитизация библейской традиции, которая осуществляется вместе с некоторым выравниванием дихотомии пою/потустороннего, не означает атеизм в смысле бесследной ликвидации представления о боге (хотя из *этой* критической массы мысли едва ли можно было бы спасти идею *личного* бога). Идея бога снимается в понятии логоса, которое определяет общину верующих, а тем самым и реальную жизненную взаимосвязь эмансипирующегося общества; бог становится именем коммуникативной структуры, которая под угрозой потери человечности вынуждает людей преодолеть их случайную эмпирическую природу, когда они *опосредованно*, а именно через объективное, которым они сами не являются, сталкиваются друг с другом.

Во-вторых, вовсе не решено, не может ли философское стремление мыслить демифологизированную целостность мира сохраняться через среду научной аргументации. Функцию картины мира наука, разумеется, перенять не может; однако общие теории (общественного ли развития, или даже природы⁴⁶) меньше противоречат последовательно научному мышлению, чем их позитивистскому неверному самопониманию. Эти теоретические стратегии, как и необратимо раскритикованные картины мира, обещают дать смысл — преодолеть контингентности; однако одновременно они стремятся лишить это обещание его амбивалентного

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

характера притязания на истину и его лишь кажущегося исполнения. Мы больше не можем отражать опознанные контингентности с помощью создания рационализирующей видимости.

То обстоятельство, что логика развития картин мира *не исключает* сохранения ориентированного на истину модуса социализации, может успокаивать. Однако императивы управления высококомплексных обществ могут вынудить к тому, чтобы поставить образование мотивов в зависимость от нуждающихся в обосновании норм, а также отставить в сторону отсоединенную надстройку нормативных структур. Тем самым проблемы легитимации исчезают *per se*. Об этой тенденции говорит и ряд рефлексов из истории духа, о которых я вкратце хотел бы напомнить.

а) Уже больше столетия мы наблюдаем цинизм как бы опровергающего самого себя буржуазного сознания: в философии, в отмеченном культурным пессимизмом сознании времени и в политической теории. Ницше радикализирует опыт вовлечения идей, с которыми может сталкиваться действительность: «Почему же тогда *необходим* приход нигилизма? Потому что наши прежние ценности сами суть то, что находит в нем свое последнее развитие; потому что нигилизм есть до конца продуманная логика наших великих ценностей и идеалов — потому что мы сначала должны пережить нигилизм, чтобы дойти до того, чем, собственно, была *ценность* этих “ценностей”⁴⁷. Ницше пересматривает историческое ослабление нормативных притязаний на значимость, равно как и дарвинистских толчков к саморазрушению разу-

ма. Вопрос «Как возможны синтетические суждения априори?» он заменяет другим: «Почему необходима вера в подобные суждения?» На место «истин» выступают «оценки» (“Wertschätzungen”). Перспективное учение об аффектах заменяет теорию познания; его главный закон гласит, «что каждая вера, каждое принятие на веру ложно по необходимости, поскольку истинного мира не существует»⁴⁸. Ницше еще рассчитывал на шоковое действие своих разоблачений, и его героический стиль позволяет понять и ту боль, которую ему все-таки причиняло расставание с универсализмом просвещения. Эхо этой амбивалентности еще заметно в восприятии Ницше в 20-е годы у Готфрида Бенна, Карла Шмитта, Эрнста Юнгера и Арнольда Гелена. Сегодня эта боль или превратилась в ностальгию, или же, — основания для этого создали такие дополняющие друг друга движения мысли, как позитивизм и экзистенциализм, — уступила место некоей новой невинности — пусть даже и не именно той, которую некогда постулировал Ницше: кто сегодня все еще ведет дискуссию об истинности практических вопросов, тот в лучшем случае старомоден.

b) Возрождение буржуазных идеалов особенно заметно на примере восстановления теории демократии (которая, разумеется, с самого начала представлена в своей радикальной и ведущей к либерализму трактовке)⁴⁹. Реагируя на марксистскую критику буржуазной демократии Моска, Парето и Михельс ввели теорию господствующих элит в качестве реально-научного противоядия от естественно-правового идеализма. Шумпетер и

Макс Вебер внедрили эти элементы анти-Просвещения в теорию массовой демократии; в их трезвом пафосе еще отражается та жертва, которой, кажется, требует якобы лучшее понимание пессимистической антропологии. Новое поколение бойких сторонников теории элит находится уже по ту сторону цинизма и самосострадания; оно принимает Токвиля как достойного предшественника и с чистой совестью рекомендует новый элитизм в качестве простой альтернативы ночи тоталитаризма, в которой все кошки серы. Петер Бахрах⁵⁰ на примере «теории демократической власти элит», как она представлена Корнхаузером, Липсетом, Труманом и Дарендорфом, показал интересный процесс свертывания. Демократия больше уже не определяется посредством содержания жизненной формы, которая выражает универсализуемые интересы всех индивидов; она действует всего лишь как метод выбора вождей и их окружения. Под демократией больше не понимаются условия, при которых могли бы осуществиться все легитимные интересы путем реализации фундаментального интереса к самоопределению и участию; теперь она означает всего лишь ключ к распределению системно-конформных компенсаций, т. е. регулятор удовлетворения частных интересов; эта демократия делает возможным *благосостояние без свободы*. Демократия больше не связана с политическим равенством в смысле равного распределения политической власти, иными словами, шансов на *осуществление* власти; политическое равенство означает лишь скорее формальное право на равные шансы *доступа* к власти, т. е. «равную избираемость на властные позиции». Це-

лью демократии больше не является рационализация господства путем участия граждан в процессах *дискурсивного* волеобразования, скорее она должна делать возможными *компромиссы* между господствующими элитами. Тем самым, наконец, отбрасывается и субстанция классической теории демократии; отныне не *все* имеющие политические последствия процессы принятия решений, а лишь *дефинируемые в качестве политических* решения системы управления должны подчиняться принципам демократического волеобразования. Так, плюрализм элит, который заменяет самоопределение народа, делает осуществляемую частным образом общественную власть независимой от необходимости легитимации и невосприимчивой к принципу разумного волеобразования: в соответствии с новыми теориями власти предпосылки демократии соблюдены, «если (а) избиратели могут выбирать между конкурирующими элитами, (b) элитам не удастся сделать власть наследственной или перекрыть новым общественным группам доступ к позициям элит, (с) элиты зависят от поддержки меняющихся коалиций, так что ни одна исключительная форма власти не может взять верх, и (d) элиты, доминирующие в различных общественных сферах, — в экономике, образовании, искусстве — не могут образовать общего альянса»⁵¹.

с) В многосторонне дифференцированной в истории духа симптоматике разрушения практического разума, некоторые примеры которого я уже указывал, выражается смена позиций буржуазного сознания, допускающая различные интерпретации. Речь идет или о специфически-классово

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

приписываемых феноменах отказа от универсалистских требований, притязаний на автономию и ожиданий аутентичности, которые, как только им предъявляют иск, угрожают позднекапиталистическому классовому компромиссу; или же об общем движении против безальтернативно побеждающей (и вопреки своему буржуазному происхождению ставшей универсальной) культуры, т. е. против некоей фундаментальной, с точки зрения истории человеческого рода, жизненной формы, в которой логика общественного воспроизводства проигрывается через соотнесенные с истинной нормы. Радикальное толкование, которое ставит под вопрос модус социализации, можно сформулировать в тезисе «конца индивидуума».

Лапидарное утверждение Михаеля Ландмана «Три тысячелетия индивидуума закончены»⁵² еще можно понимать как остатки культурной критики, которая вместе со старой Европой видит гибель определенной исторической формации человеческого духа. Однако здесь я имею в виду все те непреклонные интерпретации, которые ставят образу буржуазного индивидуума смертельный диагноз в том смысле, что воспроизводство сверхкомплексных обществ *требует перестройки на уровне их прежних конституирующих элементов*. Вместе с историческим образом буржуазного индивидуума на передний план вышли те (еще нереализованные) притязания на автономную организацию «я» в рамках независимой, т. е. разумно обоснованной, практики, в которых логика всеобщего (пусть и неразвернутого, но зато с самого начала эффективного) обобществления истолковывается через индивидуацию. Если бы эта форма воспроизводства была бы

отброшена вместе с логически встроенными в нее императивами, это означало бы, что общественная система больше не может устанавливать свою целостность посредством образования идентичностей обобществленных индивидуумов: констелляция общего и особенного не была бы больше релевантной для агрегатного состояния общества.

Эту идею Хоркхаймер и Адорно обозначили как «Диалектику Просвещения», которую А. Веллмер резюмирует следующим образом: «Внешняя судьба, в которую людям приходилось впутаться ради эмансипации от своей природной обреченности, одновременно является и их внутренней судьбой; это судьба, которую разум претерпевает из-за самого себя. В конце концов, субъекты, ради которых и было начато покорение, овеществление и расколдовывание природы, оказываются настолько угнетенными, овеществленными и расколдованными самими собой, что их усилия по эмансипации вызывают собственную противоположность: усиление заблуждения, от которого они не могут избавиться. Уже с преодолением анимистической картины мира была задействована такая диалектика Просвещения, которая в капиталистическом индустриальном обществе доведена до той точки, в которой “человек для человека уже становится антропоморфизмом”»⁵³. Этот диагноз совпадает, не в обосновании, а в субстанции, с диагнозом Гелена и Шельски. Рефлексия Шельски о самопонимании человека в научной цивилизации приводит к тому, что «научно-технический процесс творения» порождает «тотальное освобождение от прежней истории» и «смену человеческой идентичности»: (...) это воспоминание о «челове-

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

ке» больше, чем всего лишь морально-идеологическая отдача научно-технического самопроизводства человека, она есть документация нового самоотчуждения человека, которое наступило вместе с научной цивилизацией. Опасность того, что творец потеряет себя в своем творении, а конструктор — в своей конструкции, является отныне метафизическим искушением человека. Человек приходит в ужас от перспективы окончательно обратиться в самопроизведенную объективность, в сконструированное бытие, однако вместе с тем он неустанно работает над продолжением этого процесса научно-технической самообъективации. Если человек с начала понимал и оплакивал восхождение рационально-технического мира труда как разрыв между собой и миром, как отчуждение некого старого “одушевленного единства” с миром, то новое единство человека с миром с помощью его конструирования и выработки из духа стало теперь угрозой идентичности человека, которую он только что обрел в результате этого разрыва. Выдерживание разрыва, это последнее требование Гегеля в отношении “разрушения эпохи”, еще сделало возможной идентификацию человека с его старой метафизической субъективностью именно потому, что последняя освободила ее от мира зарождающегося трудового общества; сегодня этот разрыв исторически уже уходит в прошлое, и метафизическая бездомность, которая навязывается новым единством-мира-человека, документируется в метафизической тоске по прошлому и фиксируется в воспоминании о свободе субъективности в процессе разрыва и отчуждения мира»⁵⁴. Шельски, правда, несколько изменяет последователь-

ности своей мысли, когда он (по крайней мере, в свое время) исходит из определенной позиции, трансцендирующей в целом сферу общества, и рекомендует «долгосрочную метафизическую рефлексию» в качестве соответствующей среды, посредством которой находящийся под угрозой индивидuum может избежать принуждения к объективации и снова выстроить себя по ту сторону «границ социального»: «Продолжающееся усиление рефлектирующего сознания производится именно посредством научно-технической объективации функций сознания; оно является формой, в которой мыслящий субъект всегда стремится опередить свое собственное опредмечивание и тем самым застраховать свое превосходство над своим собственным мировым процессом»⁵⁵.

Шельски написал эти слова за десять лет до появления «Негативной диалектики»; эти слова как нельзя лучше подходят к адорновскому понятию экзистенции. Однако Адорно гораздо последовательней, чем Шельски, не строит себе никаких иллюзий по поводу смерти буржуазного индивидуума; скорее он все еще видит в «институционализации долгосрочной рефлексии»⁵⁶ ревальвацию индивидуальности, которая просто маскирует ее уничтожение. В разделе «Глупый Август» Адорно замечает: «То, что индивидуум съеден с косточками, еще очень даже оптимистическое предположение. Если бы к его четкому отрицанию, к упразднению монады посредством солидарности, одновременно прилагалось бы спасение единичного существования, которое именно в его отношении к всеобщему впервые стало бы особенным. Теперешнее же состояние весьма далеко от этого.

Беда заключается не в радикальном угасании существовавшего прежде, а в том, что его, приговоренного историей, нейтрализуют и в беспамятстве позорно уволакивают прочь. Среди стандартизированных и управляемых человеческих единиц индивидуум продолжает существовать. Его даже охраняют и придают ему монопольную значимость. Однако в действительности он всего лишь функция своей собственной единичности, выставочный экземпляр, подобно тем уродцам, над которыми когда-то смеялись и потешались дети. А поскольку он не ведет больше никакого экономически самостоятельного существования, его характер вступает в противоречие с его объективной общественной ролью. Именно ради этого-то противоречия его и охраняют в заповеднике и потребляют в праздном созерцании»⁵⁷.

Дискуссии о блеске и нищете буржуазного субъекта обретают что-то слегка необязательное, поскольку мы, согласно Гегелю, вступаем на территорию истории сознания плохо вооруженными. Это становится очевидным в аргументации Б. Вилмса⁵⁸, который пытается с гегелевской фигурой мысли еще раз расположиться между Геленом и Луманом, проецируя формирование идентичности буржуазного индивидуума на уровень международных отношений и ставя знак равенства между блеском буржуазного субъекта и всемирно-исторической всеобщностью империалистической властной позиции (США и Европа), которая сегодня релятивируется Китаем и «третьим миром». В этом случае нищета буржуазного субъекта состоит в его непонятой партикулярности. Если читать гегелевскую философию права глазами Карла Шмитта, то можно

поступать таким образом; но тогда стоит задаться вопросом, не отражают ли формальные структуры речевой этики, в которых выражался буржуазный гуманизм от Канта до Гегеля и Маркса, *ничего*, кроме децизионистски присвоенной монополии определения человечеству — «история буржуазного общества — это история тех, кто определяет, кто же является человеком»⁵⁹. Или не представляет ли сама эта редукция скорее давно сыгранные и уже ставшие случайными мелодии буржуазного самоискалечивания, о чем заключает Адорно: «от критики буржуазного сознания остается лишь то пожимание плечами, которым все врачи выражают их тайное согласие со смертью»⁶⁰.

d) До сих пор еще не удавалось изъять тезис о конце индивидуума из области болезненности и опыта самоощущения интеллектуалов и сделать его доступным эмпирической проверке. Теперь субъективность не является чем-то внутренним, поскольку рефлексивность личности возрастает по мере самоотчуждения. Идентичность Я является символической структурой, которая вместе с возрастающей комплексностью общества должна центробежно удаляться все дальше от своей середины, чтобы стабилизироваться; личность все больше подставляет себя контингентностям, она все больше сдвигается во все более густую сеть взаимной незащитности и откровенной потребности в защите. Поэтому, начиная с Маркса, социально-структурные ограничения, которые сковывают процесс индивидуализации и переформируют всякую структуру вне-себя-у-себя-бытия (т. е. нарушают неустойчивый баланс между отчуждением и

присвоением), анализируются под названием «отчуждения». Между тем “alienation” стало со временем ключевым словом *социально-психологического направления в исследованиях*⁶¹.

Этциони определяет “alienation” как «отсутствие реакции мира на “актера”, которое подчиняет последнего силам, которые тот не может ни понять, ни направить»⁶². Далее он различает скрытую форму отчуждения, а именно неподлинность (“Uneigentlichkeit”), у которой, правда, в немецком языке совершенно иные коннотации, чем во французском: «Отношение, институт или общество являются не-аутентичными (inauthentic), если они обеспечивают появление реакции, когда исходные условия являются отчуждающими» (стр. 619). Эта дифференциация отражает прежде всего то обстоятельство, что в позднекапиталистических обществах феномены отчуждения отделились от проявлений пауперизации; однако прежде всего это различие принимает во внимание ту удивительную интегративную силу и эластичность общества, проявляющуюся в том, что социальные конфликты смещаются на уровень психических проблем, т. е. воспринимаются индивидуумами поначалу как личные проблемы, и что затем реполитизированные в форме протеста душевные конфликты могут улавливаться, т. е. могут быть трансформированы в административно решаемые проблемы и институционализированы в качестве доказательства действительно расширенного пространства толерантности. Студенческие протесты последних лет являются прекрасным наглядным материалом для иллюстрации этого процесса. Значительный импульс был направлен против пред-

восхищаемых стратегий захвата (*Vereinnahmung*), которые нужно было обходить с помощью изобретательных провокаций; но в общем и целом, именно это-то и не удалось. Вместо достижения того, чтобы нормативная власть институтов в форме открытого подавления была бы лишена этой возможности (что, впрочем, *тоже* произошло), порог толерантности был понижен; об университетских забастовках и гражданских инициативах в репортажах сообщается уже с сожалением добавлением «без инцидентов» — новые техники демонстраций изменили не более, чем уровень ожиданий. Так возникает серая зона, в которой общественная система может существовать с ею же вызванным, не (или еще не) институционализированным сопротивлением, без необходимости решения тех проблем, которые являются поводом, причиной и основанием этих протестов. Удары, направленные против стен, отскакивают от резиновых стенок.

Это метафорическое ограничение области некоторых феноменов ничего не объясняет; в лучшем случае оно показывает, что феномены отчуждения все больше заменяются проявлениями неаутентичности. Прежде всего неясно, как можно проинтерпретировать неаутентичность, следы которой Этциони обнаруживает в системе общественного труда, в политической публичной сфере, в отношениях групп и в самой системе личности⁶³. Идет ли здесь речь о не удерживаемой в долгосрочной перспективе под контролем реакции против продолжающегося нарушения нормативных структур, которые стоят на пути растущей потребности в управлении политико-экономической системой, или же о родовых схватках фундаментально нового модуса соци-

ализации? Возможно, *обе тенденции* — как тенденция политически освобожденного и стимулированного модуса социализации, который можно понять в соответствии с основоположениями стратегически-утилитаристской этики, так и тенденция политически обезвреженной и предоставленной субкультурам ненасытности, которая обходится программой непосредственного удовлетворения потребностей в расширенном пространстве контингентности, — найдут общий знаменатель в отказе от оправдания практики с помощью истинных норм.

Поскольку я не знаю, как можно разрешить этот вопрос непосредственно эмпирическим образом, я бы хотел проверить его опосредованно, руководствуясь лумановской теорией, которая исходит из *необсуждаемой предпосылки*, что сегодня системно необходимое обеспечение мотивации никоим образом не ограничивается «произвольной» системой норм, следующей собственной логике, а руководствуется лишь императивами управления.

5. КОМПЛЕКСНОСТЬ И ДЕМОКРАТИЯ

Луман рассматривает коммуникативную теорию, которая анализирует проблемы легитимации с оглядкой на дискурсивное разрешение нормативных притязаний на значимость, как «out of step с общественной реальностью»⁶⁴. Не обоснование норм и мнений, т. е. конституирование разумной практики, а вынужденность отбора у комплексных систем действия в мире, который случаен, т. е. мог бы быть иным, выбирает Луман в качестве

исходной проблемы: «Хабермас рассматривает субъекта как уже предшествующую intersубъективность, прежде всего как потенциал истинностного обоснования; субъектность человека заключается для него в возможности привести разумные обоснования в intersубъективной коммуникации и, соответственно, смириться с подобными обоснованиями другой стороны или с опровержением собственных обоснований. Однако он тем самым затрагивает лишь побочный (и к тому же, как мне кажется, обусловленный эпохой и давно преодоленный) аспект, который предполагает гораздо более глубоко применяемое понятие субъекта»⁶⁵. Попытка «традиционное притязание западной гуманности под именем разума связать с подобным понятием субъекта» должна была бы привести к систематической недооценке проблемы сложности мира: «Субъект должен мыслиться прежде всего как контингентная избирательность» (S. 327). Проблемы господства и распределения, которые возникают в перспективе классовой структуры общества, устарели⁶⁶; они выдают «староевропейскую» перспективу, при которой скрываются подлинные проблемы, возникающие с точки зрения альтернативных областей и возможностей принятия решений.

«Возможно почти все, и почти ничего я не могу изменить» — это предложение выражает лумановский основной опыт. Его можно было бы проинтерпретировать так, что высококомплексные классовые общества по причине их производственного потенциала, с одной стороны, значительно расширили пространство возможностей контроля своего окружения и самоорганизации; однако, с другой

стороны, вследствие своего естественным образом сформировавшегося принципа организации, они подчиняются ограничениям, которые предотвращают автономное использование абстрактных пространств возможностей и, кроме того, имеют своим следствием превышение ими же самими созданной комплексности окружающего мира (которой можно было бы избежать)⁶⁷. В действительности же Луман интерпретирует упоминаемый опыт в противоположном смысле. Общественная система с радикально расширенным пространством контингентности обретает такую степень свободы, при которой она оказывается под растущим давлением проблем и решений: структуры и состояния комплексных общественных систем, по меньшей мере в сфере организации и политики, стали случайными, а тем самым и практически выбираемыми, но так, что выбор из открывшихся альтернатив представляет собой проблему, релятивирующую все остальные. После того как Луман провел различие между определенной и неопределенной комплексностью системы и окружающего мира⁶⁸, то уже не (неопределенная) комплексность окружающего мира, а его комплексность, ставшая определимой благодаря системно-релятивным проектам окружающего мира, т. е. превышение самой системой собственных возможностей разрешения проблем, образует, собственно, проблему редукции. Высоко-комплексные общественные системы должны изнурять себя проблемами, вытекающими из их растущей автономии, т. е. необходимостью, являющейся результатом их свободы.

Как только выявлен этот приоритет в отношении стоящих проблем, дальнейшие шаги опреде-

ляются сами собой. Проблема комплексности мира требует эссенциалистского и исключительного применения понятия системы. Из этого следует: (1) комплексные общества больше не удерживаются и не интегрируются с помощью нормативных структур; их целостность больше не производится intersubъективно посредством коммуникации, происходящей в головах обобществленных индивидуумов; системная интеграция, рассматриваемая с точки зрения управления, все больше становится независимой от социальной интеграции, достигаемой в аспектах жизненного мира. (2) Отсоединенное от системной идентичности самопонимание индивидуума, равно как и миропонимание, скатывается, если оно остается «староевропейским», т. е. ориентированным на нормативные притязания, в провинциализм; или же оно полностью освобождается от ориентации на нормы и приводит индивидуума к осознанию системы, в которой тот учится «проектировать бесконечно открытый, онтически неопределенный случайный мир, выдерживать его и использовать в качестве основания всех избирательных переживаний и действий»⁶⁹. (3) Воспроизводство высококомплексных обществ зависит от выделившейся системы управления, от политической подсистемы. В результате возрастания ее возможности обрабатывать информацию и ее индифферентности по отношению к остальным социальным подсистемам политическая система обретает уникальную автономию в обществе: «Политика больше не может считать предпосланными свои основания принятия решений, она должна создавать их сама. Она сама должна обеспечивать собственную легитим-

ность в ситуации, которая как с точки зрения шансов достижения консенсуса, так и с точки зрения желаемых результатов дефинирована открыто и структурно неопределенно»⁷⁰. Отделение легитимационной системы от управления делает возможной автономию процессов принятия решений по отношению к Input'у генерализованных мотиваций, ценностей и интересов. (4) Поскольку общественная система больше не может конституировать мир, который определял бы идентичность подсистем⁷¹, функцию политики больше невозможно понять, глядя на вытребованную обществом у административной системы «правильную» политику; «формулируя вкратце, речь идет о том, что политическая система больше не может вывести свою идентичность из общества, особенно если она полагается обществом именно как контингентная, т. е. могущая быть иной, система. Поэтому в том состоянии сознания, которое больше невозможно описать староевропейскими понятиями, она должна идентифицировать себя посредством структурного выбора»⁷². При таких предпосылках бессмысленно стремиться к повышению рефлексивности управления за счет его соотнесения с обществом посредством дискурсивного волеобразования и участия: «Процессы принятия решений (...) являются процессами исключения других возможностей. Они порождают больше “Нет”, чем “Да”, и чем рациональнее они протекают, чем больше они проверяют иные возможности, тем выше процент исключения. Требовать от всех интенсивного, ангажированного участия в этих процессах означало бы сделать фрустрацию принципом. Тот, кто понимает демократию таким

образом, должен в действительности прийти к тому, что она несовместима с рациональностью»⁷³.

(5) Новый системно-теоретический подход влечет за собой притязующую на универсальность языковую систему, которая интерпретирует себя путем трансформации классических базовых понятий (таких как политика, господство, легитимность, власть, демократия, общественное мнение и т. д.)⁷⁴ в противоположность конкурирующим подходам. Каждый из этих системно-теоретических переводов является одновременно и критикой неадекватности «староевропейского» образования понятий, которые устарели с эволюционным сдвигом в сторону постсовременного общества. После того, как проблема комплексности мира переняла инициативу, проблема разумной организации общества вместе с мотивообразованием посредством истинных норм лишилась своего предмета.

Сложноразрешимой проблеме отношений *комплексности и демократии* можно придать рабочий формат скорее всего на уровне теории планирования. Дискуссии последних десяти лет по вопросам планирования⁷⁵ привели помимо прочего к противопоставлению двух типов политики, в которых выражаются стили планирования: плюралистически-инкременталистская процессуальная политика, которая ограничивается преимущественно планированием, принимающим во внимание условия, с одной стороны, и, с другой — рационально-понимающая системная политика, которая требует главным образом программного планирования⁷⁶. Оба эти типа можно рассматривать как соответствующее окончание той шкалы, на которой могут быть отражены модели действия и реакции плани-

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

рующих бюрократий. Если мы возьмем другое измерение, а именно участие затронутых процессом планирования членов социальной системы, то получим следующие типы политики:

Участие затронутых лиц	Стиль планирования	
	Инкременталистский	Понимающий
Допускается	А	В
Не допускается	С	Д

Участие означает: общее и равное с точки зрения шансов участие в дискурсивных процессах волеобразования. В соответствии с этим определением тип политики С должен исключать привычные стратегии смягчения и избегания конфликта, которые характеризуют плюралистический тип А, т. е. вынесение за скобки противоречивых целей и ценностей, а также ограничение переговорных процессов до целерационального воплощения целей, по поводу которых возможен консенсус; формалистическое обособление обязательных переговорных процедур по отношению к содержаниям; тщательное сегментирование сфер планирования и т. д.⁷⁷ Аналогичным образом тип Д несовместим с технократическими отступлениями в выдвинутую сферу предметного принуждения, с превращением практических вопросов в технические, т. е. с такой невосприимчивостью специалистов в отношении латентных или подавленных разногласий между затронутыми лицами, которая характеризует нацеленное на избегание конфликтов поведение типа В.

Лумановская теория планирования выделяет для комплексных обществ лишь один из этих типов

политики, а именно «понимающее» и не-партиципаторное планирование (В). Это происходит вовсе не путем практической рекомендации; в гораздо большей степени Луман надеется показать, что воспроизводство высококомплексных обществ не оставляет никакого другого выбора, кроме как закрепить необходимую рефлексивность общества не в демократически организованной общественности, а в административной системе, в достаточной мере огражденной от партий и публики: «О политизации администрации можно говорить (...) в той степени, в какой сама администрация рефлексивна свое место в политической системе общества и, соответственно, идентифицирует себя в качестве контингентной, т. е. способной быть и иной»⁷⁸. Этот тезис опирается на а) описание взаимодействий между администрацией и прочими общественными подсистемами, б) на каузальную гипотезу о наблюдаемых ограничениях возможностей административного планирования и с) на базовую эволюционно-теоретическую предпосылку.

ad а) Комплексные общества в качестве центра управления выделили административную систему, которая, по Луману, переняла главенство у других социальных подсистем. Автономная администрация обладает общей компетенцией для всех проблем управления, которые остаются неразрешенными в обществе; причем администрация компетентна не только в смысле ответственности, но и в смысле способности разрешения проблем. Поскольку в обществе не существует структур, которые в итоге не находились бы ее распоряжении, то невозможно выделить ника-

кой класс проблем, при работе над которыми администрации принципиально приходилось бы наталкиваться на границы собственных возможностей. Этим описанием Луман обобщает тот опыт, который в действительности позволяет сделать вывод об удивительных самоадаптивных механизмах позднекапиталистических обществ.

С другой стороны, существует также достаточная очевидность для постоянно *ad hoc* возникающих границ возможностей административного планирования и для чисто реактивного модуса движения бюрократии, уклоняющейся в стратегии избегания. Политэкономическая теория планирования, которая понимает подобный опыт как управление кризисами, приходит к противоположной трактовке, что административная система зависит от своего окружения и особенно от собственной динамики экономической системы. Я заострил этот тезис в том смысле, что пространство свободы действий административной системы ограничено с *двух* сторон: при управлении экономической системой — параметрами порядка собственности, который не находится в ее распоряжении, а при обеспечении мотиваций — произвольно развившимися нормативными структурами, которые несовместимы с подавлением универсализуемых интересов.

ad b) Между двумя конкурирующими описаниями, которые подчеркивают или автономию, или зависимость госаппарата, выбор можно сделать разве что с помощью аргумента убедительности⁷⁹. Однако от описания административной системы зависит то, как объясняются наблюдаемые ограничения ее возможностей планирования. Луман возводит де-

фицит рациональности к тому, что выделение администрации, обособляющейся от политики, продвинулось пока не слишком далеко: «Возможности дифференциации политики и администрации обнаруживаются в усилении функции селекции и прежде всего в возможности с политической, в узком смысле этого слова, точки зрения так варьировать предпосылки административного действия, а именно организацию, персонал и программы, чтобы варьирование структур не влияло при этом на их структурирующие функции. (...) Собственная структура управления означает собственные возможности, которые не должны быть идентичны ожиданиям окружающего мира. Эта нетождественность окружающему миру дает шанс самоуправлению также и на уровне возможностей. Однако одновременно при такой дифференциации, в том числе конституирования возможностей, также следует принять риск того, что те проблемы, которые решает политическая система, не являются проблемами общества»⁸⁰. Дефициты рациональности, по Луману, могут быть преодолены лишь в той мере, в какой сама администрация создает для себя независимую от общества идентичность и понимает себя как инстанцию расширения горизонта возможностей и тематизации исключенных альтернатив. До тех пор пока администрация остается зависимой от input'ов общественности и партийной политики, с одной стороны, и от участников и заинтересованной клиентуры — с другой, должна сдерживаться саморефлексия, усиливающая селективность. Точку схода чуждого политике выделения администрации, способной к понимающему планированию, Луман видит в слиянии науки и администрации,

которое одновременно приостановило бы автономию науки и соединило бы прежде разъединенные среды власти и истины: «В том объеме, который мог бы вызвать политическую рефлексию и поспособствовать сокращению дефицита рефлексии [администрации], исследовать себя может лишь *сама* администрация. В этом смысле “политизация” в конечном итоге сводится к сопряжению научного *само*-исследования структурной селекции, которое могло бы поставить под вопрос классическое разделение переживания и действия, познания и решения, истины и власти»⁸¹. Этим утверждением Луман высказывает *свою* версию конца индивидуума: ускоренное возрастание комплексности вынуждает общество к переходу на такую форму воспроизводства жизни, которая отказывается от разделения между властью и истиной в пользу лишенного рефлексии естественного хода развития⁸².

В настоящий момент я вижу три конкурирующих объяснения. *Нашольд*, в противоположность Луману, выводит узкие места административного планирования из слишком большой независимости администрации по отношению к политическому волеобразованию. Он полагает, что политические возможности управления могут увеличиться лишь посредством расширенного участия вовлеченных лиц в планировании⁸³. «Обобществление политических процессов управления» — это единственная еще открытая опция для высвобождения прежде не используемых ресурсов и энергии достижения, при этом, правда, возникает риск того, что объем процессов участия не может в должной мере удерживаться под контролем. *Нашольд* принимает во внимание многофункциональное использование

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

планирования участия. Участие может служить целям манипуляции лояльностью масс, улучшения информации (раннее предупреждение, принятие во внимание ценностей) и облегчения работы бюрократии с помощью организаций самопомощи; эти функции кажущегося участия расширяют контроль администрации над своим окружением. Не совсем ясно, считает ли Нашольд, что участие в введенном мною смысле участия в дискурсивном волеобразовании (Нашольд говорит об «участии как о средстве индивидуального и коллективного обретения идентичности и самоорганизуемости как, помимо прочего, предварительном условии участия в плюралистской политике распределения», S. 43) означает «производительную силу для повышения вариативности политической системы».

Оффе отстаивает, как показано выше, ту точку зрения, что противоречивые императивы управления экономической системы представляют собой непреодолимые ограничения рациональности для госаппарата в позднем капитализме. Обобществление политических процессов управления в смысле четко понимаемого планирования участия преодолело бы сложности административного планирования, поскольку тем самым были бы преодолены те селективные классовые структуры, которые являются причиной совокупного производства комплексности окружающего мира, которой можно было бы избежать.

Наконец, *Шарпф* замечает эти ограничения, которые при позднем капитализме собственная динамика экономической системы налагает на государство; однако даже освобожденная от подобных ограничений политика «была бы обескуражена не-

предсказуемостью развития, обезоружена неожиданностью своих последствий и фрустрирована контраинтуитивными результатами собственных планов, если бы мощностъ ее систем информации и принятия решений не шла бы в ногу с этими требованиями»⁸⁴. Однако, в отличие от Лумана, Шарпф рассчитывает на некие имманентные управлению пределы возрастания комплексности. Если сегментированная структура принятия решений, которая не соответствует структуре взаимозависимых проблем, будет преодолена ради «понимающего» планирования в централизованных структурах принятия решений, то политическое планирование очень быстро достигнет той границы, где чрезвычайная комплексность проблем (выражающаяся в высокой степени их взаимозависимости) будет превосходить возможности обработки информации и достижения консенсуса. «Даже если бы в процессе принятия решений не присутствовали никакие устоявшиеся интересы и сопротивление изменениям, опирающееся на потенциалы власти, то (...) попытка синхронной проблематизации и позитивно скоординированного изменения взаимозависимых сфер принятия решений по ту сторону более определенной, однако наверняка разочарующе узко проведенной границы необходимым образом должна была бы закончиться фрустрацией из-за тотальной невозможности изменения» (S. 177).

Лумановское допущение принципиально безграничного расширения административных возможностей управления, которое обособляет администрацию по отношению к политике и делает ее местом эксцентричной саморефлексии общества благодаря присоединению экономической системы, едва ли

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

можно было бы подкрепить показателями из сферы опыта политического планирования; правда, системно-логические аргументы говорят о том, что участие, которое представляет собой не просто завуалированную форму манипуляции, должно скорее ограничивать, нежели повышать возможности административного планирования. Рационализационный эффект «обобществления политических процессов управления» сложно определить, поскольку демократизация должна была бы, с одной стороны, *сокращать* (лишь системно-специфически неизбежную) комплексность, производимую собственной неподконтрольной динамикой экономического процесса, однако в то же время вводить в игру (системно неспецифическую) *неизбежную* комплексность универсализованных дискурсивных процессов волеобразования. Возможно, практическая рациональность нормативного состояния, связанного с универсализуемыми интересами, в условиях системной рациональности порождает больше издержек, чем сокращает их. Однако баланс не должен быть негативным, если пределы комплексности, которые, согласно пониманию Шарпфа, встроены в сам процесс рационализации администрации, достигаются очень скоро. Тогда именно *такая* комплексность, неизбежно вытекающая из логики лишенной границ коммуникации, была бы как преодолена другой комплексностью, столь же неизбежно вытекающей из самой логики «понимающего» планирования.

ad c) Лумановскую опцию не-партиципаторного, полномасштабного системного типа планирования, воплощенного в отделившейся от политики саморефлексивной администрации, при сегодняш-

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

нем состоянии дискуссии о планировании, невозможно обосновать с помощью убедительных аргументов. Конечно же, эмпирическая очевидность *сегодняшнего дня* свидетельствует скорее против этой представленной Луманом опции. В конце концов, Луман опирается не на исследования в области теории планирования, а на основоположения эволюционистской теории. По его мнению, проблемы сокращения комплексности окружающего мира и увеличения комплексности систем имеют главенствующее значение для эволюции общества, так что только возможности управления оказываются решающими при определении уровня развития общества. И это ни в коей мере не является тривиальным допущением, поскольку вполне возможно, что эволюционный сдвиг в сфере картин мира и моральных систем может оплачиваться ценой де-дифференциации системы управления, и даже без риска, т. е. без угрозы (изменившемуся) состоянию стабильности системы. Луман не тематизирует, как мне кажется, свои предпосылки, в гораздо большей степени он предрешает их самым выбором своего теоретического подхода.

Для структуры теории планирования выбор понятия рациональности является определяющим. В основании теорий планирования, ориентированных на *логичность принятия решений*, лежит понятие *рациональности действия*, возникшего в парадигме целерационального выбора альтернативных средств. Модель рационального действия подходит и для теорий рационального выбора, и для техник планирования в области стратегического действия. Однако границы этой модели становятся видны при попытке развить

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

эмпирически содержательные теории для социальных систем: стратегический для теории выбор понятия субъективной рациональности действия означает принятие предварительного решения в пользу нормативных подходов и методологического индивидуализма⁸⁵. В основании же *системно-теоретически* ориентированных теорий планирования лежит понятие объективной рациональности, вытекающее из парадигмы саморегулирующихся систем. Модель *системной рациональности* подходит для эмпирически содержательных теорий в отношении тех предметных областей, в которых можно идентифицировать образования, которые однозначно отграничиваются от своего окружения и однозначно определяют свои нормативные состояния; тогда (и лишь тогда) можно определить стабильность и, соответственно, ультрастабильность, исходя из доступного в опыте состояния системы. Поскольку сохранение различных обществ или социальных подсистем до сих пор было не так просто определить, теоретически стратегический выбор понятия системной рациональности оказывается выбором (как минимум) из трех альтернатив: или действовать нормативно, т. е. установить границы и целевые состояния исследуемой социальной системы (пример тому предлагает исследовательская практика социологии организации⁸⁶; однако сюда же относится и предложенное Этциони понятие «активного общества», опирающееся на *постулированные* основные потребности⁸⁷); или действовать радикально-функционалистски, т. е. искать функциональные соответствия в заданном контексте при произвольно варьируемых точках соотнесения (Луман); или же, наконец, по-

ставить социологическое применение системной теории в зависимость от (искомых) теории социальной эволюции, которая должна сделать возможным установление уровня развития и тем самым пограничных значений системных изменений, угрожающих идентичности⁸⁸. И наконец, в основе *коммуникативно* ориентированных теорий планирования⁸⁹ лежит понятие практической рациональности, которое можно вывести из парадигмы волеобразующих дискурсов (и развить в виде консенсусной теории истины). Эту модель я упоминал в третьем подразделе. Она подходит для критического исследования констелляций интересов, лежащих в основании нормативных структур; этот процесс нормативного генезиса должен, конечно же, сочетаться с системно-теоретическим подходом, чтобы внести вклад в адекватную теорию социальной эволюции.

Выбор понятия рациональности оказывается предрешением логического статуса теории планирования. Теории планирования, основанные на идее логического принятия решений, являются нормативно-аналитическим процессом, т. е. техниками планирования. Системно-теоретические теории планирования могут также нормативно-аналитически реализовываться; в зависимости от уровня их притязаний речь идет или о технической помощи в планировании, или о нормативно ориентированных теориях, понимающих планирование как политический процесс. Универсально-функционалистская теория планирования Лумана, которая выступает также в виде системной теории, понимает себя в качестве принципиально оппортунистической и обходит противоречие между эмпирически-

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

аналитическими и нормативно-аналитическими процедурами. Ее статус лучше всего определяется как «прагматический»: исследование систем само является частью жизненного процесса, подпадающего под закон повышения селективности и снижения комплексности. Коммуникативная теория планирования также избегает подобных альтернатив, но по другим причинам: кроме дескриптивных высказываний о действующих нормах, с одной стороны, и прескриптивных высказываний, касающихся выбора норм, — с другой, она методически допускает критически оценивающие высказывания о возможности обоснования (или уже существующих, или же еще только предлагаемых) норм, т.е. высказывания о разрешимости нормативных притязаний на значимость. Обоснуемые нормы равны истинным утверждениям: они не являются ни фактами, ни ценностями. Из этого вытекает следующая схема (см. таблицу).

Статус теории	Понятия рациональности		
	Целерациональность	Системная рациональность	Практическая рациональность
Эмпирическо-аналитический	---	Биокибернетика	---
Нормативно-аналитический	Различные техники планирования	Теория планирования как политический процесс	---
Ни эмпирическо-аналитический, ни нормативно-аналитический	---	Универсальный функционализм	Критическая теория общества

Посредством методологического выбора между универсально-функционалистским и критически-реконструктивным подходом имплицитно решается также и вопрос, который был поставлен мною в третьей части этого исследования: по-прежнему ли воспроизводство общественной жизни привязано к разуму, или, конкретнее, по-прежнему ли производство мотивов связано с интериоризацией норм, нуждающихся в обосновании. Если это больше не так, то нормативно-генетическая реконструкция исторически возникших институций и систем истолкования стала беспредметной, а теоремы кризиса больше не могут быть сконструированы. И напротив, Луман не может допустить «разумную» в заданном смысле конституцию общества, поскольку системная теория, вследствие своей понятийной стратегии, принадлежит и подчиняется принципиально оппортунистическому жизненному процессу. Против лумановской исследовательской стратегии говорит, по крайней мере, *один* тяжеловесный аргумент: в то время как критическая теория общества может не справиться с изменившейся реальностью, универсальный функционализм должен предполагать, т. е. предрешать на аналитическом уровне, что подобное изменение модуса социализации и «конец индивидуума» уже наступили.

6. ПАРТИЙНОСТЬ ДЛЯ РАЗУМА

На фундаментальный вопрос о сохранении конститутивного для общества истинностно зависимого модуса социализации, как мы видим, не так легко ответить. Это могло бы навести нас на мысль

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

о том, что речь здесь вообще идет не о теоретически разрешимом, а о практическом вопросе, должны ли мы разумным образом *хотеть*, чтобы социальная идентичность образовывалась в головах обобществленных индивидуумов или же приносилась в жертву будь-то предполагаемой, будь-то действительной проблеме комплексности. Ставить вопрос *таким образом* означает, конечно же, отвечать на него: то, должны ли сохраняться составные части разумной жизненной формы, не может стать предметом разумного волеобразования, которое само зависит от этих составных частей. Для этого потребовался бы, пожалуй, призыв к партийности разума. С другой стороны, в качестве занятия позиции (*Parteinahme*) это можно *обосновывать* лишь до тех пор, пока альтернативы возникают *внутри* уже привычной и разделяемой коммуникативной жизненной формы. Как только возникает альтернатива, которая разрывает этот круг предрешенной интересубъективности, единственная универсализуемая партийность, а именно интерес к разуму, сама становится партикулярной. Одну такую альтернативу предлагает Луман, подчиняя на методологическом уровне все сферы интеракции, управляемые дискурсивно разрешимыми притязаниями на значимость, властным системно-рациональным или усиливающим власть притязаниям лишенной центра администрации безо всякой возможности апелляции, т. е. без того, чтобы эти притязания на монополию, как это было еще в «*Левиафане*», могли бы измеряться масштабами практической рациональности.

Эта перспектива не впервые вводит «старую европейскую» мысль в искушение. Позиция против-

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

ника принята уже тогда, когда отступают перед трудностями Просвещения и ради разумной организации общества переходят к акционизму: а именно отталкиваются от децизионистского начала в надежде на то, что после удачного действия для возникших издержек ретроспективно найдутся оправдания⁹⁰. Столь же мало партийность разума оправдывает отступление в марксистски обрاملенную ортодоксию, которая сегодня может привести в лучшем случае к неаргументированному установлению отгороженных и лишенных политических последствий субкультур. Оба пути непригодны для практики, связывающей себя с разумной волей, иными словами, не уклоняющейся от необходимости обоснования, а требующей теоретической ясности по поводу того, чего мы *не* знаем. Даже если бы мы сегодня не знали намного больше, чем это показывает данный набросок аргументации, и даже если бы этого знания было недостаточно, это обстоятельство все равно не удержало бы нас от критической попытки проверить на прочность границы допустимой нагрузки позднего капитализма, и уж точно, это не сломило бы решимости начать борьбу против стабилизации общественной системы за счет ее граждан, т. е. за счет староевропейского человеческого достоинства.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. См. также мое послесловие к кн.: *Erkenntnis und Interesse* (1973).

I. ПОНЯТИЕ КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

1. C. Offe, *Spätkapitalismus — Versuch einer Begriffsbestimmung // Strukturprobleme des kapitalistischen Staates*. Frankfurt, 1972, S. 7ff.

2. K. Löwith, *Weltgeschichte und Heilsgeschehen*. Stuttgart, 1953

3. H. P. Dreitzel (Hrsg.), *Sozialer Wandel*. Neuwied, 1967; L. Sklair, *The Sociology of Progress*. London, 1970.

4. R. Koselleck, *Kritik und Krise*, Freiburg 1961; J. Habermas, *Theorie und Praxis*. Frankfurt, 1971, S. 244.

5. J. Zeleny, *Die Wissenschaftslogik und das Kapital*. Frankfurt, 1968; H. Reichelt, *Zur logischen Struktur des Kapitalbegriffs bei K. Marx*. Frankfurt, 1970; M. Godelier, *System, Struktur und Widerspruch im «Kapital»*. Berlin, 1970; M. Mauke, *Die Klassentheorie von Marx und Engels*. Frankfurt, 1970.

6. M. Jänicke (Hrsg.), *Herrschaft und Krise*. Opladen, 1973, См. статьи Jänicke, K.W. Deutsch, W. Wagner.

7. J. Habermas, N. Luhmann, *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie? Frankfurt, 1971, S. 147.*

8. Это понятие аномии в социальных науках разрабатывалось начиная с Дюркгейма до Мертона, прежде всего в Мертоновских

ПРИМЕЧАНИЯ

исследованиях аномического и в особенности криминального поведения. См. резюме в кн.: Т. Moser, *Jugendkriminalität und Gesellschaftsstruktur*. Frankfurt, 1970.

9. P. Berger, Th. Luckmann, *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit*. Frankfurt, 1969.

10. Феноменология (А. Шюц) и социальная кибернетика определяются понятийными стратегиями, которые стилизируют один из этих двух аспектов соответственно. Из функционализма социальных наук исходят попытки принять во внимание двойной аспект общества и соединить парадигмы жизненного мира и системы (Парсонс исследует в своих *Working Papers* категориальную связь теории систем и теории действия; Этьенна определяет способность к контролю и образованию консенсуса как два измерения системы; Луман переформулирует феноменологически введенное понятие «смысл» в системно-теоретическом ключе. Эти попытки крайне полезны для проблемы адекватной концептуализации общественных систем, но они ее не разрешают, поскольку структуры интересубъективности до сих пор не были в достаточной степени исследованы, а компоненты общественных систем еще не были точно определены).

11. Под социокультурной системой в дальнейшем я буду понимать как культурные традиции (систему культурных ценностей), так и институты, которые посредством процессов социализации и профессионализации наделяют эти культурные традиции нормативной силой.

12. C. Offe, *Krise und Krisenmanagement*, in: Jänicke, *Herrschaft und Krise*, а.а.О., S. 197 ff.

13. Habermas, Luhmann, *Theorie der Gesellschaft*, S. 221 und S. 239. Луман за это время разработал свою теорию коммуникационных медиа как самостоятельную часть *наряду* с системной и эволюционной теориями.

14. D. Lockwood, *Social Integration and System Integration*, in: Zollschan, Hirsch (Hrsg.), *Explorations in Social Change*. London, 1964, S. 244. Этот подход в дальнейшем был разработан Герхардом Брандтом (Gerhard Brandt).

ПРИМЕЧАНИЯ

15. H.M. Baumgartner, *Kontinuität und Geschichte*. Frankfurt, 1972.

16. K. Eder, *Komplexität, Evolution und Geschichte*, in: F. Maciejewski (Hrsg.), *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie?* Suppl. I. Frankfurt, 1973, S. 9.

17. Этот тезис я намерен развить в рамках теории коммуникативного действия.

18. См. мои замечания по поводу теории коммуникативной компетенции в кн.: Habermas, Luhmann, S. 142.

19. Тем самым я не хочу утверждать, что внутренние правила системы науки могут удовлетворительно объяснить историю науки. См.: G. Böhme, W. van den Daele, W. Krohn, *Alternativen in der Wissenschaft*, Z. F. S. 1972, S. 302; те же, *Finalisierung der Wissenschaft*, Z.F.S. 1973.

20. R. Döbert, G. Nuunner, *Konflikt und Rückzugspotentiale in spätkapitalistischen Gesellschaften* (Manuskript MPIL, S. 14 f.); R. Döbert, *Die methodologische Bedeutung von Evolutionstheorien für den sozialwissenschaftlichen Funktionalismus — diskutiert am Beispiel der Evolution von Religionssystemen*, Diss. Phil. Frankfurt, 1973; ср. также интересное построение: N. Luhmann, *Religion — System und Sozialisation*. Neuwied, 1972, S. 15ff.

21. По поводу понятия логики развития применительно к когнитивной психологии развития см.: L. Kohlberg, *Stage and Sequence: The Cognitive Developmental Approach to Sozialisation*, in: D. A. Goslin (Ed.), *Handbook of Sozialisation*. Chicago, 1969, S. 347ff.

22. K. Eder, *Mechanismen der sozialen Evolution* (Manuskript MPIL).

23. A. Mitscherlich, *Krankheit als Konflikt*, 2 Bde. Frankfurt, 1966/67; K. Brede, *Sozioanalyse psychosomatischer Störungen*. Frankfurt, 1972.

24. H. Plessner, *Die Stufen des Organischen und der Mensch*. Berlin, 1928.

25. Habermas, Luhmann, *Theorie der Gesellschaft*, S. 155.

ПРИМЕЧАНИЯ

26. В системных теориях общественного развития Дойтча (K.W. Deutsch, *Nerves of Government*, 1963) и Этциони (A. Etzioni, *The Active Society*, 1968) в центре анализа поэтому по праву стоят понятия обучения, которые, правда, слишком узки, чтобы охватить дискурсивное обучение.

27. J. Habermas, *Wahrheitsteorien*, в: *Festschrift für Walter Schulz*, Pfullingen; к логике дискурса: St. Toulmin, *The Uses of Argument*. Cambridge, 1964; P. Edwards, *Logic of Moral Discourse*. New York, 1955.

28. J. Habermas, *Wozu noch Philosophie?*, в: *Philosophisch-politische Profile*. Frankfurt, 1971.

29. По поводу этого понятия см.: N. Luhmann, *Wirtschaft als soziales Problem*, в: *Soziologische Aufklärung*. Opladen, 1970, S. 226.

30. D. Bell, *The Post-Industrial Society: The Evolution of an Idea*, в: *Survey*, 1971, S. 102 ff.

31. T. Parsons, *Societies // Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs, 1966; G. Lenski, *Power and Privilege*. New York, 1966; Sahlins, *Service, Evolution and Culture*. Ann Arbor, 1968; также Eder, *Mechanismen der sozialen Evolution*, a.a.O.

32. C. Levi-Strauss, *Das wilde Denken*. Frankfurt, 1968, Kap. I; M. Sahlins, *Stone Age Economy*. Chicago, 1972.

33. R. L. Caneiro, *A Theory of the Origin of the State // Science*, 1970, S. 733.

34. *Ibid.*, S. 736.

35. Здесь я использую выражение «частный» не в узком смысле современного гражданского права, а лишь в смысле «привилегированного» обладания.

36. См. исследования истории понятия: M. Riedel, *Studien zu Hegels Rechtsphilosophie*, Frankfurt 1969; *Bürgerliche Gesellschaft und Staat bei Hegel*. Neuwied, 1970.

37. Max Weber, *Wirtschaft und Gesellschaft*. Köln, 1956, S. 1034.

38. См. также: N. Luhmann, *Knappheit, Geld und die bürgerliche Gesellschaft // Jahrbuch für Sozialwissenschaft*, Bd. 23. 1972, S. 186.

ПРИМЕЧАНИЯ

39. Эта модель, которая должна обозначить вершину сложно-го исторического процесса развития. На тему системной истории капитализма и по сей день одной из лучших систематизирующих работ является: M. Dobb, *Studies in the Development of Capitalism*. London, 1947.

40. По поводу вопроса о понятиях «определяемые интересом» (“*interessengeleitet*”) versus «ценностно ориентированные» (“*wertorientiert*”) см.: Habermas, Luhmann, *Theorie der Gesellschaft*, S. 251.

41. O. Brunner, *Das Zeitalter der Ideologien // Neue Wege zur Sozialgeschichte*. Göttingen, 1956; K. Lenk (Hrsg.), *Ideologie*. Neuwied, 1961.

42. См. мою работу: *Vorbereitenden Bemerkungen zu einer Theorie der kommunikativen Kompetenz*.

43. Похожую реконструкцию «диалектики» предлагает: H. Pilot, *J. Habermas' empirisch falsifizierbare Geschichtsphilosophie // Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie*. Neuwied, 1969, S. 307, S. 310.

44. J. Habermas, *Erkenntnis und Interesse*. Frankfurt, 1968, S. 234.

45. H. Neuendorff, *Der Begriff des Interesses*. Frankfurt, 1973.

46. Работы Адорно направлены на критику культуры, которая неизбежно привязана к критике товарного фетишизма. См.: T. W. Adorno, *Kulturkritik und Gesellschaft // Prismen*, Frankfurt, 1955, S. 7.

47. S. Tsuru, *Has Capitalism Changed?* Tokio, 1961.

II. КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ КАПИТАЛИЗМЕ

1. См.: E. Hobsbawm, *Europäische Revolutionen*. Zürich, 1962.

2. S. Hymer, *Multinationale Konzerne und das Gesetz der ungleichen Entwicklung*; J. O'Connor, *Die Bedeutung des ökonomischen*

ПРИМЕЧАНИЯ

Imperialismus // D. Senghaas (Hrsg.), Imperialismus und strukturelle Gewalt. Frankfurt, 1972.

3. M.D. Reagan, The Managed Economy. New York, 1963; A. Shonfield, Modern Capitalism. London, 1965; P.K. Crosser, State Capitalism in the Economy of the U.S. New York, 1960; J. Galbraith, The New Industrial State. London, 1967; M. Weidenbaum, The Modern Public Sector. New York, 1969; S.Melman, Pentagon Capitalism. New York, 1970.

4. J. O'Connor, The Fiscal Crisis of the State, S. Francisco (в печати). Модель трех секторов О'Коннора основана на американском примере, которая для ФРГ и других европейских стран должна быть модифицирована. См.: U. Rödel, Zusammenfassung kritischer Argumente zum Status der Werttheorie und zur Möglichkeit einer werttheoretischen Krisentheorie (Manuskript MPIL).

5. По поводу функционалистского понятия обеспечения легитимности см.: T. Parsons, Voting and Equilibrium of the American Political System, in: Burdick, Brodbeck, American Voting Behaviour. Glencoe, 1959.

6. См. мое введение к: J. Habermas, L. v. Friedenburg, Ch. Oehler, F. Wetz, Student und Politik, Neuwied 1961; J. Habermas, Strukturwandel der Effentlichkeit. Neuwied, 1962.

7. J. Habermas, Technik und Wissenschaft als "Ideologie". Frankfurt, 1968, S. 76.

8. J. Schumpeter, Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie. Berlin, 1950, S. 448.

9. См. к примеру, Патенау, Берле (Berle) и Минза (Means).

10. C. Offe, Politische Herrschaft und Klassenstrukturen // Kress, Senghaas (Hrsg.), Politikwissenschaft. Frankfurt, 1969, S. 155.

11. J. Strachey, Kapitalismus heute und morgen. Düsseldorf, 1957.

12. См.: J. O'Connor, The Fiscal Crisis of the State.

13. W. Vogt, Eine Theorie der ökonomischen Stagnation // Leviathan, H. 2. 1973.

ПРИМЕЧАНИЯ

14. См.: C. Offe, Politische Herrschaft.
15. См.: N. Luhmann, Knappheit, Geld und bürgerliche Gesellschaft, S. 194.
16. См.: U. Rödel, Zusammenfassung kritischer Argumente.
17. J. Galtung, Eine strukturelle Theorie des Imperialismus // D. Senghaas (Hrsg.), Imperialismus und strukturelle Gewalt. Frankfurt, 1972; F. Fröbel, J. Heinrichs, O. Kreye, O. Sunkel, Internationalisierung von Arbeit und Kapital: Entwicklung und Unterentwicklung (Manuskript MPIL).
18. D. Meadows, Grenzen des Wachstums. Stuttgart, 1972.
19. К.М. Meyer-Abich, Die ökologische Grenze des Wirtschaftswachstums // Umschau 72 (1972), H. 29, S. 645.
20. См. ниже стр. 178.
21. N. Luhmann, Soziologie des politischen Systems // Soziologische Aufklärung. Opladen, 1970, S. 170.
22. C. F. v. Weizsäcker (Hrsg.), Kriegsfolgen und Kriegsverhütung. München, 1971.
23. См.: R. E. Mandel, Der Spätkapitalismus. Frankfurt, 1972.
24. J. Hirsch, Wissenschaftlich-technischer Fortschritt und politisches System. Frankfurt, 1970, S. 248.
25. C. Offe, Tauschverhältnis und politische Steuerung // Strukturprobleme des kapitalistischen Staates. Frankfurt, 1972, S. 27.
26. Этот тезис развивает Г. Маркузе. См.: H. Markuse, Konterrevolution und Revolte, Ffm, 1973.
27. См.: R. Döbert, Die methodologische Bedeutung von Evolutionstheorien.
28. Маркс развивает эту идею в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». См. также N. Poulantzas, The Problem of the Capitalist State // New Left Review. 1969, S. 67.
29. W. Müller, Gh. Neusüß, Die Sozialstaatsillusion // SoPo 1970, S.4; Altvater, Zu einigen Problemen des Staatsinterventionismus // Jänicke, Herrschaft und Krise, S. 170.
30. См. выше Altvater, S. 181.
31. См. выше Müller, Neusüß, Die Sozialstaatsillusion.

ПРИМЕЧАНИЯ

32. J. O'Connor, *The Fiscal Crisis of the State*.

33. Предложенные здесь аналитические различия возникли в результате дискуссий с Зигрид Мойшель (Sigrid Meuschel).

34. P. Mattick, *Marx und Keynes*. Boston, 1969, S. 128 und S. 188; U. Rödel, *Forschungsprioritäten und technologische Entwicklung*. Frankfurt, 1972, S. 32.

35. См. H. Holländer, *Das Gesetz des tendenziellen Falls der Profitrate*. Regensburg, 1972.

36. E. Altvater, F. Huiskens (Hrsg.), *Materialien zur Politischen Ökonomie des Ausbildungssektors*. Erlangen, 1971.

37. A. Sohn-Rethel, *Die Ökonomische Doppelnatur des Spätkapitalismus*. Neuwied, 1972. Он возводит изменение производства прибавочной стоимости к изменениям в структуре производства и заработной платы.

38. O'Connor различает абсолютное, относительное и «непрямое» производство прибавочной стоимости.

39. U. Rödel, *Zusammenfassung kritischer Argumente*.

40. Это выражение было введено Р. Гильфердингом.

41. Маркс говорит об историческом и моральном элементах в вопросе определения стоимости рабочей силы в качестве товара. *Капитал*, т. I, стр. 179.

42. Institut für Gesellschaftswissenschaften ZK SED (Hrsg.), *Imperialismus heute*. Berlin 1965; R. Gündel, H. Heiningen, P. Hess, K. Zieschang, *Zur Theorie des staatsmonopolistischen Kapitalismus*. Berlin, 1967.

43. M. Wirth, *Kapitalismustheorie in der DDR*. Frankfurt, 1972.

44. J. Hirsch, *Funktionsveränderungen der Staatsverwaltung in spätkapitalistischen Industriegesellschaften // Bl. f. dt. u. int. Politik* 1969, S. 150.

45. C. Offe, *Klassenherrschaft und politisches System*, S. 66.

46. Там же, стр. 78.

47. См. ниже, стр. 110.

48. J. Hirsch, *Wissenschaftlich-technischer Fortschritt*, S. 248.

49. К. Оффе говорит о «политической дилемме технократии».

ПРИМЕЧАНИЯ

50. Это является следствием вторжения *языка* системной теории в самопонимание государственной администрации.

51. St. Cohen, *Modern Capitalist Planning*. Cambridge, 1969.

52. H. Arndt, *Die Konzentration der westdeutschen Wirtschaft*, Pfullingen 1966; J. Hufschmid, *Die Politik des Kapitals*, Frankfurt, 1970; G. Kolko, *Besitz und Macht*. Frankfurt, 1967.

53. F. W. Scharpf, *Planung als politischer Prozel* // *Die Verwaltung* 1971; *Komplexität als Schranke der politischen Planung* // *PVJ* 4/1972, S. 168.

54. R. Funke, *Exkurs über Planungsrationaliät* (Рукопись MPIL); *Organisationsstrukturen planender Verwaltung*, Darmstadt 1973.

55. C. Offe, *Tauschverhältnis und politische Steuerung*, S. 27.

56. F. Naschold, *Organisation und Demokratie*. Stuttgart, 1969; *Komplexität und Demokratie* // *PVJ* 1968, стр. 494; см. также критику тезиса Лумана в: *PVJ* 1969, стр. 324 и замечание Насхольда: там же, стр. 326; далее см.: S. Streeck, *Parteiensystem und Status quo*. Frankfurt, 1972.

57. M. Edelman, *The Symbolic Uses of Politics*. Chicago, 1964; M. Edelman, *Politics as Symbolic Action*. Chicago, 1971.

58. H. G. Gadamer, *Wahrheit und Methode*. Tübingen, 1969.

59. A. Wellmer, *Kritische Gesellschaftstheorie und Positivismus*. Frankfurt, 1969, S. 42.

60. J. Habermas, *Bewußtmachende oder rettende Kritik?* // *Zur Aktualität Walter Benjamins*. Frankfurt, 1972, S. 173.

61. В ФРГ дискуссия была инициирована Робинсоном: S. B. Robinsohn, *Bildungsreform als Revision des Curriculum*. Neuwied, 1967.

62. Интересные аргументы развивает У. Оверман (U. Oevermann) в своей рукописи об исследовательских стратегиях Института исследований в сфере образования (Institut für Bildungsforschung. Berlin, 1970).

63. H. E. Bahr (Hrsg.), *Politisierung des Alltags*. Neuwied, 1972; C. Offe, *Bürgerinitiativen* // *Strukturprobleme*, op. cit., S. 153.

ПРИМЕЧАНИЯ

64. R. Mayntz, Funktionen der Beteiligung bei öffentlicher Planung // Demokratie und Verwaltung. Berlin, 1972, S. 341.

65. См.: H.P. Widmaier, Machtstrukturen im Wohlfahrtsstaat, Regensburger Diskussionsbeiträge zur Wirtschaftswissenschaft, 1973.

66. A. Shonfield, Modern Capitalism, op. cit.

67. C. Offe, Krisen und Krisenmanagement, op. cit.

68. J. Habermas, Zur Logik der Sozialwissenschaften. Frankfurt, 1970, S. 290.

69. Неудача "basic-personality-approach" в культурной антропологии показывает, что предположения, основанные на простом культурном переносе, неверны. Более убедительная модель социализации содержит в себе предложение Оверманна, Креппнера и Краппманна (Oevermann, Kräppner, Krappmann, Elternhaus und Schule, Institut für Bildungsforschung Berlin, рукопись).

70. Соответствий между нормативными и мотивационными структурами следует ожидать скорее для онтогенетических стадий морального сознания: L. Kohlberg, Stage and Sequence: The Cognitive Developmental Approach to Socialisation // Goslin (Ed.), Handbook of Socialisation. Theory and Research. Chicago, 1969, S. 397.

71. J. Habermas, Naturrecht und Revolution // Theorie und Praxis, S. 89.

72. G. A. Almond, S. Verba, The Civic Culture. Boston, 1965.

73. К вопросу о историческом подтексте этой категории см.: С. В. Macpherson, Besitzindividualismus. Frankfurt, 1972.

74. M. Müller, H. Bredekamp, Autonomie der Kunst. Frankfurt, 1972.

75. H. Marcuse, Kontrrevolution und Revolte. Frankfurt, 1973.

76. D. Käsler (Hrsg.), Max Weber, München 1972; W. Schluchter, Aspekte bürokratischer Herrschaft. München, 1972, S. 236.

77. R. Döbert, G. Nummer, Konflikt- und Rückzugspotentiale, op. cit.

78. G. Nummer-Winkler, Chancengleichheit und individuelle Förderung. Stuttgart, 1970.

ПРИМЕЧАНИЯ

79. D. Hartung, R. Nuthmann, W. D. Winterhager, Politologen im Beruf, Stuttgart 1970. W. Armbruster, H. J. Bodenhöfer, H. J. Hartung, R. Nuthmann, Expansion und Innovation (Manuskript Institut für Bildungsforschung). Berlin, 1972.

80. C. Offe, Leistungsprinzip und industrielle Arbeit. Frankfurt, 1970.

81. См. выше стр. 107.

82. R. Bendix, Der Glaube an die Wissenschaft. Konstanz, 1971.

83. J. Mittelstrass, Das praktische Fundament der Wissenschaft. Konstanz, 1972.

84. A. Hauser, Sozialgeschichte der Kunst und Literatur Bd. II. München, 1953, S. 44.

85. D. Bell, The Cultural Contradictions of Capitalism // Public Interest. Fall, 1970, S. 16.

86. K. Kenniston, Youth and Dissent. New York, 1971, S. 387.

87. R. Döbert, G. Nummer, Konflikt- und Rückzugspotentiale.

88. K. Kenniston, Young Radicals. New York, 1968.

89. R. Döbert, G. Nummer, Konflikt- und Rückzugspotentiale; O. Negt, A. Kluge, Effentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisationsanalyse von bürgerlichen proletarischer Effentlichkeit. Frankfurt, 1972.

III. К ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМ ЛЕГИТИМАЦИИ

1. M. Weber, Die Typen der Herrschaft // Wirtschaft und Gesellschaft. Köln, 1956, Bd. I, S.157.

2. Ibid., Bd. II, S. 701.

3. G. Lenski, Power and Privilege, S. 43.

4. Wirtschaft und Gesellschaft, Bd. I, S. 158.

5. Ibid., S. 157.

6. Ibid., Bd II, S. 157

7. Ibid., S. 160, 703.

ПРИМЕЧАНИЯ

8. Ch. Siara, *Bürgerliches Formalrecht bei Max Weber*, Дипломная работа, 1968.

9. N. Luhmann, *Soziologie des politischen Systems*, S. 167.

10. Ders., *Positives Recht und Ideologie // Soziologische Aufklärung*, а. а. О., S. 180.

11. N. Luhmann, *Legitimation durch Verfahren*. Neuwied, 1969, S. 51.

12. Ibid. S. 139.

13. Ibid. S. 240.

14. «Структуры сводят внешнюю комплексность мира к сильно зауженной и упрощенной сфере ожиданий, которые предполагаются в качестве поведенческих предпосылок и обычно не ставятся под вопрос. Иными словами, они всегда основываются на *заблуждениях (Täuschungen)* (...) особенно в отношении действительного потенциала человеческих действий, а поэтому должны быть готовы иметь дело с разочарованиями (*Enttäuschungen*)» (Ibid. S. 233).

15. Winkelmann, *Legitimität und Legalität in Max Webers Herrschaftssoziologie*. Tübingen, 1952, S. 75.

16. Ibid., S. 72.

17. K. Jaspers, *Max Weber*. Oldenburg, 1932.

18. W. J. Mommsen, *Max Weber und die deutsche Politik*, Tübingen 1959, S. 418: «Если Винкельман хочет обнаружить в веберовской теории демократического господства так называемые “имманентные пределы легитимации” ценностно-рационального характера, которым ограничивается чисто формальный легализм, то это является совершенно ложной интерпретацией».

19. Habermas, Luhmann, *Theorie der Gesellschaft*, S. 243.

20. K. Popper, *Die offene Gesellschaft und ihre Feinde* Bd. I. Bern, 1957, Kap. 5: *Natur und Konvention*, S. 90.

21. L. Stevenson, *Ethics and Language*. New Haven, 1950; D. H. Monro, *Empiricism and Ethics*, 1967.

22. R. M. Hare, *Die Sprache der Moral*. Frankfurt, 1972.

23. K.H. Ilting, *Anerkennung // Probleme der Ethik*. Freiburg, 1972.

ПРИМЕЧАНИЯ

24. Н. Albert, Traktat über kritische Vernunft, Kap. III, S. 55. Миттельштрасс (J. Mittelstrass, Das praktische Fundament der Wissenschaft, Konstanz 1972, S. 18) совершенно справедливо отмечает, что попперовско-альбертовская трилемма впервые возникает из-за немотивированного приравнивания дедуктивного обоснования к обоснованию вообще; Апель (K. O. Apel, Das Apriori der Kommunikationsgemeinschaft // Transformation der Philosophie, Frankfurt 1973, Bd. II, S. 405) различает дедуктивное и трансцендентальное обоснование и связывает нерелексивность критического рационализма с характерным для него невниманием к прагматической стороне аргументации: «Если предположить абстрактность прагматического пространства знаков, то не существует никакого человеческого субъекта аргументации, а значит, и возможности рефлексии для нас всегда уже предполагаемых условий возможности аргументации. Вместо этого существует бесконечная иерархия метаязыков, метатеорий и т. д., в которых одновременно и выражается, и скрывается рефлексивная компетентность человека как субъекта аргументации. (...) И тем не менее мы знаем совершенно точно, что наша рефлексивная компетентность, или точнее, саморефлексия человеческого субъекта мыслительных операций, на уровне синтаксическо-семантических систем априорно вынесенная за скобки, скрывается за апорией бесконечного регресса и делает возможным, к примеру, нечто вроде доказательства неразрешимости в смысле Гёделя. Именно в установлении необъектируемости субъективных условий возможности аргументации, в синтаксическо-семантической модели аргументации выражается саморефлексивное знание трансцендентально-прагматического субъекта аргументации» (Ibid., S. 406).

25. J. Dewey, The Quest for Certainty. New York, 1929.

26. St. Toulmin, The Uses of Argument; K. Apel, Von Kant zu Peirce. Die semiotische Transformation der Transzendentalen Logik // Transformation der Philosophie, S. 157.

27. J. Habermas, Wahrheitstheorien, op.cit.

28. Grice, The Grounds of Moral Judgement. Cambridge, 1967.

ПРИМЕЧАНИЯ

29. K. Baier, *The Moral Point of View*, Ithaca 1958; M. G. Singer, *Generalisation in Ethics*. London, 1963.

30. P. Lorenzen, *Normative Logic and Ethics*. Mannheim, 1969; *Szientismus versus Dialektik // Festschrift für Gadamer*. Tübingen, 1970, Bd. I, S. 57; O. Schwemmer, *Philosophie der Praxis*. Frankfurt, 1971; S. Blasche, O. Schwemmer, *Methode und Dialektik // M. Riedel (Hrsg.), Rehabilitierung der praktischen Philosophie I*. Freiburg, 1972, S. 457.

31. P. Lorenzen, *Normative Logic and Ethics*, S. 74.

32. O. Schwemmer, *Philosophie der Praxis*, S. 194.

33. Цит. по рукописи, которая скоро выйдет в изданном Фридрихом томе теоретических дискуссий о практической философии.

34. См. также K. O. Apel, *Das Apriori der Kommunikationsgemeinschaft und die Ethik*, S. 358. В этой замечательной работе, в которой Апел резюмирует свою масштабную попытку реконструкции, развернута основная посылка коммуникативной этики, состоящая в том, «что поиск истины, основанный на предположении intersубъективного консенсуса, должен также предвосхищать и мораль идеального коммуникативного сообщества» (S. 405). Правда, и у Апеля при этом также возникает остаточная децизионистская проблематика: «кто ставит вполне важный вопрос об оправдании морального принципа, тот уже участвует в дискуссии, и ему можно — совершенно в соответствии с предложенным Лоренцем и Швеммером способом реконструкции разума — показать то, что он “уже всегда” признавал его в качестве основополагающего принципа и что он должен признавать этот принцип в качестве *условия возможности и действительности аргументации* с помощью намеренного его подтверждения. Тот, кто этого не видит или не признает, тот тем самым выходит из дискуссии. Однако тот, кто не участвует в дискуссии, тот вообще не может ставить вопрос о легитимации этических основополагающих принципов, а потому *это просто бессмысленно* говорить о бессмысленности его вопроса и рекомендовать ему бравое решение, основанное на вере» (S. 420–421). Всякое «намеренное подтверждение» мо-

ПРИМЕЧАНИЯ

жет, однако, быть стилизовано под экзистенциальный акт, до тех пор пока не принимается во внимание то, что дискурсы допускаются в жизненный контекст не только случайно, а систематически, чья по сути хрупкая *фактичность состоит* в признании дискурсивных притязаний на значимость. Тот же, кто не участвует в аргументации или не готов к участию в ней, тем не менее «всегда уже» находится в контексте *коммуникативного действия*. Поступая так, он уже наивно признал — даже контрафактически выдвигаемые — притязания на значимость, содержащиеся в речевых актах и разрешаемые лишь дискурсивно. В противном случае ему пришлось бы исключить себя из коммуникативно организованной языковой игры повседневной практики. *Фундаментальное* заблуждение методологического солипсизма распространяется на признание возможности не только монологического *мышления*, но и монологического *действия*: абсурдным является представление о том, что способный к речи и действию субъект мог бы сделать нормой пограничный случай коммуникативного действия, а именно монологическую роль действующего инструментально и стратегически, и не потерять при этом своей идентичности. Социокультурная форма жизни коммуникативно обобществленных индивидов производит в *каждом* акте взаимодействия «трансцендентальную видимость» чистого коммуникативного действия и одновременно структурно указывает каждому акту взаимодействия на возможность идеальной речевой ситуации, при которой принятые в действии притязания на значимость могут проверяться дискурсивно (Habermas, Luhmann, Gesellschaftstheorie, S. 136). Если коммуникативное сообщество понимать *прежде всего* как сообщество взаимодействия, а не аргументации, действия, а не дискурса, то тогда, помимо всего прочего, можно исследовать важные с эмансипаторной точки зрения отношения между «реальным» и «идеальным» коммуникативным сообществом (Apel, *ibid.*, S. 429) с позиций идеализации чистого коммуникативного действия (см. мое введение к: Theorie und Praxis. Frankfurt, 1971, а также мое послесловие к: Erkenntnis und Interesse. Frankfurt, 1973).

ПРИМЕЧАНИЯ

35. H. Schelsky, Mehr Demokratie und mehr Freiheit? // FAZ от 20.01.1973, стр. 7.

36. J. Habermas, Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik // Hermeneutik und Ideologiekritik. Frankfurt, 1971, S. 120.

37. P. Lorenzen, Szientismus versus Dialektik, op. cit.

38. J. Habermas, Einige Bemerkungen zum Problem der Begründung von Werturteilen // 9. Dt. Kongress für Philosophie. Meisenheim, 1972, S. 89.

39. C. Offe, Klassenherrschaft und politisches System, S. 85.

40. J. Habermas, Erkenntnis und Interesse, S. 344.

41. G. Schmid, Luhmanns funktional-strukturelle Systemtheorie, PVJ 1970, S. 186.

42. J. Habermas, Technik und Wissenschaft als "Ideologie", S. 137.

43. P. Berger, The Sacred Canopy. New York, 1967, S. 22.

44. Levi-Strauss, Das Ende des Totemismus. Frankfurt, 1965; Strukturele Anthropologie, Frankfurt 1967, S. 181; Mythologica I, II. Frankfurt, 1971/72.

45. T. Rendtorff, Theorie des Christentums. Gütersloh, 1972, S. 96.

46. C.F. von Weizäcker, Die Einheit der Natur. Stuttgart, 1971.

47. Nietzsche, Werke, ed. Schlechta, Bd. III, S. 635.

48. Ibid., Bd. III, S. 480.

49. J. Habermas, Naturrecht und Revolution // Theorie und Praxis, S. 89.

50. P. Bachrach, Die Theorie der demokratischen Eliteherrschaft. Frankfurt, 1967.

51. Ibid., S. 8

52. M. Landmann, Das Ende des Individuums. Stuttgart, 1971.

53. A. Wellmer, Kritische Gesellschaftstheorie und Positivismus, S. 139.

54. H. Schelsky, Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation // Auf der Suche nach Wirklichkeit. Düsseldorf, 1965, S. 468.

ПРИМЕЧАНИЯ

55. H. Schelsky, Ortsbestimmung der deutschen Soziologie. Düsseldorf, 1959, S. 96.

56. H. Schelsky, Ist Dauerreflexion institutionalisierbar? // Auf der Suche nach Wirklichkeit, Op. cit., S. 250.

57. T.W. Adorno, Minima Moralia. Frankfurt, 1951, S. 251.

58. B. Willms, Revolution oder Protest, Op.cit., S. 11.

59. B. Willms, System und Subjekt // Theorie der Gesellschaft, Suppl I. Frankfurt, 1973.

60. T.W. Adorno, Minima Moralia, Op.cit., S. 109.

61. L.S. Feuer, What is Alienation? The Career of a Concept // Stein, Vidich (Eds.), Sociology on Trial, Englewood Cliffs, 1963; см. также работы К. Kenniston, R.D. Laing, G. Sykes по вопросам анонимии, "urban problems", проблем идентичности и т.д.

62. A. Etzioni, The Active Society. New York, 1968, S. 618.

63. Ibid., S. 33.

64. Habermas/Luhmann, Theorie der Gesellschaft, Op.cit., S. 293.

65. Ibid., S. 326.

66. Ibid., S. 327.

67. W. D. Narr, C. Offe, Wohlfahrtsstaat und Massenloyalität. Köln, 1973.

68. Habermas/Luhmann, Theorie der Gesellschaft, Op. cit., S. 300.

69. N. Luhmann, Komplexität und Demokratie, Op. cit., S. 316.

70. Ibid., S. 317.

71. N. Luhmann, Politikbegriffe und die "Politisierung" der Verwaltung // Demokratie und Verwaltung. Berlin, 1972, S. 211, S. 221.

72. Ibid., S. 220.

73. Komplexität und Demokratie, Op. cit., 319.

74. N. Luhmann, Politische Planung. Opladen, 1971, предисловие.

75. L. C. Gawthrop, Administrative Politics and Social Change. New York, 1971; Ronge, Schmiege (Hrsg.), Politische Planung in

ПРИМЕЧАНИЯ

Theorie und Praxis. München, 1972; Ronge, Schmieg (Hrsg.), Restriktionen politischer Planung. Bremen, 1972.

76. N. Luhmann, Politikbegriffe, Op. cit., S. 225.

77. L.C. Gawthrop, Administrative Politics, Op. cit., S. 42.

78. Luhmann, Politikbegriffe, S. 225; Selbstthematizierungen des Gesellschaftssystems // ZFS 1973, S. 21.

79. F. Naschold, Zur Politik und Ökonomie der Planung // PVJ Sonderheft 4, 1972, S. 13.

80. Luhmann, Politikbegriffe, Op. cit., S. 224.

81. Ibid., S. 227.

82. A. Gehlen, Über Kristallisation // Studien zur Anthropologie. Neuwied, 1963, S. 311.

83. F. Naschold, Politik und Ökonomie, Op. cit., S. 43.

84. Scharf, Komplexität als Schranke der politischen Planung, a. a. O., S. 169.

85. M. Fester, Vorstudien zu einer Theorie kommunikativer Planung, ARCH. 1970, S. 43ff.

86. R. Mayntz (Hrsg.), Bürokratische Organisation. Köln, 1968; dies. (Hrsg.), Formalisierte Modelle in der Soziologie. Neuwied, 1967.

87. Etzioni, The Active Society, a. a. O., S. 622ff.

88. См. выше.

89. M. Fester, Vorstudien, a. a. O., S. 67ff.; см. также результаты исследования: BmBW, Methoden der Prioritätenbestimmung I. Bonn, 1971.

90. Оффе развивает экспериментальную теорию акционизма: «Проблема теории государства, желающей доказать классовый характер политического господства, состоит в том, что она как теория, т. е. как объективирующее представление функций государства и его интересов, вообще невозможна; лишь практика классовой борьбы разрешает ее притязания на познание. (...) Эта ограниченность теоретической способности к познанию теперь, однако, обусловлена не недостаточностью его методов, а структурой его предмета. И его не объяснить с помощью классовой теории.

ПРИМЕЧАНИЯ

Упрощая, можно сказать, что политическое господство в капиталистических индустриальных обществах является методом классового господства, которое невозможно распознать как таковое» (Offe, Strukturprobleme, a. a. O., S. 90/91.) Оффе исходит из того, что классовый характер государства, предполагаемый им, вообще не доступен объективирующему познанию. По моему мнению, нам не нужно разделять это предположение, поскольку введенную выше модель подавляемых, но универсализуемых интересов можно прекрасно применить при реконструкции не-принятия-решений, правил отбора и латентных феноменов. Но даже если бы нам пришлось принять это предположение Оффе, его аргументация осталась бы несостоятельной. Предположим, что задачу устранения классовой структуры можно было бы обосновать, принимая следующие точки зрения:

- практика, которая может себя обосновать, является независимой, т. е. разумной практикой;
- требование практики, которая может быть обоснована, разумно там, где действия могут повлечь за собой политические последствия;
- а тем самым разумно желать упразднения общественной системы, которая может выдвинуть нормативные притязания на значимость лишь контрафактически, т. е. не может легитимировать свою практику, поскольку структурно подавляет универсализуемые интересы.

Если бы классовый характер нашей системы господства был бы нераспознаваем, как утверждает Оффе, то революционное действие в лучшем случае могло бы опираться на предположения, которые ретроспективно оказываются истинными или ложными. До тех пор пока классовый характер не распознается, политическое действие невозможно легитимировать на основании универсализуемых интересов; оно остается неразумной практикой. Однако неразумную практику (какую бы цель она ни провозглашала) невозможно выделить по отношению к любой *другой* практике посредством доводов (даже по отношению к явно фашистской). Од-

ПРИМЕЧАНИЯ

нако своим осуществлением с помощью воли и сознания подобная практика разрушает те (и именно те) обоснования, которые единственно и могли бы быть приняты во внимание для упразднения классовой структуры.

Теперь подобные соображения не должны никому помешать принять децизионистскую модель действия — ей часто вообще не остается никакой иной альтернативы. Однако тогда действуют субъективно, и при оценке риска *можно* знать, что политические последствия этого действия вменяемы лишь морально. Это также предполагает веру в силу практического разума. Правда, даже тот, кто *сам* сомневается в практическом разуме, мог бы знать, что он не только действует субъективно, но и изымает само свое действие из сферы аргументации. Однако тогда и *теория* акционизма является избыточной: выполнение действия должно быть самодостаточным. *Необоснуемые* надежды, связанные с их успехом, не могут ничего добавить к действию; безотносительно к аргументации оно в гораздо большей степени должно быть осуществлено ради самого себя — независимо от того, сколько риторики применяется, чтобы вызвать его как эмпирическое событие.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адорно, Теодор 145, 205, 207, 209, 237
Альберт, Ханс 175–176, 179
Алмонд, Г.А. 129–130
Бахрах, Петер 202
Беньямин, Вальтер 144–145
Бенн, Готтфрид 201
Вебер, Макс 40, 64, 134, 159, 161, 165, 174, 202
Веллмер, Альбрехт 205
Верба, С. 129–130
Винкельман, Йоханнес 165–166, 244
Гартман, Николай 166
Гегель Г.В.Ф. 9, 49, 206, 208–209
Гелен, Арнольд 201, 205, 208
Гофманн, В. 65
Грайс, Р. 179
Гэлбрейт, Джон Кеннет 124
Джеймс, Уильям 152
Дюркгейм, Эмиль 158, 193, 233
Илтинг, К. 170–173
Кант, Иммануил 150, 179, 209
Ландман, Михаэль 204
Лоренцен, Пауль 180, 186, 246
Луман, Никлас 16, 118, 163, 166, 167, 208, 212–214, 219–222, 224–228, 230–231, 234, 241
Маркс, Карл 10, 32, 47–49, 52–53, 55, 56, 68, 88–89, 96–98, 188, 209, 239–240
Маркузе, Герберт 133, 239
Мертон, Р. 233
Михельс, Роберт 201
Монро, Д.Х. 169
Моска, Гаэтано 201
Нашольд, Ф. 123, 222–223
Ницше, Фридрих 200–201
О'Коннор, Д. 117, 139, 238
Оффе, Клаус 80, 102, 112, 125, 188, 190, 223, 240, 250–251
Парето, Вильфредо 201
Парсонс, Толкотт 158, 234
Пирс, Чарльз Сандерс 177
Поппер, Карл 174
Стивенсон, Л. 169
Тулмин, С. 177
Фрейд, Зигмунд 158
Функе, Р. 111
Хеар, Р. 170
Хирш, Д. 105

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Хоркхаймер, М. 205	Швеммер, О. 180–181, 246
Шарпф, Ф.В. 111, 223–225	Шумпетер, Йозеф 64, 201
Шелер, Макс 166	Энгельс, Фридрих 87
Шельски, Хельмут 184,
205–207	Этциони, Амитаи 210, 211,
227, 234, 236
Шиллер, Фридрих 133	Юм, Дэвид 169
Шмитт, Карл 163, 201, 208	Юнгер, Эрнст 201

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Автономия 26, 144, 204, 214
- буржуазного искусства 143–144
 - госаппарата 220
 - науки 222
 - политической системы 215
 - систем 15, 20, 23, 26–27, 29, 37, 39
 - экономической системы по отношению к государству 155
- Аномия 12, 69, 194, 233, 234
- Баланс
- антропологический 73
 - международный 75
 - экологический 71
- Бюрократия 36, 102, 110, 112, 218, 220
- Власть (Macht) 15, 27–28, 36, 37, 39, 48, 54, 64, 67, 70, 90, 94, 100, 108, 115, 146, 163, 167, 183–185, 202–203, 211, 217, 222, 224, 231
- административная 98
 - государственная 146, 163
 - легитимная 17, 40, 78, 80, 97–98, 108, 116
 - системы 21, 23, 27, 29
 - социальная 48
 - экономическая 17
 - элит 130
- Выбор, рациональный 74, 109, 112, 226–227
- Господство (Herrschaft) 16, 36, 40, 43–44, 64, 86, 101, 165–167, 203, 213, 217, 244, 251
- классовое 36, 40, 43, 45, 48, 65, 89, 99, 115, 241–242
 - легальное 163–165
 - легитимное 42, 89, 159–162
 - рациональное 161–163, 165–166
- Государство (Staat) 12, 17, 36, 40–41, 59, 60, 63, 64, 66, 86, 87, 148, 155, 156, 163, 223, 250–251
- всеобщего благосостояния 61, 125, 139
 - докапиталистическое 62
 - конституционное 42
 - либерально-капиталистическое 83, 93
 - интервенционистское 58, 88, 114

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- при позднем капитализме 78–80, 87–99, 103–105, 107–110, 115–116, 124
- социальное 15
- фашистско-авторитарное 126
- Действие (Handlung) 9, 14, 16, 28, 49–50, 69, 74–76, 102, 105–109, 111–112, 116, 120, 149, 168, 177–179, 181, 193, 212, 217, 221, 226–227, 234, 235, 244, 252
- инструментальное 21 – 23, 35
- коммуникативное 7, 22–23, 134, 187, 246, 247
- стратегическое 50, 107, 134, 150, 187, 226
- целерациональное 55, 109, 115, 134
- ценностно-ориентированное 41, 187
- Демократические теории элит 64, 202
- Демократия 63, 99–100, 126, 129, 183–184, 201–203, 216–217, 219
- Дискурс 16, 31–32, 52, 119–122, 148, 150–151, 166, 174, 176–180, 182–183, 187, 188, 192–193, 228, 236, 247
- Жизненный мир (Lebenswelt) 8, 14, 28–29, 31, 55, 193, 215, 234
- Идеология, идеологические формы сознания 16, 24, 25, 37, 42–43, 48, 50, 54–55, 62, 83, 99, 119, 129–134, 137, 145, 185
- кризисная (Krisenideologie) 13
- системы господства 167
- товарного фетишизма 55
- успеха 64, 136
- эквивалентного обмена 46, 147
- Идентичность 9–12, 19, 25, 29, 36, 39, 43, 45–46, 67, 71, 74–75, 77, 79, 84, 117, 120, 138, 152–154, 193–195, 198, 205, 206, 208, 215–216, 221, 223, 228, 230, 247
- групповая и Я-идентичность (Ich-Identität) 12, 209
- Индивидуум 193–194, 197–198, 204–205, 207–210, 215, 222, 230–231
- Индивидуализм 130, 133, 139, 140, 227
- Интеграция 21–24, 27–29, 37, 39, 50, 73, 82, 157
- системная 10, 12–14, 18, 20, 35–36, 43, 45,

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 46, 51, 54, 79, 115, 117, 215
- социальная 12–14, 37, 39, 42–47, 52, 54, 82, 86, 115, 215
- Интерсубъективность**,
языковая 22–23, 28–29, 74, 172, 180, 213, 215, 231, 234
- Интерес, интересы** 37, 41, 42, 44, 50, 52, 54, 79–80, 85, 99–104, 106–109, 111, 117, 123, 127, 149, 151, 157, 160, 168, 171–173, 178–179, 182–184, 186 – 190, 192, 202, 216, 220, 224–225, 237, 251
- Инфляция** 66, 67, 78, 88, 104
- Искусство** 132–133, 142–145, 203
- постауратическое 83, 141–143, 152
- Истина** 16, 23, 24, 51, 52, 135, 153, 158–162, 168, 177, 178, 193, 195, 198–300, 222, 228, 246
- Капитализм**
- государственно-регулируемый 8, 55–61
- либеральный 34, 44, 44–46, 52, 55, 58, 62, 64, 67, 77, 83, 86, 89, 95, 99, 147
- организованный 34, 56, 57, 65, 93, 148
- поздний 7, 27, 57, 65, 67–70, 77, 79–80, 83, 87, 94–95, 100–102, 114, 155–157, 184, 223, 232
- Картины мира** 20, 24–27, 31, 35, 38, 83, 131, 133, 135, 146, 168, 193, 196–200, 205, 226
- Классовая структура**
37–38, 49, 52, 56, 64, 68, 70, 88–89, 91, 93, 117, 124, 223, 251, 252
- при позднем капитализме 65–68, 157
- Классовый компромисс** 67, 70, 94, 97, 100, 103, 116, 117, 123, 184, 204
- Коммуникативная организация поведения** 74–75
- Коммуникативная этика**
27, 44, 133, 150–151, 154, 197, 246
- Консенсус** 12, 44, 102, 123, 173, 174, 176–179, 182–186, 216, 218, 224, 234
- Контркультура** 143–145, 151
- Конфликт, конфликты** 9, 39, 44, 49–54, 108, 146, 147, 181, 187, 189, 218
- классовый 66, 70
- Кризис, кризисы** 7, 8–13, 19, 29, 30, 34, 38, 39, 44–47, 52, 60, 66, 68 – 69, 76–157

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- идентичности 12–13, 45, 77, 79
 - легитимации 77, 79–81, 82, 85, 115, 124–126, 157
 - мотивации 77, 82, 86, 126, 127, 151
 - политический 68, 79
 - рациональности 77, 79–80, 85, 103–115
 - системный 10–11, 44 – 45, 47, 54, 65, 69, 77, 79
 - социальный 10–11, 13, 54, 65
 - экономический 10, 44, 46, 52–55, 65, 67, 69, 77–80, 85, 88–101,
- Кризисные тенденции при позднем капитализме**
- в качестве проявлений последствий капиталистического роста 70–76
 - в качестве системно-специфических тенденций 76–86
 - мотивационные 82
 - политические 79–81
 - социокультурные 77, 81
 - экономические 66–67, 77–78, 88–101, 104, 115–117
- Культура 16, 18, 26, 30, 33–34, 35, 40, 44, 55, 70, 74, 77, 81–82, 118, 119–123, 125–127, 130–131, 133–136, 140–141, 143–145, 152,**
- 153, 155, 156, 196, 197, 205, 234
- Легальность (Legalität) 162–168**
- Легитимация (Legitimation) 27, 37–39, 39–40, 41, 46, 62, 64, 74–75, 81–83, 94, 98–99, 104, 105, 108–109, 115–118, 120, 123, 142, 147, 149, 155, 156, 158–168, 193–195, 212**
- идеологическая 16
 - норм поведения 19, 21–23, 74–75, 116
 - при позднем капитализме 98–100
 - утрата 79, 81, 123–124, 126, 156
- Легитимность (Legitimität) 23, 37, 63–64, 82, 85, 89, 97, 105, 109, 116, 118–120, 124, 159–167, 181, 184, 217**
- Лояльность 15, 63, 73, 79, 99, 104, 120, 145, 223**
- Мораль 24–25, 35, 37–38, 42, 83, 131, 133, 145–149, 179, 193, 197, 198, 226, 246**
- универсалистская 20, 141, 145, 148, 159, 198
 - утилитаристская 42, 132, 179
- Мотивация 22, 74, 77, 82, 84, 86, 116, 126–130,**

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 133, 138, 142, 148, 157,
158, 162, 178, 188, 212,
216, 220, 242
- Накопление капитала**
(Akkumulationsprozess
des Kapitals) 41, 44, 48,
52-55, 71, 79, 91-93,
104, 110, 111, 114, 139
- Наука (Wissenschaft)** 10,
13, 16, 24, 32, 61, 64, 83,
95-96, 142, 145, 148,
175, 176, 196-197, 221,
222, 234, 235
- Нормативные структуры**
(Normative Strikturen)
12, 14-18, 24-29, 33,
37, 41, 44, 81, 128, 133,
141, 151, 157, 186, 193,
200, 211, 215, 220, 228
- Нормы действия** 9, 16, 19,
21-23, 35, 38, 44, 52,
74-75, 81, 82, 116, 122,
145-152, 157-159, 162,
164, 166-175, 177-178,
183, 186, 187, 190, 192,
195, 197, 199, 200, 204,
212, 215, 217, 229
- Обмен, экономический** 38,
40, 42, 46-48, 62, 67, 68,
78, 89, 98, 108, 114, 116,
147
- Обучение** 19-21, 29,
31-32, 35, 38, 41, 124,
153, 158, 164, 180, 236
- не-рефлексивное 30
- рефлексивное 30
- Общественная формация**
18, 30, 33-35, 45, 47,
50, 56-57, 71, 153, 156
- капиталистическая 33,
45, 71
- Общественность (Effent-
lichkeit)** 63, 118, 122,
127, 219
- деполитизированная
64, 80, 81, 100, 127,
142
- Общество (Gesellschaft)**
11-12, 14, 18-20, 25,
27-29, 33-36, 52-55, 59,
101, 111, 139-140,
143-145, 151, 161, 186,
193-194, 198-200,
205-206, 208-210,
213-215, 219-222, 225,
227, 230, 232, 234
- капиталистическое 73,
73, 58, 129, 137, 140
- классово разделенное
33, 48, 50, 159, 185
- либерально-капитали-
стическое 39-46, 52
- позднекапиталистиче-
ское 34, 65, 70, 75, 76,
83, 123, 127, 154
- постсовременное 34,
217
- традиционное 36-39,
41, 46, 52, 55, 64,
145-146
- Ожидания, растущие** 82,
124-126

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Олигополия 58–59, 118
- Отчуждение 70, 154, 206, 209–211
- Планирование 61, 85, 87, 100–103, 106, 108–114, 116, 121–124, 217–229
- административное 80, 98, 102, 114, 119–120, 122, 219, 222–223
 - глобальное 60, 93
 - идеологическое (Луман) 118
 - политическое 58, 79
 - производства 73
- Поведение 16, 22, 74–75, 112–114, 121, 152, 155, 158, 162, 174, 187, 218
- девиантное 69
 - лояльное системе 112
- Политическая экономия 55, 64
- Право 17, 37, 39, 40–42, 46, 62–64, 87, 90–92, 99, 121, 131, 136, 142, 146–149, 162–167, 183, 185, 202, 208, 236
- Приватизм
- гражданско-государственный (staatbürgerlicher Privatismus) 63, 64, 83, 100, 113, 122, 125, 127–129, 143
 - семейно-профессиональный (familial-berufliche Privatismus) 83, 127, 128, 133, 141
- Принцип общественной организации (gesellschaftliche Organisationsprinzip) 18–19, 30, 33–39, 41, 43, 45–48, 50, 67, 70, 73, 91, 92, 94, 214
- Притязания на значимость (Geltungsansprüche) 15, 19, 21–22, 24, 29–30, 37–38, 119, 122, 150, 159, 162, 164, 168–169, 173–174, 177–178, 182, 185–186, 201, 212, 229, 231, 246–247
- Проблемы управления (Steuerungsprobleme) 10, 13, 17–18, 39, 44–47, 52, 55, 145, 197
- Противоречие 8–10, 38, 44–45, 49–56, 62, 68, 70, 79, 83, 106–107, 115–116, 170, 175, 208, 228
- Профессионализм 131, 134, 136, 138–139, 234
- радикальный 113
- Процесс реализации капитала (Verwertungsprozess) 54, 61, 77, 80, 86–87, 94, 99, 101, 103
- Рационализм, критический 175–176
- Религия 24, 131, 133, 136, 142, 145, 177, 194
- Рынок 38–39, 41–42, 46–48, 59–63, 65, 68, 86–91, 94, 96–98, 108, 112–116, 137–138, 144

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Свобода 184, 206
- действий для системы 28, 117, 214-215
 - инвестиционная 60, 106, 113
- Система, системы (System/Systeme) 8, 14-15
- административная 15, 35, 58-62, 79-80, 83, 99, 102-103, 107-113, 115, 122, 125-126, 127, 134, 157, 215, 220-222
 - действий 51
 - интерпретаций, или толкований (Deutungssysteme) 12, 18, 25-26, 74-75
 - легитимации 62-63, 70, 79, 83, 215
 - личности 70, 74-75, 151, 211
 - общественная (Gesellschaftssystem) 5, 10-11, 13, 17, 19-21, 25-26, 68, 73-74, 84, 89, 146, 186, 189, 205, 211, 213, 215, 232, 234 251
 - политическая 14, 16-18, 35, 39, 43, 62, 69-70, 74, 77, 79-82, 89, 94, 116, 118, 120, 156, 188, 190-191, 215, 220, 223
 - социальные (Soziale Systeme) 11, 18, 27-28, 36, 190, 218, 227
 - социокультурная 15, 69, 77, 81-82, 83, 156
 - целерационального действия 54
 - экономическая 15-16, 35, 39-40, 43, 48, 55, 59-60, 62, 77-78, 79-81, 83, 90, 99, 102, 107-108, 116, 124, 127, 133-134, 143, 151, 154-155, 220, 223, 225
- Сознание 8, 52, 100, 142, 187, 197, 207, 216, 242
- буржуазное 48, 208
 - герменевтическое 119
 - классовое 66, 70
 - кризисное (Krisenbewusstsein) 12
 - моральное 25, 147, 158
 - позитивистское 135, 142
 - технократическое 124
- Социализация 19-20, 27, 44, 73-74, 114, 122, 127-128, 151-152, 153, 157, 198, 200, 204, 211, 230, 234
- Стоимость (Wert) 42, 48, 52, 55, 77-78, 84, 87, 89, 97, 99, 124, 156
- меновая 47, 52, 73, 113, 141
 - потребительная 20, 47, 53-54, 61-63, 67, 73, 77, 87, 92-93, 94-95, 104, 112, 144
 - прибавочная 41, 47-48, 54, 61, 62-63, 67, 87,

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 91, 93–97, 100, 115,
240
- Структурная деполитизация 39, 47, 64–65, 101, 115
- Субъекты 8–9, 11–13, 27, 50–51, 64, 132, 139, 146, 150, 193, 197, 205, 207–208, 212–213, 245–247
- Сциентизм 132, 136, 142, 196
- Тенденция нормы прибыли к понижению 53, 78, 97
- Теория, теории 7
- власти 203
 - государственно-монополитического капитализма 100–102
 - действия 16, 55, 234
 - демократии 201–203
 - коммуникативного действия 7, 235,
 - коммуникации 51, 212
 - кризиса (Маркс) 7, 10
 - критическая 229–230
 - общественная 7, 185–186, 193
 - общественных формаций 7, 18–19
 - планирования 217, 219, 225–226, 228
 - позднего капитализма 67, 155
 - системная 10–11, 15–16, 28, 51, 53, 198, 228, 230, 234, 237, 241
 - социальной эволюции 7, 15, 18, 34, 84, 228
 - стоимости 48, 55, 89, 94–95, 97, 115
 - элит 102, 142, 203
 - языка 29
- Техника, технология 21, 24, 52, 61, 93, 95, 112, 118, 144, 205–207
- Технократические системные теории 64, 101–102, 142, 240
- Традиция, традиции 12–13, 18, 24, 26, 62, 81, 83, 85, 119–122, 128–129, 145, 145–146, 153, 187, 199, 234
- Труд, трудовые отношения 21, 31, 37, 38–39, 40, 43, 44, 47–48, 58–59, 65, 66, 68, 77–78, 83, 86, 92–97, 104, 112–113, 123, 127, 137–139, 141, 184, 206, 211
- Утилитаризм 46, 130, 150
- Философия 10, 24, 32, 132, 136, 169–170, 179–180, 182, 189, 200, 246
- Ценности (Werte) 14, 23, 41, 77, 108, 122, 126, 135, 145, 159, 175–176, 187, 200–201, 216, 218, 233

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- культурные 18, 165, 234
- универсалистские 44, 62, 83, 86, 100, 131, 147, 153
- Шансы, жизненные 137, 161
- инвестиционные 53, 62, 91
- легитимного удовлетворения потребностей 50, 186
- на осуществление власти 202, 218
- Экономический рост 49, 52, 71–72, 102, 123, 139
- Эрлангенская школа 180–181
- Этика 149, 175, 179, 182
 - государственная 38, 129, 145
 - коммуникативная 27, 44, 150–151, 197, 246
 - материальная этика ценностей 166
 - политическая 132
 - протестантская 131
 - профессиональная 131
 - утилитаристская 136, 212
 - формалистическая (Кант) 150–151
- Язык 11, 15, 22–23, 29, 49, 51, 145, 170, 180, 182, 198, 210, 241

Юрген Хабермас

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

Перевод с нем. *Л. В. Воропай*

Общая редакция и вступительная статья *О. В. Кильдюшов*

Примечания, именной и предметный указатели

Т. А. Дмитриев

Оформление обложки *А. В. Кулагин*

Макет и верстка *А. З. Бернштейн*

Корректор *Г. Ф. Гученкова*

Издательская группа «Праксис»

ИД № 02495 от 03.10.2000

Подписано в печать 10.10.2010. Формат 84 × 108/32

Бумага офсетная. Печать офсетная

Тираж 2000 экз. Заказ 3853

ООО «Издательская и консалтинговая группа „ПРАКСИС“»

127486, Москва, Коровинское шоссе, д. 9, корп. 2

<http://www.praxis.su>

<http://www.politizdat.ru>

e-mail: praxis@hotbox.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

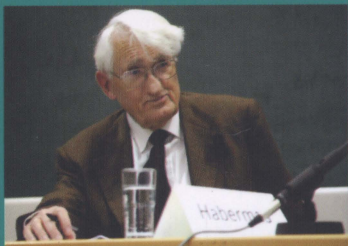
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-901574-81-2

9 785901 574812

Поскольку политика при позднем капитализме осуществляется на базе переработанного и вытесненного системного кризиса, в условиях фрагментированного классового сознания и меняющихся коалиций, конфликты, которые могут изменять условия классового компромисса, становятся постоянными. При этом от фактических констелляций власти зависит, будет ли размываться классовая структура, и если да, то в каких формах, а также будет ли затронуто противоречие, укорененное в самом капиталистическом принципе организации.

Юрген Хабермас